

Annotation

...Инженер-путеец Сергей Иванович Морозов, прогуливаясь в Рождество перед Новым 1912 годом со своей женой Машей по Косому переулку в Санкт-Петербурге, попадает под волшебный снег, который, оказывается, выпадает здесь один раз в пятьдесят лет. Сами того еще не ведая, супруги становятся на следующие полстолетия исполнителями новогодних детских мечтаний — Дедом Морозом и Снегурочкой. Они потрясены новыми возможностями и долго считают все творимые ими чудеса случайными совпадениями. Но глаза героям романа открывают птёрки и охли — представители волшебного народа, которые становятся их постоянными помощниками в предновогодние дни и ночи... «Подлинная история Деда Мороза» соединяет в себе волшебную сказку и рассказ о реальной истории России в XX веке. Она адресована детям 8 — 12 лет, тем, кто еще не расстался окончательно с верой в новогоднее чудо, но уже готов узнавать правду о жизни и истории своей страны.

- [Андрей Жвалеvский](#)
    - [Откуда взялся Дед Мороз и почему он никуда не денется](#)
    - [Рождество перед новым 1912 годом](#)
    - [Прошел год...](#)
    - [И еще один год прошел, вот-вот наступит 1914](#)
    - [Летом 1914 года началась война, которую назвали Первой мировой](#)
    - [25 декабря 1916 года](#)
    - [Тяжелый 1920 год](#)
    - [Конец 1935 года](#)
    - [Декабрь 1936 года](#)
    - [Очень страшный 1942 Новый год](#)
    - [Через 50 лет после первого волшебного Нового года, год 1962](#)
    - [Пятьдесят лет подряд](#)
    - [Столетний юбилей. Перед Новым 2012 годом](#)
    - [Эпилог. Год спустя](#)
    - [Словарик](#)
-

Андрей Жвалевский
Евгения Пастернак
Правдивая история Деда Мороза

Откуда взялся Дед Мороз и почему он никуда не денется Что сейчас будет! (что-то вроде предисловия)

Дорогие наши читатели, взрослые и дети, а также взрослые дети!

Нам очень приятно, что вы взяли в руки нашу книжку, и будет вдвойне приятно, если вы ее прочитаете. А уж если вы прочитаете и это предисловие, то мы будем просто счастливы.

Потому что, с одной стороны, то, что мы написали — это сказка. А с другой стороны — не совсем. Все, что мы выдумали, так похоже на правду, что мы уже и не знаем, выдумали мы это все, или нам птёрки с охлями нашептали?

Кто такие птёрки и охли? Потерпите, скоро узнаете. А пока — несколько слов собственно о Дед Морозе.

* * *

Кажется, что Новый год был всегда. Причем именно такой, как сейчас — зимний детский праздник с елкой, хороводами, Дедушкой Морозом и Снегурочкой. Как бы не так!

Во-первых, Новый год на Руси отмечали то 1 марта, то 1 сентября. На 1 января его перенес царь Петр I не так давно — три сотни лет назад.

Во-вторых, елки у нас в домах появились еще позже. То есть в Германии они давно были, но в России обычай ставить рождественскую ель приживался очень долго. Тот же Петр I пытался заставить в новогоднюю ночь вешать «украшения от древ и ветвей сосновых, еловых и можжевельных» — но без особого успеха. Только в середине XIX века в городских домах начали появляться привычные нам елки. А в деревнях эта традиция долго еще пробивала себе дорогу.

В-третьих и в-главных, Деда Мороза не было аж до начала XX века! То есть он родился всего сто лет назад, приблизительно одновременно с вашими прадедушками! Представляете?! Мы, когда узнали, долго не могли поверить, но это факт: был Мороз-воевода (злой и суровый), был Морозко (молодой и веселый), за границей уже был Санта Клаус, а вот Дедушки Мороза не было!

Мы так возмутились по этому поводу, что решили написать полную историю Деда Мороза. А заодно выяснить, откуда у него взялась Снегурочка. (А Снегурочка, оказывается, вообще появилась только в 1937 году!)

Странно ведь — внучка Снегурочка есть, а родители ее где?

Решили написать — и написали!

Теперь мы все знаем:

- и что Дед Мороз появился уже давно, просто мало кто об этом знал;
- и что Снегурочка — совсем не внучка Деда Мороза;
- и что он на самом деле волшебник, но только две недели в году;
- и самое важное — Дед Мороз существует! По крайней мере, пока в него верят.

Мы — верим.

Потому что эту историю мы все-таки не сами из головы выдумали, а подслушали у птёрков и охлей.

Кстати, пора и про них уже узнать. Переворачивайте страницу.

Доброго чтения!

Ваши авторы.

Рождество перед новым 1912 годом

Из истории

В 1911 году не было многих привычных сегодня вещей: телевидения, радио, космических кораблей, компьютеров. Кое-что появлялось, но было еще редкостью, например, телефоны, трамваи и автомобили.

Самым быстрым транспортом была железная дорога. Инженеры, которые работали на железной дороге, считались очень уважаемыми людьми, жили в хороших домах. Хотя этим хорошим домам было далеко до современных — ни тебе горячей воды, ни кабельного телевидения.

Зато были самовары и гимназии. Из самоваров с особым удовольствием пили чай, а в гимназии (школы) ходили без особенного удовольствия. А все потому, что в тогдашних гимназиях изучали слова с буквой «ять». Это была удивительная буква, выглядела она вот так ѣ, а читалась просто как буква «е», и не было правила, по которому было понятно, что нужно писать в слове — «е» или «ѣ». Все слова, в которых пишется ѣ, приходилось учить наизусть, а их было много, несколько сотен! Букву ѣ вскорости отменили, но дети все равно не полюбили школу.

поощряется, а ве-
тером похлещет съядим
в Павловск

А. Алексеев

ВЪ НАЧАЛѢ текущаго столѣтія и въ концѣ прошедшаго, наши публичныя увеселенія кипѣли жизнью и не были такъ безцвѣтны и вялы, какъ теперь; правда, и жизнь въ Петербургѣ въ то время была баснословно дешевая. Первый, напримѣръ, въ столицѣ домъ графа Шереметева, на Фонтанкѣ, отдавался въ паймы за четыре тысячи рублей. Лучшая квартира въ восемьдесятъ комнатъ, на лучшей улицѣ, стоила не дороже двадцати рублей въ мѣсяцъ; фунтъ говядины стоилъ полторы и двѣ копейки, полтеленка рубль, курица пять копѣекъ, десятокъ яицъ двѣ копейки, пудъ масла коровьяго 2 рубля, пудъ свѣчей сальныхъ два рубля, овса четверть восемьдесятъ копѣекъ, пудъ сѣна три копейки, дровъ березовыхъ сажень семьдесятъ копѣекъ, хлѣбъ бѣлый въ полфунта двѣ копейки, бутылка шампанскаго вина полтора рубля, портера ап-

Ёлку в начале XX века уже ставили во многих городских домах.

Украшали ее совсем не такими игрушками, как сейчас, — обычно самодельными. В то время перед Рождеством продавались наборы для самостоятельного изготовления игрушек. Фабричные игрушки делали из папье-маше или толстого стекла, а самый шик — игрушки из тонкого стекла — возили из Германии. Стоили такие украшения очень дорого.

А еще в то время страной управлял царь. Впрочем, для нашей истории это не очень важно.

— Ванечка, — маменька осторожно потрясла Ваню за плечо, — вставай. В гимназию пора.

Мальчик тут же попытался укрыться за подушкой. Чья-то сильная, но осторожная рука подняла подушку, и густой бас произнес:

— А охли уже проснулись. На кухне безобразничают.

Ваня повел носом и приподнялся на кровати.

— Смотри, не успеешь, — добавил бас.

Ваня направился на кухню. По дороге он, как обычно, выяснил, что по квартире очень трудно бродить с закрытыми глазами. Он открыл один и успешно завершил путешествие. На кухне открылся и второй глаз: наглая охля как раз готовилась заглотить его тарелку с манной кашей целиком. Обычно Ваня терпеть не мог кашу, но сейчас ловко выхватил добычу из охлиной пасти. Та так и осталась сидеть с открытым ртом.

Вернее, лежать, потому что охля была нарисована на листе бумаги.

— Успел? — спросил знакомый бас.

— Доброе утро, дядя Сережа! — сказал Ваня, жадно глотая кашу.

Манка оказалась, как ни странно, вкусной. Дядя Сережа — большой и бородатый — присел рядом.

Дядя Сережа был не просто дядя — а самый любимый на свете дядя. Пару раз в неделю, когда у него было утро посвободнее, он заезжал к своим племянникам. Завтракал с ними, а потом провожал Ваню до гимназии.

— Сестра! — крикнул он. — И мне такой каши! Только тарелку побольше, я тогда Ванюшу обгоню.

— Нет, — крикнул и Ваня, — мне добавки. Тогда будет один плюс один... две! Я больше тарелок съем!

Под шумок мама скормила Ване и противный кисель, но он даже не заметил: дядя Сережа рассказывал, что видел пару птёрков в депо, где он работал инженером.

— Может, они путешествовать собираются? — сказал он.

— Они на каникулы едут!

— Вряд ли. До Рождества еще два дня.

— Дядя Сережа, а ты к нам на елку придешь?

— Обязательно. Как же я могу не прийти к любимым племянникам?

Папа любимых племянников, Николай Андреевич Шестаков, появился в столовой парадно одетым.

— Ой, пап, а ты куда? — удивился Ваня.

— У нас сегодня в посольстве торжественный обед. А я не успею заехать домой. Доброе утро, Сергей Иванович.

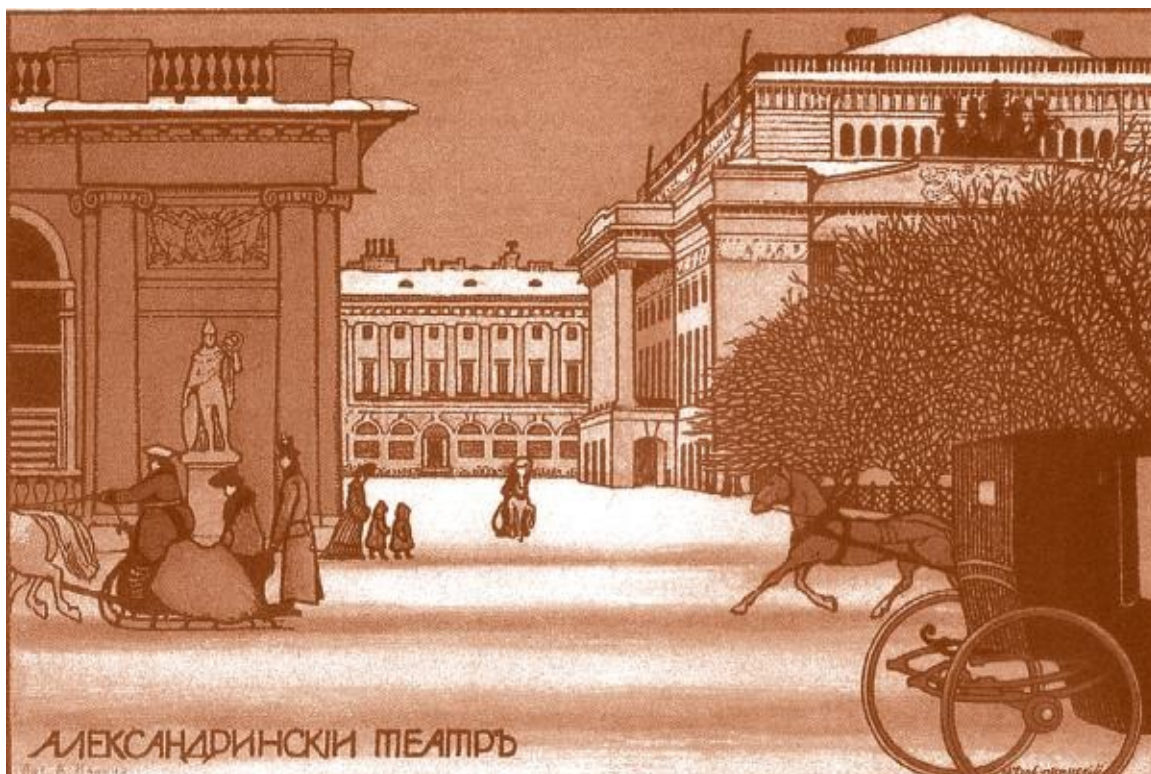
— Доброе утро, Николай Андреевич!

Мужчины пожали руки и разулыбались. Они были совершенно не похожи. Большой, веселый балагур дядя Сережа и худой, высокий серьезный папа. Но дети очень любили их обоих. Только жалели, что дядя живет не с ними.

В это утро младшие дети сползались в столовую на редкость медленно. В отличие от Вани-гимназиста, им с утра никуда не нужно было спешить. У них троих — трехлетней Наташи, пятилетнего Коеньки и двухлетней Софьи — еще продолжалось счастливое детство.

Папа их не дождался и ушел на службу.

И дети, как только появились в комнате, тут же повисли на дяде. Даже Сонечка все время старалась спрыгнуть с маминых рук и улыбалась во весь рот.

— А где мои охли?

— Ой, а у меня под тарелкой птёрк!

— Где? Дай посмотреть!

— Вот! Он голодный! На тебе, птёрк, ложечку... А чаю хочешь?

— Это, наверное, самая долгая сказка, в которую они играют, — сказала Светлана, мама ребят и сестра дяди Сережи.

Она пыталась поймать Сонечку, которая выкручивалась с рук.

— И не надоест же им!

— Надоест — другую придумаем!.. Ладно, всем до свидания. А ты, Ваня, давай быстрее, если хочешь, чтобы я тебя до гимназии проводил.

Ваня одним глотком допил оставшийся чай, а маленькая Софья наконец-то вырвалась из маминых рук и бросилась к любимому дяде. Обняла его за ногу и заулыбалась, как сто солнышек.

— Любят они тебя. Иногда мне кажется, что даже больше, чем нас, родителей. Как жаль, что у вас с Машей...

— Все, мы с Ванюшей уходим!

Дядя Сережа решительно встал из-за стола, закружил Софью, отдал на руки ее мамочке и вышел из комнаты.

Светлана испуганно притихла. Кто ее дернул за язык? Зачем лишний раз напоминать, что у Сергея Ивановича и его жены Маши нет своих детей?

* * *

На улице Ваня сразу взял дядю под руку и принялся гордо вертеть головой — глядите, кого я веду! Здесь многие знали Сергея Ивановича Морозова, дамы улыбались, а мужчины на бегу прикладывали перчатку (а то и варежку) к шапке. При этом все ежились и кутались. Дядя Сережа — будто ему и мороз нипочем — шел прямо и весело. И Ване рядом с ним отчего-то было совсем не холодно.

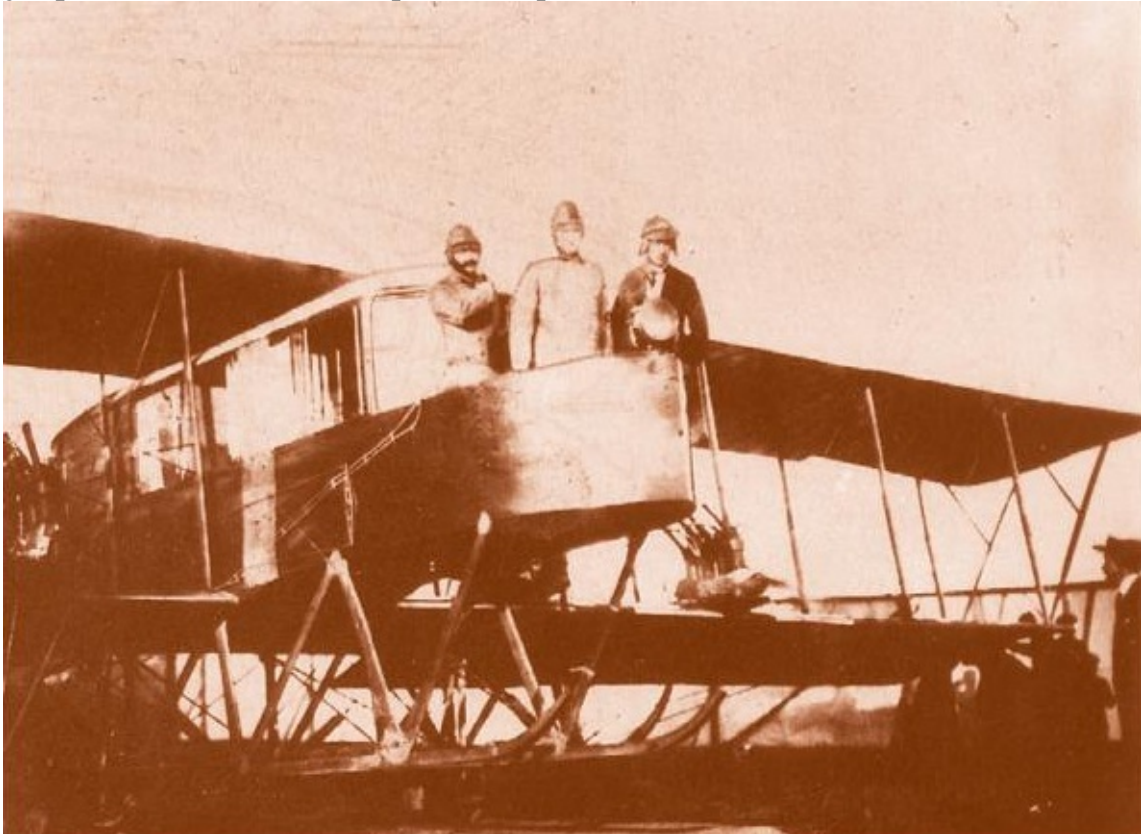
— А нам не морозно! — крикнул он.

— Потому что Морозовы! — отозвался Сергей Иванович. — Повелители морозов! — и от избытка чувств подбросил племянника к синему, как мамины глаза, небу.

Вообще-то, Ваня был по фамилии не Морозов, но дядю не поправлял. Ему приятно было чувствовать себя повелителем морозов.

* * *

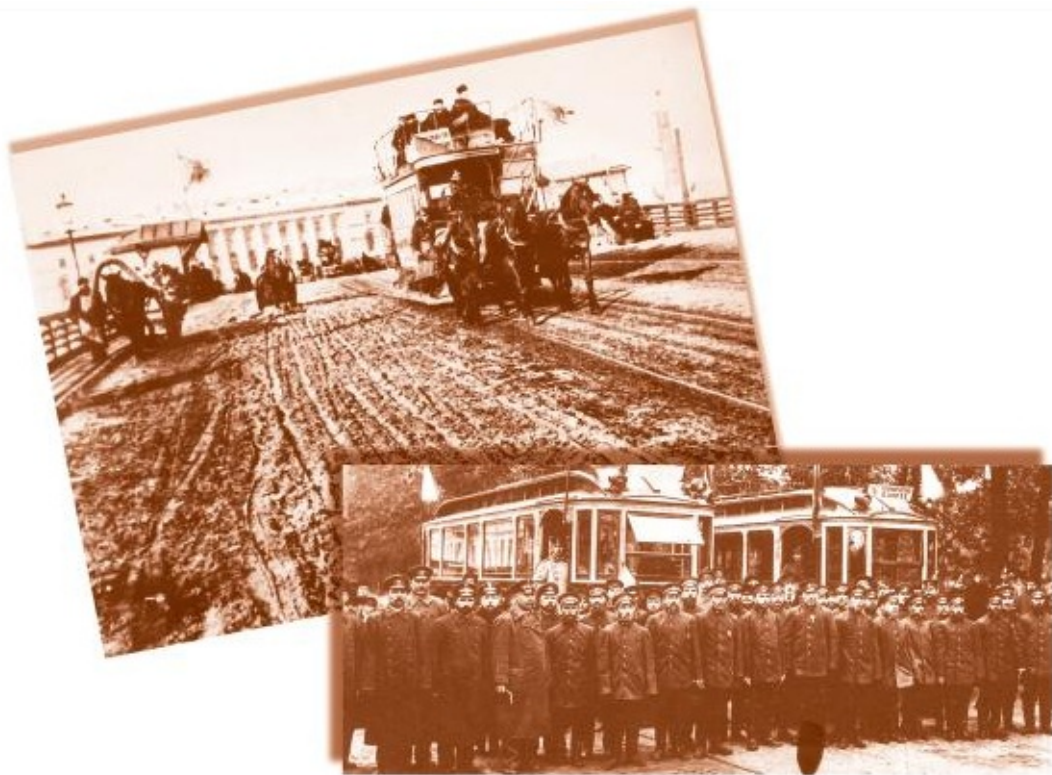
Ване страшно нравилось, когда в гимназию его отводил любимый дядя. Он по дороге всегда рассказывал потрясающе интересные истории, таких не услышишь больше ни от кого. Особенно интересно было, когда Сергей Иванович рассказывал «про город» или «про работу». К сожалению, от дома до гимназии умещалась всего одна история, так что тому приходилось каждый раз выбирать.

— Давай сегодня про город, — попросил Ванечка после недолгого колебания.

Сказал и сразу немного пожалел, потому что работа у дяди удивительно интересная. Не работа — мечта любого мальчишки. Пару раз дядя брал с собой племянника к себе в депо. А там машины всякие! Чертежи! И дядя там самый главный, если что непонятно, все сразу к нему бегут. А Сергей Иванович даже и не задается, а спокойно все объясняет.

Год назад дядя сводил Ваню на железнодорожную выставку. Выставка эта была совсем рядышком, чуть не в соседнем доме с гимназией. Ваня еле оттуда ушел, так заворожили его маленькие паровозики и настоящие модели поездов. Казалось, как только люди уйдут из зала, из паровозика повалит дым и маленькие пассажиры побегут заполнять маленькие вагоны.

А еще дядя брал с собой Ваню смотреть на аэропланы. В гимназии мальчишки обзавидовались! Ване внутри аэроплана посидеть не дали, зато ему удалось потрогать это чудо летучее за крыло.

Но лучше всего Сергей Иванович разбирался в трамваях, его работа в том и заключалась — трамваи обслуживать. Дядя много про трамвай рассказывал, но, честно говоря, Ваня понял не все. Ну, конка, это понятно — ее лошади везут, а трамвай как едет? Куда лошадей-то запихали? Или его кто за веревочку тянет?

От размышлений Ваню оторвал голос Сергея Ивановича:

— О чем задумался, детина?

— Дядя Сережа, а ты трамвай придумал, потому что тебе лошадок жалко?

Ваня с дядей пересекали Кирочную улицу, и Ваня наткнулся взглядом на конку. Две лошади тянули на себе переполненный вагон, который подозрительно поскрипывал и потрескивал.

— Ну и лошадок тоже жалко. А еще с механизмом внутри быстрее получается, чем с лошадками. Ты ж просил сегодня про город рассказать?

Ваня подумал и кивнул, тем более что историю о том, как дядя помогал придумывать трамвай, он знал уже почти наизусть.

К тому времени они быстрым шагом вылетели на Литейный.

Здесь вовсю кипела жизнь и было такое оживленное движение, что о рассказе речи не шло, дай бог живыми дорогу перескочить.

По Литейному проспекту конка не ходила, тут уже был трамвай, а кроме трамвая еще извозчики и машины. Людей куча, и все так и снуют под колесами туда-сюда!

Ваня перевел дух только на другой стороне проспекта.

— Рассказывай! — потребовал он.

— Ну что, Ванечка, тебе рассказать? По какой мы с тобой улице идем?

— Пантелеймоновской!

— Точно! А знаешь, почему она так называется? Видишь ту церковь? Это церковь святого Пантелеймона. Знаешь, кто ее построить велел? Царь Петр. В благодарность за победу над шведами в одной битве. Царь лично в той битве участвовал. И решил он построить на том месте, где сейчас Соляной городок, верфь для гребных и парусных судов...

— А почему городок Соляной?

— Это он сейчас так называется, потому что после верфи в этих зданиях были склады соли...

— Наверное, земля здесь соленая, да?

— Не знаю, не пробовал...

— А давай попробуем, а?

— Ну разве только под музей подкопаемся...

— А ты меня еще в музейводишь?

— Свожу, свожу...

— И все-все-все расскажешь?

Сергей Иванович расхохотался.

— Ну, все-все-все тебе только Господь Бог расскажет, я не смогу. Но что знаю, расскажу.

* * *

Технический музей был для Вани как медом намазан. Один раз дядя затащил его в соседний, сельскохозяйственный, музей, но там была скукота. Кроме модели паровой машины, Ваня не нашел там ничегошеньки

интересного.

За рассказом о соленой земле Ваня не заметил, как они дошли до гимназии. А это означало окончание экскурсии.

Заметив кислую мину на лице мальчика, Морозов утешил его:

— Вот завтра пораньше выйдем из дома, я тебе про Пантелеймоновский мост много интересного расскажу. Он же раньше цепной был, красивый! — Сергей Иванович мечтательно улыбнулся: — Он на цепях висел, представляешь? Идешь по нему — а он качается... Эх, такую красоту разрушили! А это же уникальный мост был, другого такого не встретишь. Но тут как раз собирались трамвайные пути проложить, так что пришлось его убрать. Видишь, от трамвая не только польза. Ладно, дружок, беги, а то опоздаешь.

* * *

Сдав племянника усатому замотанному в платок швейцару, Сергей Иванович зашагал по улице не так весело. Спешить ему сегодня некуда, на работу можно немного припоздниться.

И племянник тоже как-то сдулся. Улыбка с лица слетела, он угрюмо стоял и ковырял ногой комочек грязного снега, глядя вслед уходящему дяде.

— Ну что грустный такой, а? — Швейцар Митрофан Игнатьевич (гимназисты звали его за низкий рост просто Митрофанчик) похлопал Ваню по плечу. — Иди уже. Через пяток минуток и молитва начнется.

— Не пойду, — из глаз у Вани неожиданно брызнули слезы, — не пойду туда больше.

— Да что ты! Негоже так говорить. Вырастешь, ученым станешь...

— Я инженером стану! И не буду писать диктанты... Никогда!

— А-а-а, понятно... У вас, что ль, грамматика первая?

Ваня всхлипнул и кивнул.

— Коренные с «ять» писать будете?

— А ты откуда знаешь?

— Ой, Ванюша, я тут уже пятнадцать годков стою. Я уже эту вашу «ять» как «Отче наш»...

Митрофанчик подобрался и начал нараспев:

Бѣдный, блѣдный, бѣлый бѣс
Убѣжалъ, бѣдняга, въ лѣсъ:
Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
Рѣдкой съ хрѣномъ пообѣдалъ
И за горькій тотъ обѣдъ
Даль обѣтъ надѣлать бѣдъ.
Вѣдай, братъ, что клѣтъ и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,
Вѣжа и желѣзо с ЯТЬ,

— Еще рассказывать?

Ваня только кивнул.

— Слухай, — довольно сказал Митрофанчик.

Замѣшу постѣвъ въ мѣрило,
Ѣду грѣхъ исповѣдать.
Мѣдъ, желѣзо всѣхъ плѣнило.
Днѣпръ, Днѣстръ посѣщать.
Приобрѣлъ, расцвѣлъ, загниѣдка,
Вѣсь, апрѣль, успѣхъ, сѣдло,
Зрѣть, прорѣха, вѣха, рѣдко,
Мѣтко, вѣстовать, сосѣдка,
Крѣпокъ, спѣлъ орѣхъ зѣло!
Бѣсы, сѣни, цѣпи, вѣжа,
Лѣвый, нѣкий, прѣсный, цѣль,
Дѣти-свѣтъ! Болѣйте рѣже.
Печенѣгъ плѣнять умѣлъ..

— Уф, — Митрофанчик перевел дух, — ну как? Я много таких знаю. Час могу рассказывать. Вишь, я старый, и то сдюжил, а ты молодой, тебе сам бог велел...

— Ну какой же вы старый, Митрофанчик?!. — Ваня прикусил язык. — Игнатъевич... Вы же молодой еще!

— Ты, гимназер, хвостом-то не мети! — пробурчал Митрофанчик. — Бегом в класс, а я пошел звонок давать...

Ваня рванул раздеваться.

* * *

А в это время Сергей Иванович уже выходил у своего дома из коляски извозчика. Он решил, что перед работой не грех еще раз попить чайку.

— Так и знала, что вернешься, — засмеялась его любезная Марья Владимировна, — самовар уже сердится!

— Успокоим, успокоим, — загудел инженер Морозов. — Мы из него пар-то выпустим!

Пар выпустили, выпив по три чашки обжигающего ароматного чая. Маша умела его готовить особенным способом, с добавлением корешков и трав. Наконец Сергей Иванович откинулся на стуле, извлек из кармана часы и покачал головой.

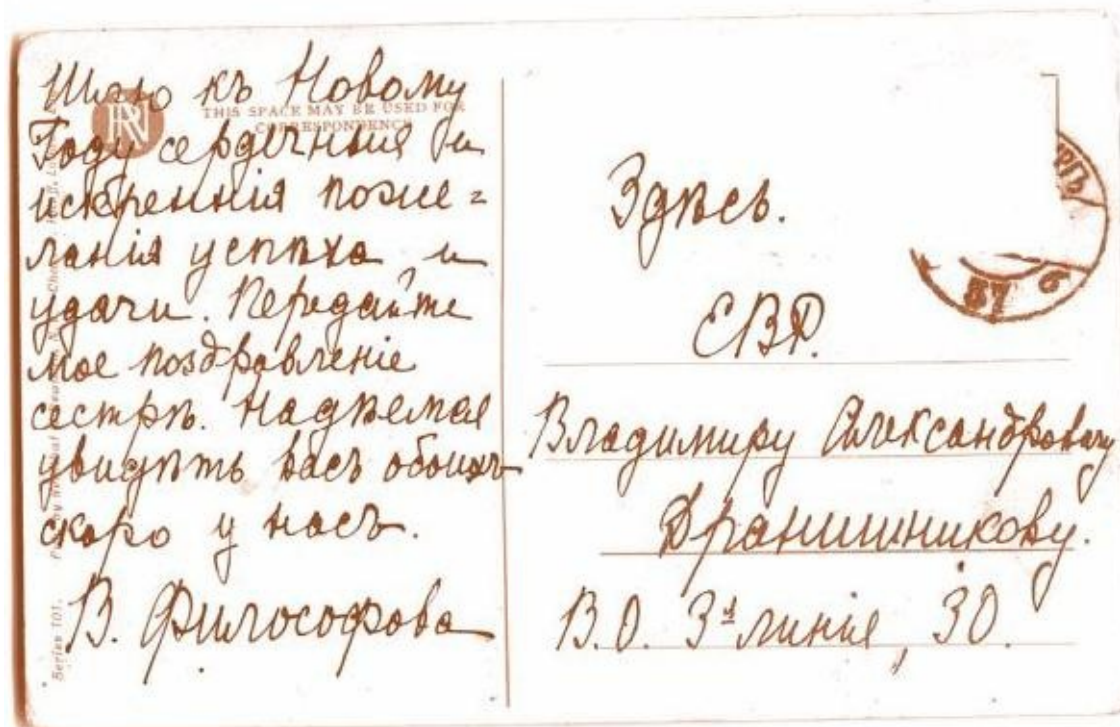
— Пора мне идти, Машенька. Утро я себе освободил, но через полтора часа мне надобно в депо быть. Как бы не наломали дров там без меня.

Супруга вздохнула и улыбнулась. Нужно было прожить с ней много лет, чтобы уловить тоненькую нотку тоски.

— Что такое, Маша-простокваша? Киснуть будем?

— Да нет, все хорошо... Только скучно очень. Что-то мы давно ни к кому не ходили.

— Ничего, на Рождество походим! Ты же знаешь, нас везде привечают.

— А сегодня? Опять целый день тебя ждать...

Морозов на секунду нахмурился, но вмиг просветлел.

— Зачем ждать? Пошли гулять прямо сейчас?

Госпожа Морозова удивленно прищурилась. Сколько лет живет она с этим большим мальчишкой, а все никак не привыкнет к его фокусам.

— Так тебе же в депо?

— Ничего страшного! Немного прогуляемся, а потом я поеду в депо. А тебе возьму лихача, доедешь в тепле.

Марья Владимировна была не из балованных барышень, собралась в две минуты. И вот уже шла под руку с дорогим мужем по скрипучему снегу. Шла и смеялась тихо, непонятно отчего. И ей тоже было совсем не холодно рядом с повелителем морозов.

Сначала они думали пешком дойти до Николаевского вокзала, где и работал Сергей Иванович. Однако, выйдя из дома, не сговариваясь, свернули в другую сторону и пошли не к Невскому проспекту, где шумно илюдно, а тихими улочками к Сергеевской, мимо дома сестры и любимых племянников на Фурштатской.

— Эх, люблю я этот район, хорошо здесь! Тихо, красиво, уютно...

Машины юбки тихо шелестели, сапожки поскрипывали по снегу. Она шла и разглядывала красивые особняки, не замечая, что Сергей Иванович насупился. И насупился еще больше, когда Маша остановилась у одного особняка — когда-то Бутурлинского. Нынче в нем расположилось посольство Австро-Венгрии.

— А представляешь, — сказала Маша, — если б это был не Бутурлиной особняк, а Морозовский! Как ты думаешь, я бы хорошо выглядела на этой террасе? — Только тут, не дождавшись быстрого ответа, Маша спохватилась, заметила, что супруг уже мрачнее тучи. — Шучу я, шучу! Что ты надутый, как цеппелин? Мне наш дом очень нравится. А здесь пусть бояре да дипломаты живут. — Маша погладила по щеке немного оттаявшего мужа и повела его дальше. — Просто дома тут красивые очень. Представляешь, они же тут уже лет 50 стоят и простоят еще лет 200. И нас уже не будет, а люди все будут ходить и любоваться! И церковь вот эта, Сергиевская... Видишь вон ту бабушку, что внучку ведет... А через пятьдесят лет та свою внучку сюда приведет, а потом та свою внучку... Знаешь, что я иногда думаю? Что если бы все, каждый, потихоньку свою жизнь записывали, как бы это было здорово! Вот кажется: что писать, и так все помнишь, а через сто лет как это будет людям интересно! Что мы носили, куда ходили? А вдруг у них, через сто лет все по-другому будет?

— Ну как уж так особенно по-другому? — не выдержал, разулыбался Сергей Иванович, — шляпки, что ли, будут с другими полями?

— При чем тут шляпки? Хотя это тоже очень интересно... А вдруг через сто лет все-все люди будут жить вот в таких домах! И болеть не будут, совсем не будут! И не будет несчастных детей!

К этому времени пара уже подходила к Гагаринской улице, куда всего несколько часов назад дядя отводил племянника.

— М-да... Чтоб детей несчастных не было, придется все гимназии

поотменять, вот тогда они и будут в мяч гонять весь день и снеговиков лепить. О! Я знаю, как сделать всех детей счастливыми! Нужно букву «ять» отменить!

Маша сначала посмотрела на мужа огромными глазами, а потом расхохоталась.

— А как же без нее? Чем же первоклашки заниматься будут весь год?

Супруги отсмеялись, и тема всеобщего детского счастья была закрыта.

* * *

Морозовы свернули на Косой переулок и разом остановились.

На улице было необыкновенно тихо.

И снег вдруг пошел — белый, пушистый и ме-е-едленный-ме-е-едленный. Он как будто зависал в воздухе перед тем, как упасть на землю.

Неизвестно сколько простояли Морозовы в переулке, по которому ходили до того тысячу раз.

— Какая красота! — первой пришла в себя Маша. — Прямо как в сказке.

— Я частенько здесь хожу, а привели б сюда с закрытыми глазами — нипочем бы места не узнал! — согласился Сергей Иванович.

Морозовы переглянулись и разом осторожно шагнули в Косой переулок.

И чем глубже они входили в переулок, тем волшебнее становилось вокруг. Дома за кружевной завесой снегопада казались сказочными замками. Небо опустилось низко-низко, как свод огромной пещеры. И снег то ли падал с этого свода, то ли, наоборот, летел вверх, как будто какой-то великан сдул пушинки с миллиона пышных одуванчиков.

И еще — было фантастически тихо.

Так тихо, что слышно, как снежинки ударяются одна о другую.

В середине переулка Маша снова остановилась. Остановился и Сергей Иванович.

— Слышишь? — спросила Маша шепотом.

Сергей Иванович прислушался и кивнул.

Шум сталкивающихся снежинок становился чуть громче и отчетливее, он все больше напоминал музыку. Словно огромный оркестр тихо-тихо играл на колокольчиках какую-то необычную мелодию.

Снег повалил сильнее, но было совсем не страшно, а... волшебно. Снегопад стоял уже сплошной стеной, он начал медленно кружить вокруг

мужа и жены, словно пытаясь их завернуть в снежную простыню. Где право? Где лево? Где стены домов?

Подчиняясь ускоряющемуся ритму, Маша начала вальсировать и звонко рассмеялась.

— Смотри, снег танцует. Раз, два, три, раз, два, три...

Полы Машиного пальто развевались, и Сергею Ивановичу даже показалось, что из снега соткался кавалер, который ведет его Машу в танце. Теперь музыка колокольчиков звучала совершенно ясно.

— Ой, где-то сегодня бал, — сказала Маша и замерла от восторга.

Потому что в эту минуту снег вокруг них стал разноцветным. Сотни огней вспыхнули в каждой снежинке вокруг них. Сергей Иванович и Маша стояли, как замороженные, смотрели, как цветные снежинки падают на их волосы, на их одежду. Тают, но от этого только становятся ярче, отражаясь одна в другой.

Казалось, у них еще не было минуты счастливее этой, казалось, что вся их жизнь была только ожиданием этого снегопада и что теперь все

изменится...

* * *

Сергей Иванович Морозов пришел в тот день в депо с большим опозданием, собственно он появился на работе только после обеда.

Вел он себя совершенно необычно — был тих, неразговорчив. Не балагурил, не смеялся заливисто... Сначала сослуживцы решили, что беда у человека стряслась, потом присмотрелись — а он улыбается. Широко, открыто, по-доброму, просто в широченной бороде эту улыбку не сразу и разглядишь. И поняли, что если что и стряслось у этого человека, то только хорошее.

* * *

— Ванечка, вставай! Будешь так спать — Сочельник проспичь!

— Дядя Сережа, я такой сон видел!

Ваня, осознав, что возле его постели не мама, а дядя, мгновенно проснулся и сел на кровати.

— Дядь Сереж, помнишь, мы с тобой на выставку ходили, там поезда были маленькие? Представляешь, я во сне увидел такую же железную дорогу! Сама малюсенькая, паровозик по полу в комнате ездит, между стульев, но рельсы настоящие! И вагончики тоже. А из вагончиков все можно выгружать. И елочки вокруг растут, почти как живые! И даже машинист в паровозе есть.

Ваня выпаливал все увиденное с закрытыми глазами, чтобы не размазать картинку, которую видел до сих пор.

— Эх ты, придумщик!

Дядя обнял мальчика, тот забрался к нему на колени, и вдруг в голове у Сергея Ивановича отчетливо вспыхнула та же картинка — железная дорога, поезд, елочки и даже крошечный шлагбаум на крошечном переезде.

И ему ужасно захотелось, чтобы вся эта красота принадлежала его племяннику. Просто захотелось, и все.

Слегка ошарашенный ярким видением, Сергей Иванович мотнул головой, подкинул Ванечку к потолку и отправился здороваться с остальными детьми.

* * *

За пару дней до праздника все дети в доме садились делать елочные игрушки. Это было нечто вроде катастрофы, но катастрофы ожидаемой. Дети ждали ее с восторгом, а взрослые — понимая, что ее не избежать.

Сначала на свет извлекался заветный чемоданчик со всяческими волшебными причиндалами. Листы разноцветной бумаги, золотая и серебряная канитель, бристоольский картон, вата, проволока, блестки, бусины. Все это раскладывалось на огромном столе в кухне, который предварительно застилали старыми газетами.

Далее варился клей. Дети заворуженно наблюдали за тем, как растворяется крахмал. Сначала получалось непрозрачное варево, а потом вдруг становилось прозрачным.

Каждый год взрослые боялись, что чей-нибудь любопытный носик обольют-таки кипятком. Выгнать эти носики из кухни было невозможно ни под каким предлогом.

А потом... А потом начиналось самое интересное! Дети клеили, крутили, лепили, резали, пришивали, плакали и смеялись, дрались и мирились. Забывали про обед и ужин. Иногда выбегали в гостиную с криками:

— Смотри, что у меня получилось!

И мама стонала от восторга при виде крошечной бонбоньерки и от ужаса при виде волос в клее, платья в вате или безнадежно испорченных брюк, на которые «Колька вылил чернила, но ты, мамочка, не волнуйся».

Ближе к вечеру мама не выдерживала, приходила, просила строгим голосом:

— Вы, пожалуйста, заканчивайте, а то уже спать пора.

Дети знали, как с этим бороться.

— Мамочка, а помоги мне, пожалуйста, кукле волосы приклеить, — невинным голосом просит Наташа.

Мама берет в руки куклу.

— А платье у нее уже есть?

— Нет, — Наташа прячет хитрющие глазки.

— Да как же она будет без платья? — возмущается мама.

И через час папа находит маму на кухне, всю в нитках, измазанную клеем, а куклу не только с приклеенными волосами, но и в бальном платье из настоящих кружев.

Папа хватается за голову, разгоняет всех по кроватям, клятвенно обещая детям, что завтра это безобразие будет продолжено.

И вот завтрашнее утро наступило. Вся кухня завешана разноцветными бусами, гирляндами и флажками. На печке сохнут котики, лебеди, ангелы, звездочки, шарики, коробочки и просто звери, которых никто не смог опознать.

Торжественный момент, все ждут дядю Сережу.

А дядя Сережа, спустившись из Ваниной спальни, медленно прохаживается по кухне, скидывает сюртук, берет кисточки, долго готовит краски, мудрит, перемешивает. Дети не торопят, они тихонько сидят и млеют от удовольствия. А потом неопознанные зверюшки оживают, приобретают характеры. Только что был недоделанный шарик, а стал котик, свернувшийся клубком. Один глазик закрыт, а второй чуть приоткрыт, это он мышку ждет. А вот и мышка — смешная такая, носик пуговкой, глазки-щелочки. Маленькая Софья, которой только недавно исполнилось два годика, та, что создала этот крохотный кривой комочек, пытаясь сделать ровный шарик, визжит от восторга.

— Мама, мышка, мама, пи-пи-пи, мама, это масенькая мышка, у нее глазки, у нее носик, ну посмотри же, мама!..

Мама прибегает на этот визг.

— Софья, что случилось? — это испуганно, а потом с облегчением. — Сергей, ты уже здесь... Я думала, что вы еще с Ваней секретничаете.

* * *

— Мама, у меня мышка!..

— Ой! Какая красавица...

Мама недолго мнетя у стола, подглядывая брату через плечо, а потом, видно, мысленно махнув рукой на все домашние дела, говорит:

— А давай мы твоей мышке сделаем серебряный хвостик.

Дети с готовностью освобождают маме место за столом.

Укоризненно качает головой няня. Папа, заглянув на секунду перед уходом на службу, строгим голосом сообщает:

— И учтите — сегодня вечером вовремя спать!

А сам улыбается. Никто из присутствующих на кухне не поднимает головы.

Ближе к вечеру Сергей Иванович, с трудом оторвавшись от разукрашивания игрушек, ушел домой. Он шел пешком. Он вообще гораздо больше ходил пешком, чем ездил на извозчиках. И на своем «родном» трамвае почти не катался. Он шел, вспоминал Софью мышку и думал, что здорово ощущать себя немного волшебником.

Кстати, вспомнил и про необыкновенную Ванину игрушку, которую тот увидел во сне, и даже зашел в игрушечный магазин. Но, поговорив с очень обходительным приказчиком, понял, что ничего подобного в их городе пока не появлялось. Немного расстроившись за племянника, дядя купил ему обычный паровозик, который можно тягать за собой на веревочке.

Этот паровозик Машенька потом завернула в красивую бумагу и присоединила к груде подарков, которые только и мечтали о том, чтобы оказаться на рождественской елке.

Утром в Рождество Сергей Иванович с Машей по традиции опять пришли к Светлане с детьми. Там же собралась вся семья, так что детей получилось очень много.

В Санкт-Петербурге жили три сестры Сергея Ивановича. Самая младшая, самая любимая и близкая сестра — Светлана, младшая Вера, у которой было две дочки, и старшая Елена, со своими двумя сыновьями. Итого — восемь племянников!

И дяде очень хотелось посмотреть на глазенки детей, разворачивающих подарки.

Сначала дети раскладывали подарки по кучкам. Те, кто уже умеет читать, были самыми важными, только они могли отличить, где написано «Ваня», а где «Паша». Потом подарки потихоньку разворачивались, но не все сразу, а по очереди, медленно. Каждый развернутый подарок встречали общим восторгом, все его обсматривали со всех сторон и только после этого приступали к следующему.

Дядя Сережа уже через пять минут после начала церемонии скидывал сюртук, закатывал рукава и перемещался на пол — именно там происходило самое интересное. Туда, где нужно было помочь распаковать, показать, завести, не дать сломать...

Он уже за несколько дней до Рождества начинал предвкушать эти минуты и волновался: а вдруг его подарки не понравятся, а вдруг не поделят чего его любимые, но не всегда дружные племянники?

А еще у них был целый ритуал осмотра елки.

Каждая сделанная детскими руками игрушка должна быть по достоинству оценена, каждую следовало подержать в руках, поцокать языком, выслушать историю создания, и это несмотря на то, что еще вчера

эти игрушки делали всем миром.

Но кроме самоделок на елке были еще и другие чудеса. Шикарное навершие — огромная золотая шестиконечная звезда, такая красивая, что просто дух захватывало, когда ее закрепляли на верхушке елки. Картонажные ордена, их особенно любили мальчишки, потому что с ними можно было поиграть — после выигранной серьезной солдатиковой битвы их генералу Кольке или Ване прикалывался Владимир, и они сразу становились как будто даже ростом повыше.

Всякие бонбоньерки и прочие коробочки в виде тувфелек, бутылочек, сердечек и розочек.

Ну и готовые игрушки из ваты. У каждого были свои любимцы. Наташе нравился месяц со звездами, она называла его «месяц-месяцович» и требовала повесить пониже, чтоб она сама могла до него достать руками.

А Софья очень любила клоуна и, наоборот, требовала повесить его повыше — чтоб никто его не трогал. А Ванька любил будочника. Он висел вместе со своей будкой на елке, как на боевом посту. И Ваня утверждал, что если не он, то все игрушки на елке перессорятся...

Еще на елке были хлопушки, в которых запрятано столько интересного! А еще конфеты. А еще гирлянды. И свечи...

Свечей, правда, было немного, потому что мама очень боялась пожара и разрешала их зажигать только один раз и буквально на несколько минут.

А вот стеклянных игрушек на елке не было. Один раз детей взяли с собой в гости сразу после Рождества. Был праздник у папиного знакомого из Германии. И там на елке висели настоящие стеклянные шары. Блестящие, ровные, гладкие — они завораживали взгляд, глаз не оторвать. Их так и хотелось облизать, но и потрогать не дали, даже к елке подойти, ее огородили пуфами и ширмочкой, не подобрешся.

— Мама, а можно мне посмотреть вон тот шарик? — шепотом спросил Ваня у мамы.

— Нельзя, Ванечка, такие шары стоят целое состояние.

Ваня надулся и пробурчал:

— А зачем их тогда на елку повесили? Лежали бы себе в банке...

Очень кстати кто-то ему недавно рассказал, что состояния хранят в банках. Мама хихикнула, а уже дома рассказывала папе:

— Нет, ну правда, зачем они их вешают на елку? А вдруг ветка обломится? А вдруг елка упадет?

Папа ответил непонятно:

— Престиж.

А мама все недоумевала:

— Нет, я понимаю, украшения демонстрировать. Но их же можно по наследству передавать, продать можно...

— В банк положить, — не удержался папа.

— И ничего смешного! Ваня все правильно сказал! Сто рублей за шарики, это же немислимые деньги... На эти деньги можно три граммофона купить, у людей пенсия семь рублей в месяц!

Граммoфоны в России стоили целое состояние. Например, за простенький граммофон «Монарх-Олимпия» просили 26 руб. 75 коп. А вот самой продвинутой новинкой 1910 года, уверяет «Огонек», был «Монарх-Гигант-Люксусь» — в корпусе орехового дерева Modern, с иголкой «непортящийся „Сапфирь“» и рупором (то есть самой медной трубой) «Тюльпань». Стоил «Люксусь» 37 рублей (сегодня примерно столько стоит плазменный телевизор). Объявление в «Огоньке» заканчивалось призывом: «Остерегайтесь варшавских подделок!»

А дальше Ваня не дослушал, потому что его под дверь кабинета нашла няня и увела в детскую, жуя за то, что слушает взрослые разговоры.

— А какие мне разговоры слушать? Детские, что ли? — обиделся Ваня.

Он очень расстроился, что так и не дослушал, как же можно положить в банк елочные шарики...

Но в это Рождество все традиции полетели в тартарары. Как только Сергей Иванович с супругой вошли в дом, на них тут же набросился Ванечка. Он быстрее ветра неся вниз по лестнице и с разбегу запрыгнул дяде на шею.

— Дяденька Сереженька, милый! Я знал! Я так ее хотел! Я даже никому-никому больше про нее не рассказывал!

Слегка сбитый с толку дядя, обхватив Ваню поудобнее, вошел в гостиную и обомлел.

На полу были выложены маленькие рельсы, а на них стоял крохотный паровозик. Несчитанное количество запасных частей лежало в огромной коробке, которая стояла посреди комнаты.

Все дети и взрослые стояли вокруг и молча наблюдали это великолепие.

Светлана первая заметила брата.

— Ну, дорогой... Я даже не знаю, что сказать. Ваня весь дом в семь утра поднял криками. Мы сбежались сюда, думали, случилось что. А он сидит на полу, в пижаме, босой, коробку обнял и все говорит: «Я знал, я знал...» Когда вы с ним успели договориться? И где ты взял это чудо?

* * *

Маша смотрела на мужа с недоумением, остальные с любопытством. Всем было интересно, где он взял такую замечательную игрушку.

Сергей Иванович пытался по глазам сестры прочесть, разыгрывает она его или просто хочет скрыть от мужа дорогую покупку. А Маша пыталась то же самое выяснить по глазам мужа. Только по ним разве что поймешь? Вроде серьезные-серьезные, но иногда вдруг промелькнет в уголке какой-то чертик. А может, и не чертик, а птёрк или охля.

Так в тот вечер никто ничего и не понял. Дяде Сереже и не особенно до разбирательств было: остальные племянники и племянницы повисли на нем и требовали себе — кто необыкновенную куклу с малиновыми волосами, кто целую армию солдатиков, кто живого котенка.

— Все будет! — только успевал кивать Сергей Иванович. — Всенепременнейше. Никого не обидим. Всех одарим.

И все дети сразу ему верили, потому что дядя Сережа никогда никого не обманывал. По крайней мере, никого из детей.

Жена даже упрекнула его, когда суматошный вечер остался позади:

— Что ж ты им наобещал? Как ты это все выполнишь?

— Ничего, Машенька, — Сергей Иванович выдохнул клуб пара, — что-нибудь придумаю. Еще год впереди. Да они все позабудут за год, дети ведь.

А сам еще долго лежал и смотрел в потолок.

До того долежался, что увидел вдруг на потолке птёрка. Птёрк сидел один-одинешенек и грустил. Увидев, что Сергей Иванович его заметил, птёрк приветственно помахал хвостом и выпустил из лапки какую-то искру. Морозов в ответ подмигнул и подумал: «А ведь я уже сплю».

Прошел год...

Из истории

Новый 1913 год почти не отличался от Нового 1912 года.

Все те же самовары да редкие автомобили.

И Санкт-Петербург был все тем же столичным городом. Открыли первую в городе световую рекламу. Провели первый матч по футболу между сборными Питера и Москвы (Питер выиграл!). Несколько роскошных дворцов построили. Несколько роскошных дворцов уничтожил пожар.

Игрушки по-прежнему мастерили вручную или в небольших мастерских.

А в общем — год как год.

И никто в России не догадывался, что наступает не просто 1913 год, а последний спокойный год в жизни империи...

Прошел год, но дети ничего не забыли. Просто непонятно, почему взрослые считают, что дети так быстро все забывают.

Нет, они забывают, конечно, всякую ерунду — как держать вилку или вернуться домой до темноты — но важные вещи они помнят очень крепко.

Еще за две недели до Рождества племянница Таня, дочь сестры Веры, отловила дядю Сережу, который пришел в гости, загнала его в угол и спросила:

— Ты про куклу не забыл?

— Куклу? — удивился дядя Сережа.

Что еще раз доказывает: это взрослые все забывают, а на детей сваливают. Таня терпеливо вздохнула:

— Ну куклу. Ты в прошлом году обещал. Большая, с меня ростом. Глаза закрываются, руки-ноги гнутся. И обязательно с сиреневыми волосами.

— А-а-а, припоминаю. Только волосы, кажется, малиновые?

— Это в прошлом году малиновые были, а теперь мне нужны сиреневые. Я же выросла, понимаешь?

Дядя Сережа понимал.

— Это я тебя проверял, — сказал он. — А так я все помню.

Таня недоверчиво скривила губки.

— Ничего ты не помнишь, — заявила она. — Я тебе на бумажке запишу.

И она тут же, не сходя с места, написала на бумажке, которую вытребовала у дяди Сережи: «Дѣвочка съ сиреневыми волосами!»

Судя по всему, Таня не стала делать секрета из разговора с дядей. Очень скоро все племянники — кто печатными буквами, а кто и каллиграфическим гимназическим почерком — написали заказы и вручили их Сергею Ивановичу.

Однажды вечером он разложил их на столе и принялся изучать.

— «Коник, на котором можно качаться»... Это легко... «Солдатики-гренадеры, как у Никитки»... Что за Никитка? Соседский, что ли? Ладно, разберемся...

Подошла Маша, обняла его за шею и поцеловала в макушку. Муж только потерся щекой и продолжил ревизию.

— Маш, — сказал он, — ты не видела нигде большую куклу, аршина полтора, и чтобы волосы сиреневые?

— А такие бывают?

— Конечно, — Сергей Иванович взял записочку в руки, помял ее... и вдруг кукла стала перед ним, как настоящая!

Точно так же, как давеча, перед прошлым Рождеством, увидел Сергей Иванович Наташину мечту во всех деталях: ее румяные щечки, нестерпимо синие глаза-пуговички, бантик рта, сиреневая копна волос и какое-то умопомрачительное платье. Платье было самым чудесным в этой картине: все блестящее, переливающееся, с ярким бантом, тонким серебряным пояском.

— Ух ты! — сказал Сергей Иванович шепотом.

— Увидел? — тоже шепотом спросила Маша.

— Да.

— Значит, есть такая кукла. И под елкой она непременно окажется.

Непонятно, с чего так сказала Маша. Надо было бы ей не поверить, посмеяться, а завтра помчаться по магазинам, но Сергей Иванович отчего-то знал: права его любимая жена. Через неделю именно ее найдет Таня под елкой.

Сергей Иванович поцеловал руку Маше и глянул ей в глаза. А Маша погладила его по голове и спросила:

— Ну, что там дальше?

Сергей Иванович взял следующую записочку и даже зажмурился — целый полк оловянных grenадеров, сверкая примкнутыми багинетами, явился его взору...

Сочельник Морозовы справляли как положено, посемейному, вдвоем. Маша напекла невероятное количество пирожков и с рыбой, и с кашей, были на столе и заливная рыба, и вареники с капустой. Стояла кутья из риса с изюмом, компот из сушеных фруктов и клюквенный кисель. А еще горячие, подрумяненные ватрушки с мармеладом.

Сергей Иванович, с трудом дождавшись первой вечерней звезды (пока она не появится, к застолью приступать нельзя, даже если пирожки остывают), ел и по традиции сокрушался:

— А вкусно-то как! А зачем столько? Пропадет ведь.

— Ничего, — говорила польщенная хозяйка, — что-нибудь придумаем.

На самом деле Морозовы все давно и хорошо придумали. Оставшиеся после рождественского ужина пирожки и ватрушки упаковывались в папиросную бумагу и разносились по племянникам. Те ели так, что родители диву давались: ничего не желают дети, только «тетьмашиного» угощения.

А племянники лишь закатывали глаза и требовали еще. Но «еще» не получали, потому что пирожки были под счет. Поэтому Сергей Иванович старался особо не налегать, а Маша с каждым годом выгатавливала все больше — племянники все увеличивались в числе.

После ужина Морозовы — опять-таки по традиции — садились возле елочки, задували все свечи, кроме одной, и молча загадывали желание. Желание всегда было одно и то же. И каждый год оно не исполнялось.

— Ничего, — Сергей Иванович погладил жену по руке, — будет еще у

нас с тобой маленький.

Маша, как могла весело, улыбнулась в ответ. Она понимала, что годы уже не те, не появится в семье Морозовых никакой маленький.

* * *

На следующее утро на рождественский утренник Морозовы пришли загодя. Уверенность, что все получится, никуда не делась, но логика инженера нашептывала Сергею Ивановичу: «А вдруг не выйдет? Вдруг не получится? Вдруг это сестра тогда так пошутила?» Но Сергей Иванович только сильнее стискивал локоть Маши, та улыбалась, — и все снова становилось просто и ясно. Кроме того, дядя Сережа решил подстраховаться, захватил с собой кое-какие подарки. Предчувствие предчувствием, но мало ли? Набрал игрушек, положил их в красный шелковый мешочек из-под лото, сунул в карман.

По прибытии, отчего-то стеснясь, сунул мешочек под елку, пока никто не видел. Вдохнул глубоко и пошел в детскую помогать няне ленивого Коли. Все дети уже были наряжены и причесаны, а увалень Коленька все еще натягивал чулки.

— А ты чего тут? — удивился дядя Сережа, входя в спальню Коленьки. — Все подарки уже разобрали.

Племянник ойкнул, рванул к двери в одном чулке, был изловлен и возвращен в руки няни. Его быстро одели, кое-как причесали и выпустили из рук, как выпускают в небо птиц на весеннем празднике. Коля бросился вниз с необычной для себя прытью.

И поспел вовремя. Как раз мама открывала двери гостиной и запускала детей к елке.

В этом году елка превзошла все предыдущие вместе взятые. Дворник Никодим еле втащил ее через парадное, потому что через черный ход она просто не влезала. Нижние ветки распушились на ползала, на верхних висели настоящие шишки. Ёлка была так красива, что дети даже не сразу решились ее потрогать, они ходили в благоговении вокруг, не смея поверить, что у них дома теперь будет такое чудо.

— Мамочка, милая, давай ее никогда-никогда не выбросим, — взмолилась Наташа.

Мама улыбнулась.

— Ладно, пусть недельку постоит, уж больно хороша...

На такую красавицу и игрушек потребовалось вдвое больше, чем обычно, да и наряжали ее целый день. Дети просто истомились ждать под дверь, когда же их впустят посмотреть на наряженную красавицу.

И результат стоил того. Ёлка была прекрасна!

— Не спешите! Все успеете! — мама старалась говорить спокойно и строго, но видно было, что самой не терпится посмотреть, что там, под елкой, в разноцветных коробках.

Сергей Иванович зашел в комнату, когда инспекция подарков была в самом разгаре. Дети уже рассматривали машинки, кукол, книжки и были, кажется, довольны, в меру визжали, в меру хвастались. Однако на дядю Сергея смотрели с ожиданием. Он огляделся. Ни одного из заказанных ему подарков не обнаружил. Ни гренадеров, ни чудо-куклы, ни даже лошади-качалки. Сергей Иванович растерянно посмотрел на Машу, которая подошла сзади и взяла его за руку, как маленького потерявшегося мальчика. Она же ни в чем не сомневалась, и Сергей Иванович сразу успокоился. «Будет чудо, — подумал он, — несомненно, будет!»

— А кукла где? — раздался строгий голос племянницы Тани.

— Под елкой, — ответил дядя Сережа, — где же еще?

Таня смерила его придирчивым взглядом, поджала губки и отправилась на поиски. Возле елки она на секунду замерла, потом встала на четвереньки и — к ужасу маменьки — быстро забралась под нижние ветки.

— Татьяна! — закричали взрослые. — Таня! Что ты делаешь? Разве так себя ведут воспитанные девочки? Вылезай сейчас же!

— Вылезу! — пообещала воспитанная девочка из-под елки. — Только помогите мешок вытащить.

Через пять минут совместного пыхтения извлекли и усыпанную иголками Таню, и мешок, в который она вцепилась всем, чем смогла. Это оказался почти тот самый красный мешочек из-под лото. «Почти» — потому что он стал вдесятеро больше того, что дядя Сережа принес в кармане.

— Вот видишь, — шепнула мужу Маша, — все на месте.

И ее слова тут же подтвердились: настойчивая Таня, не дав себя как следует отряхнуть, нырнула в мешок чуть ли не вся и завопила:

— Ур-р-ра! Вот она!

Снова взрослым пришлось выуживать девочку, на сей раз — из мешка. Даже не одну девочку, а сразу двух, потому что на свет божий Таня появилась в обнимку с куклой. Не куклой — куклицей! Ростом она была с саму Таню, синие глаза-пуговицы закрывались-открывались, а невероятное блестящее платье словно бы звенело.

Что тут началось! Взрослые охали, дети один за другим ныряли в мешок и появлялись оттуда каждый со своим подарком. Ор поднялся такой, что свечи на елке заколыхались.

А когда счастливые племянники наорались, то бросились к любимому

дяде Сереже, и говорили что-то все разом, и за рукав дергали, и вообще всячески выражали восторг и обожание.

«Вот и случилось, — с облегчением думал Сергей Иванович, — вот и чудо». Впрочем, главное чудо состояло в том, что ни один из подарков не был в этой кутерьме поломан, разбит. И споров никаких не возникло — всякий получил то, о чем мечтал.

Когда детский прибой схлынул, стали подходить взрослые. Все благодарили, но смотрели... с опаской, что ли? Сестра так и прямо спросила:

— Как же это, Сережа? Где ты эту красоту раздобыл?

— В мешке, сестрица, в мешке, — ухмыльнулся в бороду Сергей Иванович.

* * *

С этой елки супруги ушли необыкновенно быстро. Новоявленному волшебнику очень хотелось остаться одному, понять, что происходит, подумать, осознать...

По молчаливому согласию с Машей, выйдя из дома сестры, они двинулись домой пешком. Сергей Иванович летел по улице, не разбирая дороги, и, вдруг, выскочив на Невский проспект, остановился, замер, разглядывая рождественские витрины.

* * *

Ох и толчея была в это время на Невском!

Группками, звеня, шли трамваи. Рекой текли извозчики, толпой шли люди. Все эти три потока существовали сами по себе, периодически пересекаясь. Вот эти пересечения и порождали шум и неразбериху.

То какая-нибудь барышня в последний момент вспомнит, что ей срочно нужно купить что-нибудь к чаю, и начинает выскакивать из коляски прямо под ноги следующим лошадям! А попробуй останови коляску разом! Лошади, они ж не машина бездумная, они не могут колом стать. Тут же шум, гам, извозчики ругаются, барышня краснеет и нервничает, цепляется юбкой за коляску, спотыкается. А сзади уже подпирают. Это же проспект, а не переулок какой-нибудь, тут быстро надобно соображать.

То какой-нибудь шустрый малый начинает перебегать проспект перед

носом у трамвая. А трамвай звенит, вагоновожатый нервничает. Трамвай не может колом стать, он же не лошадь! То лошадь глупая трамвая шуганется, дернется. А если еще и пара автомобилей появится, то совсем беда. Вообще негде развернуться.

А людей-то, людей! Все бегут, торопятся. Кто по делу, кто за покупками.

* * *

Сергей Иванович очень любил Невский. Только не в такую толчею, а тихим вечером, когда уже никто никуда не торопится, а только редкие прохожие спокойно гуляют.

И Сергей Иванович совсем не любил, когда на его любимом проспекте начинали что-то новое строить. Он страшно переживал, когда закладывали дом Зингера, а когда его построили — почти плакал.

— Руки отрывать таким архитекторам! Правду про него в газетах пишут — гнилой зуб вырос в нашем городе.

Маша относилась ко всему новому гораздо спокойнее.

— А мне нравится, — говорила она, — ты присмотришь, он красивый! Глобус наверху такой замечательный. Ты же к Елисеевскому привык!

Новый магазин компании «Братья Елисеевы» Сергею Ивановичу сначала тоже не понравился. Он бурчал, что это не дом, а теремок какой-то, и что солидному, стройному, классическому Невскому такие дома совершенно не к лицу. Но со временем привык. Даже уже и не представлялся ему Невский проспект без этого большого, чем-то смахивающего на громадный торт, магазина.

Вот и сейчас выбежал Сергей Иванович на проспект, даже улыбнулся знакомым зданиям. Повертел головой, раздумывая, куда б лучше пойти, и, повинувшись непонятному ему самому инстинкту, развернулся и направился напрямик к Александринскому театру.

Маша шла за ним и улыбалась, очень забавно было наблюдать со стороны, как мечется ее большой и слегка неповоротливый муж.

В сквере, возле Екатерины, Сергей Иванович замер. Вокруг памятника великой царице Екатерине Второй было необычно тихо. Обычно это место просто переполнено детьми, здесь выгуливали всех окрестных малышей, но, видимо, сейчас многие дети уже разворачивали свои рождественские подарки. И тут со стороны Невского показалась девочка лет пяти, с няней.

— Девочка-красавица, а как тебя зовут? А можно с тобой поговорить? А что тебе подарили на Рождество? — с места в карьер начал Сергей Иванович.

— Коляску для куклы Нины, — ответила прилежная девочка.

— Замечательный подарок! — сказал Сергей Иванович и немедленно начал озираться по сторонам в поисках других детей.

Заметил еще одну девочку, кинулся к ней так порывисто, что Маше показалось — девочка сейчас бросится наутек.

— Девочка, а как тебя зовут? А что тебе на Рождество подарили, можешь мне сказать?

А девочка даже и нисколько не испугалась, а наоборот, начала бойко рассказывать.

— Ничего еще не подарили. У нас только после обеда елка.

Сергей Иванович страшно обрадовался.

— А что бы тебе хотелось получить в подарок?

Девочка бойко затараторила, а Сергей Иванович кивал, но с достаточно кислым видом.

Когда словоохотливую девочку увели, Маша подошла и легонько тронула мужа за руку.

— Ну, что?

— Ничего, — буркнул муж, — я ничего не вижу.

Приходили еще дети. Один мальчик был совсем неразговорчивым, вторая девочка явно испугалась незнакомого дядю, а вот следующий ребенок оказался особенным.

Это был худенький мальчик в сопровождении женщины с наружностью классной дамы. Мальчик смотрел исключительно в землю, и поэтому Сергей Иванович обратился к даме.

— Сударыня, вы не возражаете, если я задам этому юноше пару вопросов?

Сударыня кивнула.

* * *

— Молодой человек, что бы вы хотели получить в подарок на Рождество, если вы этот подарок еще не получили?

Мальчик, не задумываясь ни на секунду, отчеканил:

— Не получил еще. В этом году на Рождество мне хотелось бы получить атлас мира и глобус, чтобы продолжить изучение географии.

Классная дама довольно кивнула.

Мальчик опустил глаза.

Сергей Иванович протянул руку ребенку и, пожав, собирался сказать что-то вроде:

— Через много лет страна будет гордиться вами, лучшим географом...

Но не сказал. Потому что через холодную детскую ладошку на него нахлынула целая волна образов. Тут были губная гармошка и целый полк солдатиков, солнечный день и толпа детей, игравших в салки, большая вислоухая собака, и каток в парке.

Все это так потрясло Сергей Ивановича, что он стоял, не в силах отдернуть руку, а мальчик словно тоже что-то почувствовал и поднял глаза. Так они и смотрели друг на друга.

— Как тебя зовут? — спросил Сергей Иванович.

— Михаил.

— Все у тебя будет, Миша. Поверь мне.

Настроение Морозова стремительно летело вверх. Он метался по скверу, балагурил, знакомился с детьми. Их вдруг привалила целая толпа,

все вышли на послеобеденную прогулку. Каждого ребенка Морозов старался поддержать за руку. Впрочем, быстро выяснилось, что именно руку держать вовсе не обязательно. Нужен любой контакт, хоть по голове погладить, хоть за косичку подержаться.

И еще нужно было, чтоб ребенок четко представлял, чего хочет. Потому что иногда к нему в голову врвался непонятный поток сознания — что-то яркое, взрывающееся и крутящееся или, наоборот, что-то спокойное и плавное. Вот и пойми, что эти детки имеют в виду!

Сложнее всего было с совсем маленькими. Думали они быстро и отрывисто — нипочем не успеешь запомнить, да еще и вопросы всякие задавали.

Один карапуз сразу спросил, не успел Сергей Иванович к нему обратиться:

— Ты кто?

Няня возмущенно дернула мальчика за воротник, но тот даже не моргнул, ждал ответа.

— Я? Я — Сергей Иванович Морозов.

Это было слишком длинно для требовательного мальчика, поэтому тот

сократил:

— Вот что, Дед Мороз, мне нужна конфета. Во-о-о-от такая!

Размаха рученок не хватило, чтобы показать размер конфеты, и мальчик тянул «О-о-о», пока воздух не кончился. Потом судорожно вздохнул и протянул еще немного. Сергей Иванович погладил его по голове и сразу увидел, какая конфета большая и вкусная, в какой яркой обертке и как долго ее можно сосать.

— Договорились, — сказал «Дед Мороз».

Карапуз кивнул и двинулся по своим делам.

— Павлик, — растерянно сказала няня, — а спасибо сказать... дедушке?

Но мальчик уже увидел невдалеке чьи-то санки, направлялся к ним и не обращал ни на что другое никакого внимания. Няня виновато улыбнулась и бросилась за карапузом.

— А ты и правда, как дедушка, — улыбнулась Маша.

Сергей Иванович аккуратно потрогал свое лицо. Борода, усы, морщины...

— Ничего, — сказал он, — зато ты на бабушку не похожа.

* * *

После прогулки супруги пришли домой основательно подмерзшие. Маша тут же кинулась ставить самовар и накрывать на стол.

Как бы она ни хорохорилась, каждый раз, когда она видела, как расцветает ее муж, окруженный детьми, у нее начинало противно щемить сердце.

Так грустно было возвращаться в пустую и тихую квартиру!

Но в тот вечер все шло не так, как обычно. Квартира очень быстро перестала быть пустой и тихой. В ней появился гость.

— Приятный вечер, — сказал он, выскакивая на освещенную часть стола. — Докладываю: Мишка, даром что отличник, втихаря залез под елку, гармонику губную нашел и солдатиков тоже. Остальное по весне будет.

Маша ойкнула. Сергей Иванович покосился на бутылку кагора — он только что отхлебнул глоточек, чтоб согреться, но от такого количества чертики не мерещатся.

— Не узнал, значит, — горько произнес маленький, — сам придумал, а сам не узнал. А я, между прочим, к тебе еще в прошлом году приходил!

Сергея Ивановича осенило.

— Птёрк, что ли?

— Ну не охля же! — маленький, но гордый птёрк прищелкнул хвостиком.

— Так они на самом деле есть? — Маша уже не знала, пугаться ей или смеяться.

Она потянулась к птёрку пальцем, но тот предупредил:

— Но-но! Без рук! Мы, птёрки, народ гордый.

Маша не стала настаивать. В конце концов, птёрк был совсем махонький, с ее палец ростом.

— Да, чуть не забыл, — птёрк всплеснул лапками, и в воздух взлетела яркая звездочка.

Она зависла под потолком, а потом, мерцая и постепенно угасая, начала медленно падать. И в конце концов тихо растаяла в воздухе.

— Что это? — Маша заворуженно проводила звездочку глазами.

— Это... — птёрк задумался, почесал лапкой затылок, — это что-то типа «спасибо». Значит, подарок получен, ребенок счастлив... Ну примерно так... А что это у вас? Рыбка? А это что? Хлебушек? А это?

Птёрк запрыгнул на бутылку кагора и залез туда с головой, почти свалился внутрь.

Вылез через секунду, непрерывно чихая и лихорадочно протирая глаза.

— Вот ведь гадость-то какая... Да что ж вы эту отраву на столе держите, еще отхлебнет кто? А водичка есть?

— Водичка есть.

Маша убежала и вернулась с кувшином воды. Птёрк заглянул туда и пригорюнился еще больше.

— Вот ведь... Водичка...

— Что, холодная? Невкусная? — занервничала хозяйка.

— Да не знаю я! Мы ж, птёрки, не пьем. И не едим.

Заметив изумленные взгляды Маши и Сергея Ивановича, птёрк насупился:

— Ну что смотрите? Просто хотел разговор поддержать.

Следующие пару минут люди рассматривали птёрка, который хвостом выписывал узоры на поверхности киселя. Надо сказать, что птёрка это наблюдение за ним абсолютно не смущало, он самозабвенно рисовал, благо узоры мгновенно исчезали.

Так, наверное, могло бы продолжаться долго, но тут с другой стороны стола раздалось робкое покашливание.

— Добрый вечер! Выпускаю!

Красивая алая звездочка взмыла над столом и погасла, чуть-чуть не долетев до тарелки.

Первым среагировал птёрк.

— Красивая! Сильно радовалась?

— Кричала так, что уши заложило! Я, говорит, о такой кукле всю жизнь мечтала... Подумаешь, той жизни пять лет, а крику-то крику...

— Ты — охля? — осторожно спросила Маша.

— Ну не птёрк же! — вместе ответили маленькие гости, обменявшись многозначительными взглядами.

— А вы теперь будете с нами жить? — спросила Маша.

— Зачем? Мы немного наших подождем, а потом домой, отдыхать.

— А много еще ваших придет? — наконец-то подал голос Сергей Иванович.

— Да откуда ж много? Сколько заказов было, столько нас и придет. Штук шесть еще или восемь.

— Скажите, а вы подарки детям разносите, да?

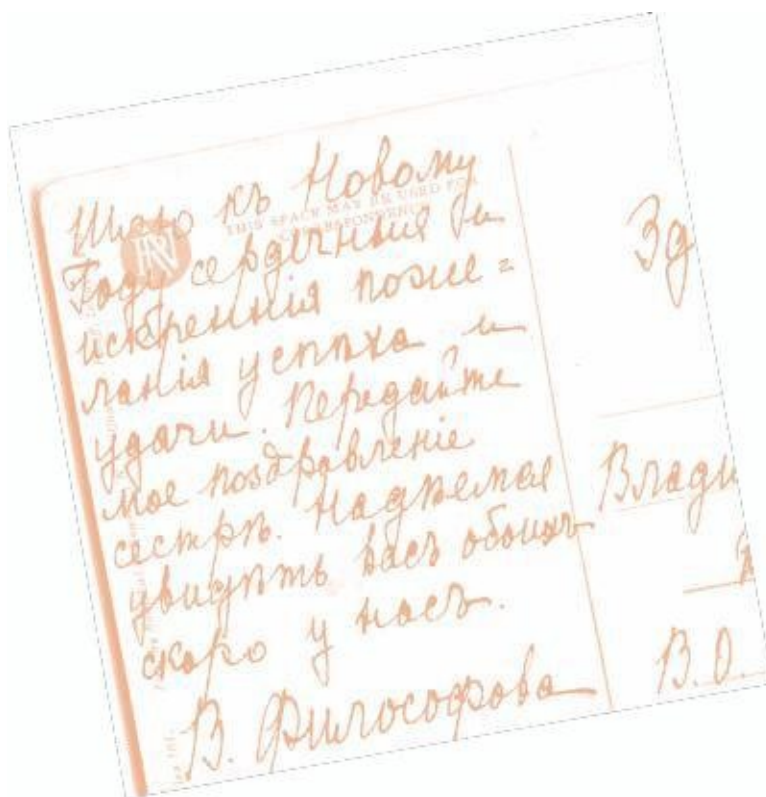
Птёрк страдальчески закатил глаза, явно нелестно думая о людях, а охля уселась на стол, свесила ножки и, обращаясь к Маше, но смотря на птёрка, начала рассказывать:

— Что ты глаза закатываешь? Ну не знают еще, не понимают... Что ж теперь, пропадать людям? Слушай, я тебе все расскажу. Если вот он — (кивок в сторону Сергея Ивановича) — принимает заказ на подарок, то мы, птёрки и охли, должны его доставить и положить под елку. Кроме тех, что вы сами разносите, конечно. А когда мы подарок принесли, взамен появляется звездочка. Ее мы и приносим вам, чтоб показать, что все исполнено. Сколько подарков, столько звездочек. Потом мы отдыхаем, а через год вернемся. Вы в следующем году побольше заказов соберите, а то

устали мы без работы.

— Здорово! — звонко объявили о своем появлении еще два птёрка. —
Лови!

Никто, конечно, ничего изловить не успел, да и не пытался. Две одинаковые звездочки синхронно взмыли к потолку и одновременно растаяли на пути вниз.

— Красиво, — восхитились новые птёрки. — Ну, чего смотрите?!
Радуйтесь давайте!

Но Маша еще не перестала удивляться и спросила:

— А почему вас двое?

— Так мы к близнецам ходили, — ответили птёрки так слаженно, как будто один человек говорил двумя ртами.

— К каким близнецам? — не понял Сергей Иванович. — У меня нет никаких знакомых близнецов.

— Зато незнакомые есть. Ты в сквере одного по голове погладил, а он и себе, и брату нажелал. Ну что, — двойняшки повернулись к первому птёрку, — как угощение?

— Нормально, — ответил тот, — только в ту бутылку не лезьте, отравитесь.

— Ух ты! — обрадовались два птёрка и тут же полезли в бутылку.

К концу застолья компания заметно увеличилась. Сергею Ивановичу предъявили не шесть, и не восемь, а целых десять разноцветных звездочек.

Семь из них притащили птёрки, а три — охли.

Маша, наученная опытом и ворчанием первого птёрка, встречала каждого гостя правильно: охами и ахами по поводу принесенных звездочек. Попутно она выяснила, что птёрки носят подарки мальчикам, а охли — девочкам, хотя это неважно, можно и поменяться. А в промежутках Маше приходилось спасать птёрков, которые все, как один, норовили искупаться в кагоре.

Сергей Иванович сидел, улыбался в бороду и вел степенную беседу с первым птёрком. Тот чувствовал себя главным и покрикивал на остальных. Остальные не обижались, но и не слушались, развлекались кто как мог. Например, хозяйственные охли стали убирать со стола. Правда, они норовили убрать в первую очередь те тарелки, из которых еще ели хозяева, так что Маше пришлось придумать для охлей другое занятие — протирать вымытые чашки. Охли втроем навалились на одну чашку, не поделили ее, грохнули об пол, разбили, пытаясь подмести осколки, запутались в венике...

— Стоп-стоп-стоп! — сказала Маша, и гости испуганно замерли. — Не надо мне больше помогать! Я сама справлюсь.

— А вы и подарки так доставляете, — осведомился Сергей Иванович, — с таким кавардаком?

— Не-е-е, — сказал кто-то из птёрков, — там мы на работе. А тут, у своих, и отдохнуть можно.

— Кстати, — заявил Главный Птёрк, — отдохнули? Пора и хозяевам отдохнуть дать! Счастливого отпраздновать!

На сей раз его почему-то послушались, да так быстро, что Сергей Иванович с женой и моргнуть не успели. Только что по дому носился десяток неугомонных коротышек — ан и нет никого.

— Хорошие они, — сказала Маша, утыкаясь в мужа, — только буйные. Теперь убирать за ними придется до утра.

— Убирать? — в голосе Сергея Ивановича слышалось лукавство, — а что убирать-то?

* * *

Маша обвела комнату удивленным взглядом. Птёрки и охли исчезли в один миг, но и его хватило, чтобы привести комнату в идеальное состояние. Стол прибран, вымытая посуда аккуратно составлена, даже давешняя чашка склеена и блестит себе на краешке буфетной полки.

— Ой, — прошептала Маша, — а они были тут?

Сергей Иванович пожал плечами и прошелся по квартире. Зайдя за угол буфета, он тихо засмеялся и поманил к себе Машу. Та подошла и обнаружила на боковой буфетной стенке надпись красивым малиновым вареньем:

Съ празникомъ, Дѣд Мороз и Машенька!

И еще один год прошел, вот-вот наступит 1914

Из истории

Прошедший 1913 год все запомнили по шикарным праздникам, которые устроила царская семья. Император Николай II праздновал 300-летие. Не в том смысле, что ему лично исполнилось 300 лет (столько не живут даже императоры), а просто 300 лет назад — в 1613 году — первый из Романовых взошел на трон.

А в остальном все было, как и в 1912, и в 1911. Разве что автомобилей и телефонов стало чуть больше.

Рождество миновало, прошли и Крещение, и Масленица. Рождественские чудеса мало-помалу стали забываться. Только племянники нет-нет да и хвастались своим знакомым, что их дядя Сережа умеет любые-прелюбые подарки дарить. Кто верил таким рассказам, а кто смеялся. К лету и сами Морозовы стали понемногу забывать о необыкновенных подарках, о чудесных птёрках и охлях. Хотя нет: птёрков и охлей дядя Сережа для племянников рисовал по-прежнему, но проказы их с Машей уже не обсуждал.

Но чем ближе декабрь, тем чаще появлялись напоминания. То четырехлетняя Софья вдруг заявит: «Хочу елку с дядей Сережей». То появится рисунок с птёрком, которого Сергей Иванович — если память не

подводит — и не рисовал.

А однажды на улице Морозова узнал какой-то карапуз.

— Дед Мороз! — закричал он издалека и припустил так, что няня не успела его ухватить за ворот. — Дед Мороз! Ты помнишь, что скоро Рождество?

— Конечно, помню, — Сергей Иванович подхватил карапуза, чтобы тот не шлепнулся.

Это был тот самый мальчик Павлик, который год назад вытребовал у него «во-о-о-т» такую конфету. Да и няня была та же самая.

— Павел! — она даже запыхалась, догоняя воспитанника. — Как ты себя ведешь? А поздороваться?

— А я себе подарок уже придумал!

Няня перехватила мальчика и старалась говорить как можно строже.

— Павел! Это неприлично! Ты хочешь, чтобы тебя наказали?

Только тут карапуз среагировал, правда, весьма оригинально. Не поворачивая головы в сторону няни, он заявил:

— Ты ее не слушай, она добрая. А ты мне пожарную машину подаришь?

Няня растерянно заморгала. Она и вправду не была похожа на злого человека.

— Ой, вы не дарите, пожалуйста! — сказала она. — Мне так попало за ту конфету. Елизавета Федоровна ругались, они думали, это я Павлику подарила, а его баловать нельзя.

— Можно! — заявил Павлик, и Сергей Иванович понял, что его действительно баловать не стоит.

— Будет тебе машина, — сказал он, — но только...

Морозов выдержал паузу и поднял указательный палец.

— ...если будешь слушаться маму с папой и няню.

Мальчик вздохнул и оценивающе посмотрел на воспитательницу.

Теперь и Сергей Иванович рассмотрел ее получше. Няня оказалась молодой женщиной, скорее даже девушкой, с огромными серыми глазами на худеньком лице.

Не удержавшись, он погладил ее по голове... и улыбнулся. Девушка так же сильно, как и ее подопечный, верила в чудо. Тихо-тихо, про себя, она просила у Деда Мороза, чтобы в будущем году ей повезло и встретился молодой, красивый, блестящий. Такой красивый и блестящий, что Сергей Иванович и рассмотреть толком не успел — что-то размытое и воздушное. Зато другие желания няни были простыми и яркими: новое платье ослепительной белизны, шляпка с искусственными розами, колечко с

камушком, легкие, как перышко, туфельки...

— И тебе все будет, дочка, — Морозов вспомнил неясно-размытого юношу и поправился, — почти все.

Так он и оставил Павлушу с няней посреди зимней улицы: мальчика, который решал, стоят ли подарки таких жертв, и девушку, которая очень хотела, но боялась поверить в чудо.

«А я, и правда, — подумал Сергей Иванович, — вхожу в роль какого-то былинного старикана. Ишь как завернул: „Будет тебе все, дочка!“».

* * *

Дальше — больше. Племянники потащили записки с заказами, и не только от себя, но и от друзей. Сестры с братьями стали напоминать, чтобы не баловал Морозов племянников сверх меры. Маша поглядывала на мужа с озорной улыбкой.

Словом, за неделю до Рождества Сергей Иванович понял, что пора вернуться Деду Морозу.

Как-то вечером он сел за письменный стол, вздохнул поглубже и принялся выгребать записочки. А когда выгреб, то охнул уже с тоской — бумажек набралось под сотню, а то и больше.

Славно племянники растрезвонили по знакомым!

— Чего вздыхаешь? — сказали вдруг в левое ухо.

— Сейчас разберемся! — добавили в правое.

Не успел Сергей Иванович толком головой повертеть, как с плеч по рукавам его домашней куртки ловко съехали прошлогодние знакомцы. По левому рукаву — птёрк, по правому — охля. В лицо Морозов их различать так и не научился, но ему показалось, что эта парочка пришла в прошлый Сочельник первой.

Помахав Сергею Ивановичу лапкой, они бодро ринулись к записочкам. Споро стали таскать их туда-сюда, раскладывая на две пачки. Неизвестно откуда набежали новые (то есть старые) птёрки и охли, устроили такую кутерьму, что Сергей Иванович уже не мог понять, что, как и — главное — зачем происходит.

— А что это вы устроили? — спросил он, но вместо ответа одна бодрая охля забралась к нему на ладонь и приказала:

- Вспоминай!
- Что вспоминать?
- Что ты кому обещал в этом году, конечно!
- Вслух?
- Необязательно.

Сергей Иванович прикрыл глаза и начал припоминать.

Кажется, в этом году он успел пообещать подарок только деловитому Павлику.

Ах да, и еще его няне!

- Все вспомнил? — раздался голос охли.
- Все.
- Уверен?
- М-м-м... Почти.
- Ясно. Давай-ка я по твоей голове побегаяю.

Сергей Иванович решил не удивляться такому способу освежения памяти.

Он, не открывая глаз, подсадил охлю себе на макушку и сидел, прислушиваясь к ощущениям. Было немного щекотно и немного весело. Охля побегала туда-сюда и подала голос:

- Все, снимай.
- Ну как, — спросил Сергей Иванович, — ничего я не забыл?
- А я почему знаю?
- А бегала по голове зачем?
- А волосы у тебя приятные. Густые, мягкие. Чистый шелк.

Тут-то Морозов открыл глаза, но продолжить беседу не успел — обнаружил, что на столе перед ним творится что-то неладное. Два птёрка, пыхтя и упираясь, тянули одну бумажку каждый в свою сторону. Остальные столпились вокруг и с неподдельным интересом наблюдали, чем дело кончится.

— Что не поделили, уважаемые? — поинтересовался Сергей Иванович.

Птёрки ответили одновременно.

- Так оно ж небывалое, а он тянет! — сказал один.
- А куда он тянет, если оно бывалое! — сказал другой.

Тут зрители живо вступили в спор, суть которого Сергей Иванович уловил не сразу.

Оказалось, птёрки и охли не просто таскали бумажки туда-сюда, а сортировали по исполняемости. Одна кучка, большая, содержала желания, которые выполнить можно («бывалые»), вторая, маленькая, —

«небывалые», то есть неисполнимые в принципе желания.

— А если они небывалые, — удивился Сергей Иванович, — то зачем вы их откладываете?

— Они небывалые, пока ты ими не займешься, ты ж волшебник, — просто объяснила маленькая охля.

Между тем один из птёрков, тянувших спорную бумажку, зазевался и его соперник шустро поволок желание в большую кучу.

— Стой! — завопил обманутый. — Куда понес! Это небывалое!

— Бывалое-бывалое! — возражал более шустрый птёрк, норовя засунуть бумажку в самый низ стопки. — Что я, солдатика не найду?!

Пришлось Сергею Ивановичу отнимать спорную бумажку, заодно выслушивая многоголосые объяснения. Как выяснилось, бывалые желания птёрки с охлями выполняют сами, без Дед-Морозовского участия.

— Ты их в руке подержал — оно и хватит.

А вот с небывалыми дело обстояло сложнее. Каждое такое желание Сергей Иванович (то есть Дед Мороз) обязан был внимательно изучить,

представить, поверить в него — тогда оно исполнялось, несмотря на всю фантастичность.

Сергей Иванович прочитал на отобранном листочке: «Чтобы Оловянный Солдатык не сгорел. И нога у него выросла!». Положил листок на ладонь. Прикрыл другой. И представил себе блестящего оловянного солдатика на каминной полке. Обе его ноги были на месте, сапоги матово отсвечивали.

— Все, — сказал Сергей Иванович, и одна из охлей быстренькохватила записочку из рук, поволокла в стопку «бывалых».

А кто-то из птёрков уже протягивал очередную записочку...

Ёлки в доме у сестры Морозов ждал с волнением, даже со страхом.

Бродил по дому, вздыхал, поглаживал отросшую окладистую бороду. Бродил до тех пор, пока случайно не оглянулся и не обнаружил, что за ним по дому, след в след, ходит вереница птёрков и охлей. Они растянулись длинной цепочкой и повторяли все его движения, вплоть до почесывания затылка.

— Это что еще за представление? — прогремел Сергей Иванович.

— Так это... мы волнуемся, переживаем, — объяснил Главный Птёрк.

— А что, у меня что-то может не получиться?

Бедный Дед Мороз аж присел от такой мысли.

— У тебя что-то может не получиться, только если ты захочешь, чтоб что-то не получилось. Понимаешь? Как скажешь, так и будет! Вот можешь

захотеть — и мы уйдем...

Птёрк засопел от обиды, видимо, уже представил, как они все гордо уходят. Но Сергей Иванович и не собирался никого прогонять, он крепко задумался.

— Слушай, птёрк, а если я захочу, чтоб звезда на землю упала, тогда что? Мы все погибнем?

— Видите ли, любезный Сергей Иванович, — птёрк нацепил на нос невесть откуда взявшиеся очки и начал прохаживаться по полу с видом профессора, читающего лекцию: — Так вот, — продолжил он, — когда вы говорите «хочу звездочку с неба», вы же не представляете вслед за этим картину вселенской гибели, правда? Вы представляете, что у вас в ладошке что-то теплое и светится, правильно? Вот и сбудется то, что вы себе представляете!

— Послушай, а если я захочу, чтоб меня не было... Ну, чтоб не умел я желания исполнять?

Птёрк мгновенно стал серьезным, запрыгнул на спинку стула и погрозил Сергею Ивановичу кулаком.

— Ты это брось! Даже и не думай, понял!!! Думаешь, раз мы птёрки, то уже и не люди? Что с нами так можно? Как тебе только в голову пришло? Опять нам без работы сидеть? Ты есть, понял!!! Потому что ты — Дед Мороз. Давай, одевайся, тебя дети ждут...

Выступавший птёрк с усталым видом начал слезать со стула, а остальные засуетились и откуда-то притащили синий тулуп, расшитый серебром, валенки, посох и мешок.

Одежда показалась Сергею Ивановичу странной, но он не посмел обидеть птёрков после столь пламенной речи их вожака. Он побряхтел, влез в тулуп, потопал ногами в валенках, взял мешок...

— Посох не забудь, — затараторил птёрк, — иди спокойно, мешок под елку положи, не волнуйся, дыши глубже...

В этот момент в комнату заглянула Маша, она уже как раз собралась и искала мужа. Заглянула и всплеснула руками, замерев на пороге.

— Ну как, — спросил у нее Сергей Иванович, — дурацкий вид, да? Как я в таком виде по улице пойду?

Но Маша не согласилась, а кинулась ему на шею.

— Я всегда знала, что ты необыкновенный!

— Да ладно вам обниматься, — раздался снизу грозный голосок, — пошли уже, дети ждут!

Сергей Иванович не напрасно волновался: на улице на него все обращали внимание, дети смеялись, подбегали и спрашивали:

— А ты кто?

— Дед Мороз! — отвечала за мужа Маша.

Ей было весело. Постепенно развеселился и сам Сергей Иванович. В гостиную к племянникам он вошел с видом молодецким, даже задорным.

— А где тут хорошие, послушные дети? — прогрохотал он, едва дверь открылась.

За дверью оказалась Дуняша, прислуга сестры. Она растерялась и залепетала:

— Шубу вашу извольте...

— Не изволю! — пробасил Сергей Иванович. — Изволю видеть елку.

Так и прошел в валенках в гостиную. Там его появление произвело фурор.

— Дядя Сережа! Дядя Сережа! — старшие дети не поддались на маскарад и облепили Сергея Ивановича.

Младшие слегка испугались и прижались к маминым и няниным подолом.

— Я не дядя Сережа! — не сдавался Сергей Иванович. — Я Дедушка Мороз. А ну, кому подарки?

Этого говорить не стоило. Подарки понадобились всем и одновременно. Даже малыши, сперва испугавшиеся странного тулупа и посоха, завизжали и бросились к месту раздачи. Дядя Сережа мгновенно оказался парализован, и не то что подарки дарить — посох свой еле спас. Пришлось вмешаться Маше.

— Не все сразу, дети, — сказала она, — не все сразу. Первым подарок получит тот, кто... хорошо учится в школе.

Это несколько ослабило натиск. Не все гимназисты могли похвастаться отличными оценками. А малыши вообще обиделись.

— А я еще не учу-у-у! — заревела пятилетняя Наташенька. — А подарок хочу-у-у!

Маша присела к безутешной девочке, погладила ее по голове и спросила:

— Но ты ведь будешь учиться?

Наташа закивала, как породистая лошадка.

— И на одни пятерки?

— А я уже все знаю! — вдруг сообщила Наташенька и бодро выпалила. — «Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел был сильный мороз».

— Здорово! — сказала Маша. — А теперь, пожалуйста, для всех.

Она подхватила будущую отличницу и установила ее на стул. На сей раз девочка продекламировала стишок с выражением и почти до конца.

Может, и до конца добралась бы, но ее перебил гимназист Ванечка.

— Эй! Другим тоже подарков хочется!

Упоминание о подарках вернуло Наташеньку с небес на землю. Вернее, со стула на пол, к подножию дяди Сережи.

— Молодец, — сказал тот, запуская руку в недра мешка, — вот тебе

подарок.

Он схватил первое, что попало в рукавицу, и это, конечно же, оказалась очередная Наташина мечта — кукла с целой коробкой платьев разного фасона.

— А я петь могу! А я петь могу! — закричал воодушевленный Ваня и, не дожидаясь команды, вскочил на стул.

* * *

В тот вечер Морозовы из гостей долго не могли уйти.

Каждый ребенок требовал, чтобы его уложил спать лично Дед Мороз — даже те, кто в начале вечера признал в нем дядю Сережу.

Сергей Иванович и сам ощущал себя сказочным волшебником, обладателем чудесного мешка. Так они и двинулись по пустынной улице: изящная маленькая женщина и мужчина в огромном тулупе.

— Ты у меня Дед Мороз, — сказала Маша, — а я, значит, баба Мороз.

Сергей Иванович только улыбнулся. Он вдруг почувствовал, как сильно устал за этот праздничный вечер.

Но дома лечь и отоспаться не удалось. Вся квартира Морозовых кишела охлями и птёрками.

— Все доставлено в лучшем виде, лови!

Красная звездочка взмыла вверх.

— Слушай, эта Машка такой визг подняла, я думала, окна вылетят...

Спланировала огромная желтая звезда.

— А Мишка, представляешь, коробку обнял и сидит. Минут десять сидел, потом еще полчаса обертку снимал. Думал уже не дождусь, пока распакует! Потом взял подаренную машину, поставил посреди комнаты и лег рядом. Даже покатать не попробовал! Лежит, любит и улыбается. Ну я уж не стал ждать, сюда прибежал...

К потолку летит синяя звезда, переливаясь всеми оттенками от голубого до фиолетового.

На этот раз, чтобы переждать звездопад и выслушать отчеты, семье Морозовых потребовалось больше часа.

Отстрелявшись звездами, птёрки и охли уселись на краешек стола и начали преданно смотреть в глаза Маше.

— Что? — испугалась она.

— Какие будут указания?

Маша растерянно хлопала глазами.

— Ну, когда у нас следующая елка? Давайте готовиться! Может, костюмчик почистить, посох натереть? Кстати, Дед Мороз, а ты посохом-то пользоваться умеешь?

Дед Мороз, который еще не привык отзываться на «Деда Мороза», только руками развел.

— Ох... Ну просто беда с вами, людьми... Бестолковые... — пригорюнился Главный Птёрк и немедленно получил увесистый толчок под ребро от сидящей рядом охли.

— А че я сказал? — возмутился он. — Я все правильно сказал! А что, толковые, что ли? Ему посох в руки дали, а он им даже пользоваться не умеет!

— Погодите! — Сергею Ивановичу стало неудобно, что он не знает таких элементарных вещей. — А как посохом пользоваться?

— Как-как, — Главный Птёрк сохранял обиженный вид. — Опирайтесь на него при ходьбе, вот как! Не знал, что ли?

Морозов не нашел, что ответить. Птёрк не стал дожидаться, пока Сергей Иванович придет в себя, решительно поднялся на лапки:

— Ладно, мы пошли, зовите, если что...

И все птёрки с охлями опять, как в прошлый раз, мгновенно растаяли в воздухе.

— Маша, какая такая следующая елка, ты не знаешь? Мы же вроде не приглашены больше никуда... — спросил Сергей Иванович после паузы.

А Маша только загадочно улыбнулась.

На утро Морозовы обнаружили у себя еще пять приглашений на различные рождественские обеды. Слухи в этом городе распространяются мгновенно.

Летом 1914 года началась война, которую называли Первой мировой

И сразу стало ясно, что война — это очень плохо и трудно. Дело даже не в том, что начались перебои с едой, отоплением, что многие мужчины ушли на фронт. Хуже всего, что многие мужчины с фронта не вернулись, погибли. Никогда еще Россия не вела такой тяжелой и кровопролитной войны.

Санкт-Петербург через месяц после начала войны переименовали в Петроград. Дело в том, что «Санкт-Петербург» — слово немецкое, а воевали как раз с немцами. Все немецкое стало вражеским, даже рождественские елки были объявлены «вражеской затеей», то есть, проще говоря, запрещены.

Хотя Рождество продолжали праздновать. Даже на фронте солдатам раздавали подарки.

Но какой это праздник, без елки?

Рождество приближалось, но праздничного настроения все не было. Да даже и не в елках дело — просто как-то нерадостно было. Совсем недалеко, в нескольких сотнях верст в окопах мерзли и погибали люди. Даже дети это чувствовали.

Петроград превратился в необыкновенно серый город. Серые люди шли по серым улицам, даже снег валил какой-то грязный. Должно быть, от копоти, которая непрерывно шла из труб заводов.

Морозова в действующую армию не призвали, в депо для него сейчас было дел по горло: поезда ремонтировали, обшивали броней и отправляли на германский фронт, чтобы вскоре вернулись они с пробоинами от пуль и снарядов.

Охли и птёрки несколько раз пытались привлечь внимание «Деда Мороза», но тот только отмахивался — какой уж тут праздник. После службы Сергей Иванович наскоро пил чай и валился спать.

Но однажды на пороге дома его встретила целая толпа охлей и птёрков.

— Так, — сказал Главный Птёрк, бесстрашно заступая дорогу Морозову, — Рождество делать будем?

— Какое Рождество? — устало сказал Сергей Иванович. — Война. Не время для праздников.

— Ничего себе! — из толпы выскочила совсем маленькая охля и стала рядом с Главным Птёрком. — А когда время для праздников? Когда и без них весело? Ничего себе!

— Отойдите, — попросил Морозов, — а то наступлю ненароком.

— А наступай! — сказал Главный Птёрк. — Если Рождества не будет, все одно нам конец. — И он, грустно махнув хвостом, уселся на заснеженное крыльцо.

— Ничего себе! — сказала маленькая охля и села рядом. Птёрки и

охли, все как один напыжившиеся и надутые, стали заполнять крыльцо.

— Топчи, — Главный Птёрк сложил лапки на груди, — давай. Круши, громи, изничтожай! Ты ж Дед Мороз. А мы кто? Да никто! Может, нас и нет совсем.

А маленькая охля вдруг расплакалась. Сергей Иванович в смущении топтался, боясь наступить на кого-нибудь из малышей.

— Вставайте, — говорил он, — замерзнете!

— И замерзнем! — крикнула сквозь слезы маленькая охля. — Тоже мне, Дед Мороз! Война ему... А дети?

— Вот именно! — зашумела сидячая манифестация. — О детях бы подумал! Им каково? Вообще никакой радости, а он тут... щеки надувает.

Морозов не выдержал и улыбнулся, потому что щеки надувал не он, а как раз охли и птёрки.

— Погодите, — сказал он, — будет Рождество. Только с делами управлюсь.

Главный Птёрк резко подскочил, за ним начали подниматься и остальные.

— С какими делами! Три дня всего осталось!

— Три дня? — охнул Сергей Иванович. — Я же желания не успею собрать!

— Спокойно! — крикнул кто-то из задних рядов. — Записочки-то вот они! Все тут!

— Надо бы разложить, — сказал другой голос, — только не на снегу ведь...

— А в кухне небось тепло, — сказала охля, которая только что заливалась горячими слезами, и очень натурально ихнула.

«Вот шельмы!» — подумал Морозов, запуская хвостато-рогатый табор в дом.

* * *

Над записочками пришлось сидеть два вечера подряд. На сей раз «небывалых» желаний набралось не в пример больше, чем в прошлом году. Чуть не каждый третий просил, чтобы война кончилась побыстрее. Морозов — то есть Дед Мороз — подолгу держал такие записочки в руке, мял их, даже дышал... Но все равно возвращал в кучу без уверенности, что такое правильное желание сбудется.

Только одно из таких пожеланий удалось ему немного разморозить.

Записка была написана быстрым, не совсем уже детским почерком: «Пусть война остановится. Если совсем нельзя — хотя бы на день. Хотя бы на маленьком участочке. Тогда все солдаты поймут, что мир — это здорово и перестанут воевать совсем».

Сергей Иванович вдруг ясно представил себе немецкого и британского солдат, которые сидят на бруствере и пьют пиво. А потом — играют в футбол.

Но все прочие просьбы о мире так и не ожили в его руках.

Много кто просил, чтобы папа вернулся. С этими было, кажется, проще. Во всяком случае, Сергею Ивановичу казалось, что он видит, как открывается дверь и чей-то папа в шинели, с георгиевским крестом, входит в комнату.

А потом начали попадаться просьбы, от которых Деда Мороза словно бы самого сковывало холодом. В первой такой записке он прочел: «Дедушка Мороз! Моего папу убили на фронте. Ты же волшебник, сделай, пожалуйста, так, чтобы он был живой. Я буду хорошо-хорошо учиться, и маму слушать, и папу, и даже Борьку, хоть он и задается, только оживи папу. Пожалуйста! Счастливого тебе Рождества! Оленька»

Сергей Иванович дочитал и растерянно оглядел своих маленьких ассистентов. Те сидели молча и честно таращились на него.

«Я волшебник, — напомнил себе Дед Мороз, — что захочу, что и случится. Только надо самому верить. Я должен...»

Он крепко-крепко зажмурился и попытался поверить, что Оленькин папа, убитый где-то далеко, наверное, уже и похороненный, может ожить. У Сергея Ивановича не получилось. Он пробовал и так и эдак — но картинки с ожившим папой не видел, а записка оставалась холодной, как лед.

Морозов открыл глаза и отложил записку в сторону.

— Ничего, — сказала одна из охлей, — ты не расстраивайся...

И погладила его по руке.

Но в следующий раз тоже не получилось. Дед Мороз старался изо всех сил, но просьба оживить папу осталась без удовлетворения. Морозов еще несколько раз натыкался на такие записки, колдовал над ними уже безо всякой надежды, а потом и вовсе стал откладывать их, как только понимал суть. Слишком много сил выпивали бесплодные попытки, после них даже какой-нибудь средний фейерверк наколдовать становилось трудно.

К вечеру Сочельника все записочки были рассортированы: большая кучка «бывалых», поменьше — «небывалых» (но уже прошедших руки Деда Мороза) и маленькая... На нее Сергей Иванович не мог смотреть спокойно. Это были так и не выполненные просьбы оживить папу или брата. Птёрки и охли разобрали записочки из первых двух кучек и разбежались, а Морозов продолжал смотреть на третью кучку.

— Я должен попробовать еще раз, — сказал он себе. — А вдруг.

Он взял наугад одну из записок. Это оказалась первая, Оленькина. Дед Мороз глубоко вздохнул и попытался. Ему показалось, что-то изменилось, ледяная бумага чуть потеплела, он сжал зубы и сконцентрировался изо всех сил. Еще чуть-чуть... Еще...

Вдруг кухня пошла колесом, в ушах зазвенело и свет потух.

Маша прибежала, когда муж лежал на полу без чувств.

В руке он крепко сжимал записку, покрытую инеем.

* * *

Ужин Сочельника Морозовым пришлось накрывать в спальне. Вернее, Маша накрывала, а Сергей Иванович только постанывал, лежа на кровати.

— Не получилось, не вышло...

— Ничего, завтра выйдет! — успокаивала Маша.

— Нет. Никогда не выйдет. Плохой я Дед Мороз.

Маша поставила на туалетный столик последнее блюдо и села на кровать.

— Ты самый лучший в мире Дед Мороз! — сказала она. — Самый-самый!

— Конечно, — постарался улыбнуться Морозов, — другого-то нет.

— Вот именно! — строго произнесла жена. — Так что давай выздоравливать живо, завтра еще на елки... то есть, на утренники идти.

Назавтра Морозов взял себя в руки и отправился на елку. Сестра все-таки решила организовать праздник только для своих детей и их очень близких друзей.

Каким-то маленьким кусочком сознания он еще надеялся на чудо, на то, что в последний момент случится что-нибудь необыкновенно волшебное.

Но праздник получился грустный.

Не было праздника на улицах, люди угрюмо спешили по своим делам. Не горел огнями большой дом сестры, нужно было экономить свет и тепло.

Да и дети были какие-то притихшие, как будто и у них на плечах лежала тяжесть войны.

Сергей Иванович раздавал игрушки, слушал стихи, гладил по головке, но все время ощущал на себе взгляд худенькой девочки, которую он видел в первый раз. Девочка была необыкновенно серьезная, стояла в сторонке и смотрела на Деда Мороза не отрываясь. И взгляд был совершенно не детский, так мог смотреть человек, много чего повидавший в жизни.

— А кто она? — спросил Сергей Иванович у сестры, когда выдалась минутка.

— Это Оленька. Наташина подружка. Она всегда была слишком серьезная, а уж после того, как отца убили...

Дальше Сергей Иванович не слушал, рука вспомнила прикосновение ледяной записки, как будто снежный вихрь пронесся по комнате. Первым трусливым желанием было просто сбежать. Выскочить за дверь и бежать быстро, как только возможно, чтобы забыть и эту комнату, и елку, и невыносимый детский взгляд...

Но через секунду Сергей Иванович очнулся, потрянул головой и принял самое мужественное решение в жизни — отправился навстречу пронзительным детским глазам.

— Пойдем, Оленька, поговорим.

Оля вздрогнула, но послушно пошла за Дедом Морозом. Они зашли в небольшую комнатку, недалеко от большого зала, где проходила елка. Сюда еще долетали звуки праздника, но тихо-тихо. Сразу стало казаться, что веселятся где-то на другой планете.

Сергей Иванович присел на корточки, чтоб лучше видеть детские глаза:

— Оленька, я получил твою записку...

Оля продолжала настороженно смотреть на Деда Мороза, ничего не говоря.

— Оль, я очень старался, но... у меня ничего не получилось...

Сергей Иванович внезапно понял, что по его щекам текут слезы, а Оля продолжала на него смотреть большими печальными глазами.

— Почему? — спросила она.

— Я не знаю... Наверное, я плохой волшебник...

— Кхе-кхе! — раздалось вдруг у них за спиной.

Оля и Сергей Иванович вздрогнули, а Олины глаза стали еще больше. На плече у Деда Мороза сидел Главный Птёрк.

— Вообще-то я не должен показываться людям, но тут такое дело... не утерпел. Ты, Дед Мороз, очень хороший волшебник, но ты только волшебник, понимаешь? Не Господь Бог... В нашем, волшебном, мире, ты можешь все. Хочешь русалочке ноги навсегда приделать — да сколько угодно! Хочешь, чтоб лиса колобка выплюнула — да запросто! Будет жить вечно твой колобок... А вот с людьми... С людьми сложнее... Если еще человек болен или потерялся, то вылечить или найти его мы можем помочь... А вот если... Он... Ну... Не можем мы этого... Извини...

И Главный Птёрк шмыгнул носом и отвел от девочки глаза.

— А если бы папа был в вашей, сказочной стране, вы бы смогли его оживить?

— Да запросто! — Птёрк даже подпрыгнул на плече у Деда Мороза.

У Оли в глазах впервые задрожала надежда.

— Тогда я напишу о нем сказку, и вы его оживите!

Птёрк снова стал мрачнее тучи.

— Оленька, если ты напишешь сказку, то его и оживлять не придется. Он и так будет жить... Но понимаешь, жить он будет только у нас, в нашей сказочной стране... Вместе с колобком и русалочкой... А в ваш мир мы его выпустить не сможем...

— Это неважно. Пусть живет хоть где-нибудь. А я буду просто знать, что он живой...

И тут Оля расплакалась. Так они и ревели вместе: маленькая девочка, старый Дед Мороз и птёрк, который вообще не должен был показываться людям...

После этого праздника Сергей Иванович несясь домой, не разбирая дороги, не утирая слез, Маша едва за ним поспевала.

Она только сейчас осознала всю тяжесть их времени. Вот бежит по улице взрослый мужчина, плачет. И никто даже не обернется, не посмотрит повнимательнее — война, обычное дело...

А Дед Мороз пришел домой и рухнул на кровать почти без чувств.

* * *

Разбудили его птёрки и охли. Они теребили и щекотали Сергея Ивановича, пока тот не перестал отмахиваться и не открыл глаза.

— Гляди! — кричали они и выпускали одну за другой разноцветные звездочки. — Вот чего мы принесли! Вон сколько подарков!

И правда, звездочек — то есть исполненных детских желаний — было так много, что они не успевали таять под потолком, а из лапок вылетали все новые.

«Неужто я столько подарков наколдовал? — Морозов был еще очень слаб, и мысли ворочались в голове с трудом. — Вроде бы записок меньше было».

Разноцветный фейерверк приободрил Деда Мороза. Он даже присел в кровати... и обнаружил, что не все птёрки и охли участвуют в общем веселье. Десятка два его добровольных помощников топтались в углу с очень унылыми лицами.

— Что за беда? — спросил Морозов, как мог, весело. — Искорки по дороге вырвали?

Вопрос почему-то заставил умолкнуть всех. Грустные охли и птёрки погрузнели еще больше, веселые — замолчали.

— Ну, я тебе уже объяснил сегодня, — Главный Птёрк виновато развел лапками, — не все мы можем... Послушай, ты со временем привыкнешь, ты научишься...

Сергею Ивановичу тут же привиделись Олины глаза, и он понял, что привыкнуть к такому не сможет, никогда не сможет.

Более того, он даже еще раз пережить такое не сможет.

Настроение сделалось кислое, как капуста, которую Морозовы очень любили и всегда покупали к празднику.

Но сейчас и мысль о хрустящей, крепкой капусточке с клюквой не приободрила Морозова.

— Спасибо, — сказал он птёркам, — вы молодцы...

И больше ничего. Даже пришедшая к мужу Маша не смогла его разговорить. Потихоньку охли и птёрки разошлись.

* * *

Сергей Иванович болел две недели, Маша ухаживала за ним, кормила с ложечки, как маленького, читала газеты. Однажды она нашла удивительную заметку о «Тихой ночи» на западном германском фронте. На небольшом участке немецкие, французские, бельгийские и британские солдаты решили в ночь на 25 декабря не воевать, вместе пили пиво и даже сыграли в футбол.

— А потом? — слабым голосом спросил Морозов. — Узнали... что мир — это хорошо... и перестали воевать?

— Нет. Потом опять начали.

Сергей Иванович закрыл глаза и отвернулся к стене.

Когда Морозов наконец выздоровел, то записался добровольцем в действующую армию.

Маша только тихо плакала.

— Прости, жена, — сказал Сергей Иванович на прощанье, — никудашний из меня Дед Мороз. А там, на фронте, я смогу хоть чуть-чуть приблизить окончание этой глупой войны.

Маша вытирала слезы. Она понимала, что война закончится в свой срок — пойдет ее муж воевать или нет. Однако не говорила ничего, только шептала про себя: «Уцелей, мой хороший! Обязательно уцелей!».

Морозов обнял Машу и сказал:

— Непременно уцелею. Обещаю. Даже если это будет последнее желание, которое выполнит твой Дед Мороз.

25 декабря 1916 года

Из истории

1916 год стал третьим годом большой войны. Войны, которая измучила всех — солдат, офицеров, крестьян, помещиков. Всем очень хотелось вернуться к нормальной мирной жизни.

Вернее, почти всем. Самые главные — цари, кайзеры, премьер-министры — не собирались останавливать бойню. Почему? Это отдельный сложный вопрос, не будем сейчас в нем разбираться.

Просто представьте себе страну, которая вся покрыта ранами, сильно разрушена, утыкана свежими крестами на могилах. Представили? Вот такой и была Россия на рубеже 1916 и 1917 годов.

Поручик Морозов сменился с дежурства и забился в самое теплое место на бронепоезде — в кабину машиниста. Поезд постоянно держали под парами, поэтому тут было и тепло, и кипяток, и приятный собеседник — машинист Пахомов.

Правда, в тот вечер Морозов говорливого Пахомова не застал — у топки дежурил худенький мальчишка в тужурке. При входе поручика он вскочил и стал смирно.

— Ты чего? — удивился Сергей Иванович. — Не на параде, чай.

Кстати, чайком угостишь?

Мальчишка принялся суетливо орудовать чайником, бросая на Морозова восхищенные взгляды.

Сергей Иванович решил не обращать внимания на странного юнца, сел у печки, расстегнул шинель, сбросил перчатки, протянул к теплу онемевшие пальцы.

— Скажите, — наконец осмелился подать голос мальчишка, протягивая кружку с кипятком, — а чтобы «Георгия» получить, какой подвиг надо совершить?

«Вот он чего, — Морозов непроизвольно бросил взгляд на Георгиевский крест на своей груди, — в героя поиграть захотелось».

— Кому как, — сказал Сергей Иванович, — я просто паровоз чисто надраил перед приездом Его Величества.

«...а вместо Его Величества, — прибавил он мысленно, — прилетел германский аэроплан и сбросил пару бомб. Так что пришлось из соседнего санитарного раненых в парадной шинели таскать».

Мальчик посмотрел разочарованно, но зато хоть разговорился. Выяснилось, что он выпускник реального училища, на фронт пошел добровольцем.

— Я год в метрике исправил, чтобы взяли! — сказал мальчишка и задрал нос.

— Ты, никак, гордишься этим? — усмехнулся Морозов. — И дурак. Глупостью гордятся только дураки.

— Ничего не дурак, — надулся мальчик, — на войне — настоящая жизнь!

— На войне — настоящая смерть. А жизнь... она там, в городах.

Сегодня праздник, помнишь хоть?

Вконец обидевшийся мальчишка только плечом пожал. А Морозов улыбнулся и начал рассказывать:

— Не так давно я на Рождество был у приятеля. У него шары на елке были — как хрусталь! Тонкие. Переливчатые. Легкие. У нас таких делать не умеют...

И Сергей Иванович вдруг принялся рассказывать бывшему реалисту о елках, о подарках, даже о Деде Морозе упомянул — только не признался, кто был этим Дедом.

— ...а потом дети весь год елку ждали. А ты говоришь... — Морозов повернулся к мальчику и замолчал.

Его слушатель не только ничего не говорил, но даже уже и не слушал — спал, свернувшись в клубок, и улыбался такой хорошей улыбкой, какой совсем не место на войне. Вернее, войне нечего делать там, где есть такая улыбка.

— Хорошо рассказываешь, — раздался голос Главного Птёрка из кармана шинели, — даже я заслушался.

Поручик строго смотрел, как птёрк выбирается наружу, но отвечать не спешил.

— Только одно перепутал, — продолжил птёрк, — наши уже тоже такие тонкие шары научились дуть. Пленные немцы научили.

Сергей Иванович молчал.

— А ты когда за дело возьмешься? — перешел в атаку Главный Птёрк.

— Мое дело, — сухо ответил Морозов, — поддерживать бронепоезд в боевом состоянии.

— Сам говорил, а сам не помнишь, — птёрк покачал головой. — Тут не жизнь, тут война. Значит, и дела тут быть не может...

Сергей Иванович отвернулся и уставился на пышущую жаром топку.

Птёрк потоптался еще немного, ничего не сказал и ушел.

Поручик Морозов даже не стал смотреть куда.

Тяжелый 1920 год

Из истории

Мы специально не рассказываем, что творилось между 1916 и 1919 годами. Слишком это тяжелое было время. Такое тяжелое, что временами даже хуже войны.

Поэтому просто напомним некоторые факты.

В 1917 году сначала свергли царя, а потом власть перешла к большевикам. Большевики сначала вроде бы были ничего: остановили войну, которая всем надоела, дали крестьянам землю, объявили, что теперь все люди равны и свободны.

Но потом большевики принялись отчаянно бороться со всеми своими врагами, а заодно и друг с другом.

Началась Гражданская война, то есть война не с внешними врагами, а внутри страны. Петроград жил тогда тяжело, не хватало еды, одежды, дров. Хуже того — люди не понимали, что происходит.

Жили себе спокойно, слушали царя, ходили в церковь — и вдруг все кувырком! Царь, оказывается, плохой, в Бога верить плохо, зато свобода. А что за свобода, когда на улицах по ночам стреляют и могут запросто убить?

В общем, все было сложно и непонятно.

Сергей Иванович слово, которое дал жене, сдержал. Наверное, не таким уж плохим Дедом Морозом он оказался. Вернулся, правда, нескоро, шесть лет спустя, зато живой и здоровый, только похудел очень.

Когда Морозов появился — аккурат накануне Сочельника — Маша снова плакала. Но теперь уже от радости. Она даже слез не вытирала: накрывала на стол, грела худой морковный чай, бегала к соседке за сахарином в долг — и все плакала. Успокоилась только, когда уселась рядом с любимым мужем и обхватила его обеими руками.

— Никуда больше не пущу, — сказала она, — будешь дома сидеть!

Сергей Иванович улыбнулся, потерся небритой щекой, но продолжил жевать. Видно, очень оголодал.

— Какое сидеть?! — вдруг раздался сердитый голос. — А Рождество? А дети?

Главный Птёрк и маленькая охля стояли на столе между стаканов, грозно уперев лапки в бока.

— Придумал тоже! — согласилась с другом охля. — Доедай — и за работу.

Они еще много собирались сказать Морозову, но тот коротко посмотрел на малышей, и они испуганно замолчали.

— Рождество, — спокойно сказал Сергей Иванович, — без меня обойдется. Я больше не Дед Мороз, понятно?

Маша почувствовала, как окаменело под гимнастеркой тело мужа. Она погладила его, но Сергей Иванович, кажется, и не заметил.

— Эх, — Главный Птёрк махнул лапкой, — а мы так ждали...

— И дети, — грустно добавила охля.

Они взялись за лапки и пошли к краю стола. Морозов молча ждал, даже жевать перестал. Охля не выдержала, оглянулась напоследок.

— Дед Мороз, ты научишься, ты поймешь, я верю...

Но Главный Птёрк дернул ее за лапку и чуть не силком утащил за чайник.

— Они не придут больше, — тихо сказала Маша.

— Да, — согласился Сергей Иванович, — потому что я больше не Дед Мороз.

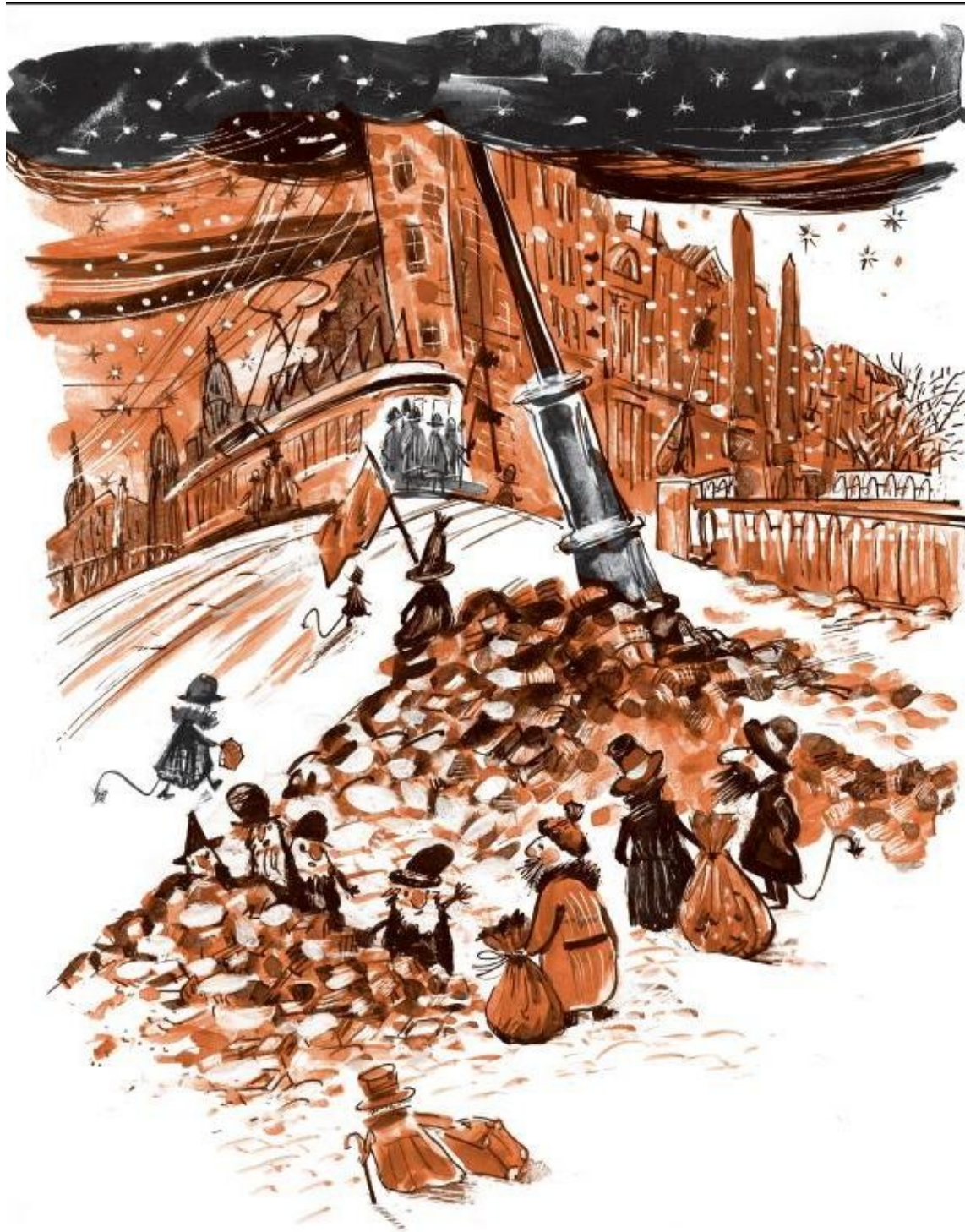
В молчании они выпили чай, невкусный, но зато горячий, посидели еще немного.

— Город-то как изменился, — заметил вдруг Морозов, — я шел, половины не узнал. Погуляем?

— Конечно! — Маше было не по себе от ухода охли и птёрка, хотелось срочно чем-нибудь заняться.

Они утеплились всем, что нашлось в комнате — платками, кофтами, шарфами, — и вышли на улицу.

* * *

Мало что осталось от роскошного города Петра. Закрылись почти все магазины, причем некоторые витрины были просто заколочены досками.

Улицы стали пустынными, никто не гулял по ним, люди быстрым шагом пробегали мимо. Пропали машины, пропали и извозчики.

Сергей Иванович шел быстро, плотно сжав губы. Было заметно, что все, что он видит, больно бьет его по сердцу.

— Трамвай ходит? — отрывисто спросил он Машу, подходя к знакомым рельсам.

— Ходит. Пока. До шести вечера. Только очень редко. А людям на работу, с работы... Знаешь, наша соседка ногу сломала, с трамвая упала. Люди просто гроздьями на нем висят. Осталось, говорят, только несколько вагонов...

Губы Сергея Ивановича превратились в тонкую полоску. Так и неся он по знакомым улицам, по родным местам, отмечая огромные ямы на дорогах, разобранные на дрова деревянные мостовые, заколоченные окна особняков.

Вся эта разруха причиняла ему просто физическую боль.

— Эй, солдатик, а где туточки Володарского проспект?

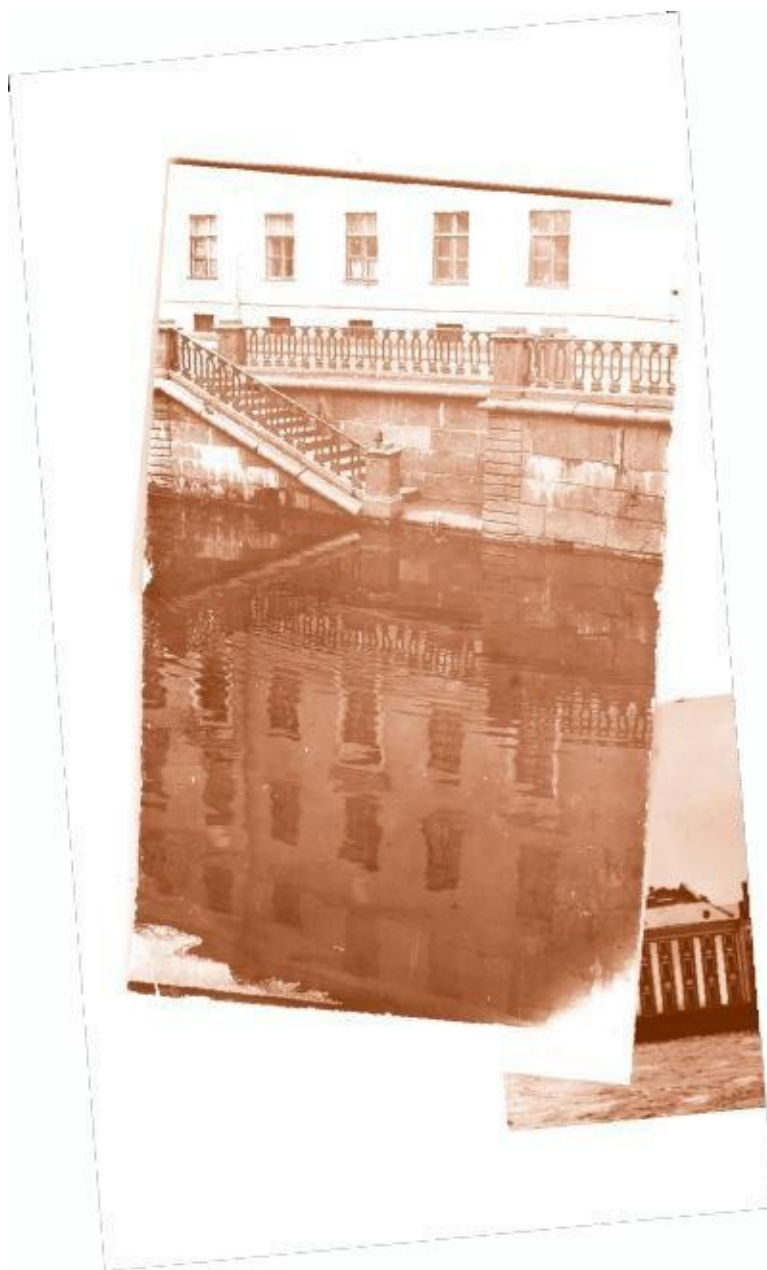
Сергей Иванович вздрогнул и посмотрел на бабуку, которая перегородила ему дорогу. Бабка была похожа на шарик, столько всего было на ней накутано, да еще и волокла такой же шарик-мешок за спиной.

— Нет тут такого проспекта, матушка...

— Есть, — перебила его Машенька, — есть. Литейный теперь Володарского. Вон он, бабушка, вперед идите.

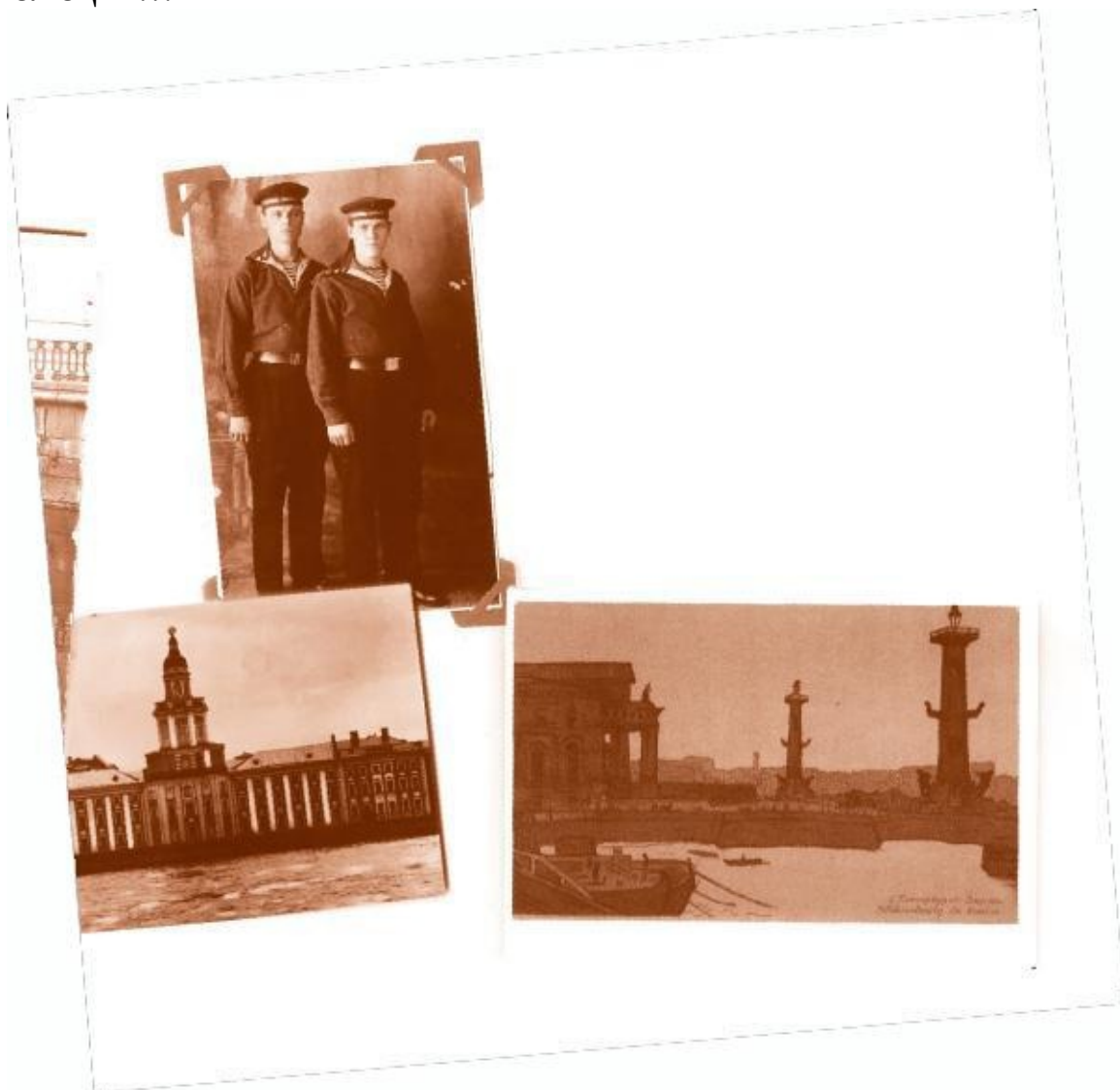
Старушка утопала вперед, даже не сказав спасибо, а Сергей Иванович окончательно разъярился.

— Да что же это такое! Как не домой приехал! Ну, и что еще у нас изменилось?!

Муж раньше никогда не повышал на Машу голос, поэтому она, бедная, растерялась и послушно начала отвечать дрожащим голосом.

— Невский переименовали, он теперь 25-го октября. Гагаринская, помнишь, где Ванина гимназия, она теперь Герцена. Зато на Марсовом поле теперь красиво будет, там весной парк сделали, дорожки всякие... Помнишь, какая там всегда грязь была? А теперь все травкой засеяли.

Памятник поставили. Только тоже переименовали. В Площадь жертв революции...

Вдруг Сергей Иванович увидел очередные трамвайные пути, рванул к ним, тронул носком сапога, и тут разразилась самая настоящая буря.

— Да что же это такое, — кричал он, — да тут же все сгнило, гайки расшатались, еще чуть — и вагоны с рельсов сходить будут! Люди покалечатся!

Сергей Иванович бушевал бы еще долго, если бы не заметил, что Маша стоит и тихо плачет. Всю его злость сразу как рукой сняло.

— Не плачь. Прости меня, что я, дурак, на тебя кричу. Сам тебя здесь бросил... И город свой бросил... Ой, что это там?

Маша проследила за взглядом мужа и улыбнулась.

— Представляешь, в городе всего-то полдюжины магазинов осталось,

и почти все почему-то цветочные...

Морозов рванул к магазину и через минуту вернулся с букетом пушистых хризантем.

— Самой лучшей жене на свете, — сказал он и протянул Маше.

Цветы желтым огнем горели посреди унылой улицы серого города. Маша шла, нежно прижав их к себе, но они были настолько яркими, настолько «не из этой жизни», что люди оборачивались Маше вслед. Кто-то улыбался, кто-то останавливался в недоумении.

А Сергей Иванович, неожиданно придя в хорошее расположение духа, по-хозяйски разглядывал улицы, гладил облупившиеся стены домов.

— Ничего, — бубнил он себе под нос, — все образуется. Раз цветы есть, значит жив город, починим, подправим... Все будет хорошо, самое страшное уже позади...

Когда вернулись, снова пили чай, точнее, горячую, чуть подкрашенную воду. Морозов сидел в шинели. Маша смотрела на нее и не могла понять, офицерская шинель или солдатская. Провела рукой по сукну

и решила — офицерская, солдатские, кажется, грубее.

Заходили поздороваться соседки, Маша теперь занимала только одну комнату в их большой квартире.

— Да и зачем мне больше? Все равно их не согреть... Да и страшно было одной. Давай я тебе в твою чашку чай налью, я ее сохранила. Сейчас даже чашку в городе не купишь.

— А еду?

— Ну, что-то по карточкам дают, мне одной много не нужно... А многое крестьяне привозят. Видел, у нас теперь на каждой трамвайной остановке рынок, кто яйца продает, кто яблоки... Рынки-то большие тоже все закрыли.

Маша рассказывала еще долго. О том, как служила в госпитале сестрой милосердия, как осталась одна — кто уехал в Москву, кто вообще за границу. Машу с собой звали, но она отказалась, боялась, что муж приедет, а ее не найдет.

Рассказывала, как тяжело ей там работалось:

— Лекарств-то почти нет... А люди ослаблены, питаются плохо, особенно детки...

Тут губы у Маши предательски задрожали, и она сменила тему.

— Так что я решила уйти из госпиталя, и теперь в Доме книги работать буду. Буквально неделю назад перешла, теперь я продавщица. И знаешь где? Ни за что не догадаешься!

— Где? — послушно спросил Сергей Иванович.

— Помнишь дом Зингера? Гнилой зуб на Невском? То есть на 25-го октября...

Морозов впервые за разговор улыбнулся.

— М-да. Ну, этот дом тебе и в те годы нравился... А Невский, он всегда будет Невским! Вот посмотришь, я тебе это практически обещаю!

И улыбнулся своей широкой, почти дедморозовской улыбкой.

— Сереж, а про себя расскажешь? Ты-то как все эти годы?

— Воевал, — коротко ответил Морозов, и жена поняла, что подробностей не будет.

Но тут Сергей Иванович вдруг добавил:

— Надо зайти, свечку поставить. Я однажды... зарок дал — если выживу, обязательно поставлю свечку в Петропавловском соборе.

— Не получится, — вздохнула Маша, убирая со стола, — закрыли собор. Зато теперь закона божьего в школах нет. И «ять» им отменили... Помнишь, мы с тобой когда-то думали, что для детского счастья нужно только «ять» убрать?

Морозов вздохнул. Жизнь показала, что для счастья нужно много больше.

Ночью они лежали, тесно прижавшись друг к другу. И соскучились, и холодно было под двумя худыми шерстяными одеялами.

— Как думаешь, — сказала Маша, — птёрки правда больше не придут?

Но муж не ответил. Должно быть, уже спал.

Рождества на сей раз не было. Был обычный декабрьский день. Вернее, даже январский — второй год страна жила по новому календарю.

Охли и птёрки не объявились.

Конец 1935 года

Из истории

К середине 1930-х годов жизнь в России понемногу наладилась. Теперь, правда, это была не Российская империя, а Советский Союз, но люди уже привыкли к новой, Советской, власти, обживались. Привыкли и к очередному новому названию Петрограда — теперь он назывался Ленинград. Голод, Гражданская война и стрельба по ночам ушли в прошлое. Заработали магазины и рынки. Везде строились заводы. Телефонов и автомобилей стало заметно больше, а самоваров — наоборот, меньше.

Правда, свободы стало еще меньше, чем при царе. Все очень внимательно читали газеты, чтобы не пропустить что-нибудь важное. Например, объявит газета «Правда» какого-нибудь писателя «врагом народа» — значит, книги этого писателя надо из дома выкинуть или хотя бы спрятать. Или, наоборот, напишут, что на работу надо ходить в пиджаках — надо срочно бежать в магазин и покупать пиджак. А то мало ли что.

В это время в СССР зарождался «культ личности». Этой самой личностью был Иосиф Сталин, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). А если проще, то глава

государства.

В честь Сталина слагались песни и стихи, его портреты висели в каждом кабинете в каждой школе.

И все дети без исключения знали, что живут в самой лучшей стране на свете, все гордились своим красными пионерскими галстуками и говорили: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

Взрослые были не такими наивными, но большая часть людей считала, что лучше немного потерпеть, зато жить без войны и разрухи.

Люди даже не стали особенно спорить, когда Советская власть в 1926 году запретили проводить рождественские елки. Все больше подрастало детей, которые ни разу в жизни не искали под елкой подарок...

После возвращения Сергея Ивановича с фронта Морозовы ни Рождество, ни Новый год больше не праздновали.

Сергей Иванович пришел работать в свое родное депо. С неумемной энергией начал восстанавливать разрушенное годами разрухи.

Правда, однажды случилось неожиданное напоминание о празднике. За неделю до Нового года Морозов влетел в комнату, как вихрь.

— Машенька, собирайся, у меня для тебя сюрприз! Быстрее, быстрее... Нас машина ждет.

Маша, заинтригованная, собралась в пять секунд.

— Помнишь, я тебе рассказывал, мы один очень важный заказ делаем?

Маша только кивнула. Последние пару месяцев она мужа практически не видела. Он часто даже оставался ночевать в депо. Сейчас все уже было готово к тому, что через неделю, 31 декабря, от Балтийского вокзала пойдет первый электропоезд, и Морозовы с облегчением вздохнули.

— Так вот, нас, то есть меня, за это решили премировать. Я сначала отказаться хотел — зачем, думаю, а потом как узнал что, а главное, где... Ну, ты сейчас сама все поймешь! Все, приехали.

Он резво, как молоденький, выскочил из авто и подал супруге руку. Маша вышла, не отрывая взгляда от дома, возле которого они остановились. Это был знаменитый Бутурлинский особняк на Сергиевской улице. Вернее, уже несколько лет эта улица называлась улицей Чайковского, просто Морозовы никак не могли привыкнуть к ее новому названию.

— Ты хотела здесь жить? Мечты сбываются!

Маша стояла и не верила в происходящее. Парадное заколочено, все жильцы заходят в дом с черного хода, краска на фасаде пооблупилась, исчезли декоративные вазы, красивейший балкон завален снегом и на нем болтаются какие-то тряпки, дверь на балкон забита досками. Но все это не могло приглушить красоту здания, которое сияло под зимним небом Ленинграда, словно светилося изнутри.

Супруги Морозовы зашли внутрь.

Квартира была переделана из бальной залы, из одной залы сделали много квартир, лепнина шла по потолку и уходила в неизвестность, к соседям, стены покрашены неровно. Пол местами вздут, видимо, оттого, что дом долго не отапливался. Но все равно это была отдельная квартира. Верилось в такую роскошь с трудом.

— Надо гостей позвать! — наконец обрела голос Маша.

— Позовем! — Морозов обходил новое жилище, словно обмерял его широкими шагами. — Соседок наших... Веру позовем.

Вера осталась единственной из сестер Сергея Ивановича, все еще живущих в городе. Кто уехал за границу, кто просто растворился в суете военных лет. Зато у Веры семья была большая: две свои дочери да еще племянница Наташа, которую она растила как родную дочку. Все три девушки были уже замужем, и у каждой родился сын.

Остальных родственников разметала война и революция. Ирина — старшая сестра Сергея Ивановича — оказалась с детьми и мужем в Нижнем Новгороде. Когда смутное время закончилось, они так там и остались. Письма писали часто и все звали к себе в Горький (так стал называться Нижний несколько лет назад).

Светлана, младшая из сестер Морозовых, в первые же дни после революции с мужем, военным атташе французского посольства, уехала в Париж. Маленькую Наташу, которая болела воспалением легких, она оставила Вере. Уезжая, все плакала и обещала за Наташей вернуться. Но за последние годы ни разу не дала о себе знать. Конечно, она пыталась, но Советский Союз был отгорожен от остального мира «железным занавесом», поэтому все попытки остались без успеха.

* * *

Новоселье пришлось на 25 декабря. Если бы по старому стилю, то это было бы Рождество. Сергей Иванович настолько воодушевился, что

предложил поставить елку. Маша его поддержала, но затея, к сожалению, сорвалась — елку просто негде было взять! Ехать и рубить самим дерево в лесу было жалко, да и некогда. Поэтому Маша ограничилась несколькими большими еловыми лапами, она потихоньку вечером отпилила их у елок возле школы. Запихнула в большую сумку, чтоб люди не оглядывались, и так, тайком, донесла до дома.

Но даже эти небольшие лапки украшать было особенно нечем. Детей у Морозовых не было, а самим садиться и клеить игрушки как-то глупо. Поэтому на ветках висели, в основном, конфеты, пряники и картонные фигурки — Маша все-таки не выдержала и сделала вечером несколько штук.

Зато угощение приготовили на славу, слава Богу, голодные времена миновали.

Маша устроила настоящий пир, вспомнила все свои старые рецепты, нажарила пирожков, сделала заливную рыбу. Не бог весть что, но гости уписывали ее угощение так, как будто ничего вкуснее не ели.

* * *

И в чем-то это так и было. Есть стало некогда. Жизнь нынче бодрая — бодро ходили на работу или в школу, бодро работали, бодро шли в столовую и там бодро ели. По радио при этом звучала бодрая музыка. Взрослые питались в столовых на работе, дети в школах и садиках. Дома готовить практически перестали, шедевром кулинарии стала яичница с колбасой. Да и где готовить? В подавляющем большинстве люди жили в коммуналках, где одна кухня приходилась на несколько семей. Много ли наготовишь, когда на одной кухне одновременно коптят несколько керосинок или примусов?

* * *

Сергей Иванович смотрел на то, как теперь уже внучатые племянники лопают «тетьмашины» пирожки и усмехался в бороду. Все возвращается...

Дети поначалу сидели чинно. Одинаково причесанные, похоже одетые, они казались близнецами, хотя были рождены в разных семьях. На елку косились опасливо — в Вериной семье, по советскому обычаю, елок уже лет десять не ставили. Но потом, освоившись, мальчики устроили

настоящий бедлам: прыгали по единственному дивану, гонялись друг за другом по пустой квартире, потом не поделили что-то и сцепились в один пыхтящий клубок.

Тут уж пришлось вмешиваться и взрослым. Растаскивали мальчишек чуть ли не за чубы.

А к Морозову за стол под села Наташа.

Та самая Наташа, которая когда-то давно самозабвенно клеила ватные игрушки. Теперь она стала высокой, худощавой женщиной. Только глаза были те, Наташинские — большие и веселые.

— Дядь Сереж, а помнишь, какие у нас рождественские утренники были? Мальчишки, кончайте драться! Идите сюда!

И Наташа начала рассказывать.

Начала с того, как они всей семьей клеили игрушки, потом как дядя Сережа их раскрашивал. Мальчишки еще несколько минут толкались, возились, отвлекались, а потом, замерли, раскрыв рты слушали — Наташа вошла во вкус и рассказывала все увлеченнее.

— А потом, представляете, заходит дядя Сережа в зал. Огромный, величественный такой, в шубе синей, с палкой такой огромной...

— Это были тулуп и посох, — подсказала Маша.

— И говорит таким... волшебным голосом: «Здравствуйте, я Дед Мороз»!

Морозов не выдержал, улыбнулся в бороду. Маша заметила и порадовалась, а Наташа продолжала:

— А подарки какие были... необыкновенные! Таньке куклу подарил такую... Она ее почти всю войну хранила, потом уже при переездах потерялась где-то. Дядь Сереж, а может, ты правда волшебник?! Ты такой был... Такой настоящий! Как скажешь своим басом: «Я — Дед Мороз!» — так... как будто в сказку попадали. И желания сбывались! Представляете, мальчишки, мы перед каждым Рождеством дяде Сереже записочки писали с желаниями. И сбывались почти все.

Мальчики таращились на бородатого дядю то ли со страхом, то ли с уважением. А Наташа вдруг встрепенулась:

— Ой, дядя Сережа, у меня же для тебя тоже подарок есть!

Она сорвалась с места, унеслась куда-то в прихожую и вернулась с крохотным пакетиком.

— Дядь Сереж, я долго думала, что подарить тебе на новоселье, и вот, разобрала вещи и нашла. Скоро Новый год, так что он очень даже к месту.

И Наташа достала из пакета маленького ватного котика.

— Помнишь его? Нет? Это ты для Софьи когда-то сделал. Смотри, один глаз закрыт, второй мышку караулит! Давай я его на елку повешу, я даже и не думала, что вы с тетей Машей елку поставите! Он выцвел, конечно, но, смотри, какой красивый! Я его всегда больше всех игрушек

любила.

У Маши уже давно в горле стоял комок, она боялась расплакаться от этих счастливых воспоминаний, да и все остальные тоже притихли. Голос подала только Таня, вторая Верина дочка:

— Дядя Сережа, а где ты игрушки брал? Сколько мы пытались потом понять, так и не смогли. Не могли ж они под елкой сами вырасти!

— Да, Сереж, расскажи, пожалуйста. Столько лет прошло, теперь уже можно, — это подала голос Вера.

Сергей Иванович обвел глазами всех, кто сидел за столом. Кто-то смотрел на него с любопытством, кто-то с улыбкой, только в глазах у взрослой Наташи светилась такая вера в чудо, что все в суровом мужчине Сергее Ивановиче Морозове, фронтовике и ударнике труда, — все дрогнуло и растворилось, а появилось что-то иное из глубины души, забытое, дедморозовское.

— Нет уж, бывают вещи, о которых нельзя рассказывать даже со временем. Это было чудо. А чудеса разоблачать негоже!

Маша, замерев, смотрела на мужа. И голос у него стал басовитый, и борода как-то распушилась. Видно, что держит себя в руках, но плохо у него это получается.

— Тетя Наташа, а как вы желания загадывали? — не удержался самый маленький и бойкий мальчишка Андрейка.

— На бумажках писали.

Андрейка нахмурился. Видно было, что писание не входит в число его любимых занятий. Наташа подмигнула племяннику:

— А если некогда было, то просто подходили к дяде Сереже, представляли себе, чего больше всего хочется, — и все сбывалось.

Андрей немедленно рванул к дедушке.

— Дядя Сережа, я уже загадал!

«Дядя» Сережа на самом деле давно уже был дедушкой, но выглядел так молодо, что дедушкой его никто не называл. Он потянулся обнять внучатого племянника и... время для них двоих словно остановилось!

На дедушку вывалился такой калейдоскоп картинок, что если бы не сидел, то упал бы от головокружения. Главным действующим лицом во всем этом была огромная елка, которая светилась и переливалась огнями, на елке что-то висело, кто-то вокруг ходил, звучала музыка — это все довольно размыто, но елка, елка стояла настолько четко, что на ней даже были видны иголки.

— Хочу такую! И чтоб каждый год! Хорошо?

Даже если бы Сергей Иванович и хотел ответить «нет», то не смог бы.

Что-то у него внутри оживало и так ликовало, что противиться этому ликованию было просто невозможно.

— Хорошо, — просто ответил Дед Мороз.

— И в этом году будет?

— Будет.

— А ты не врешь?

— Дед Мороз никогда не врет.

Андрей засвистел и заулюлюкал, мальчишки опять устроили кучу малу.

А к Деду Морозу потихоньку подошла Наташа.

— Дядь Сереж, я уже взрослая, мне, наверное, нельзя в сказки верить, но... — и тут Наташа перешла на шепот, — Дед Мороз, миленький, сделай так, чтоб все обошлось. На Сашку какой-то урод анонимку написал на заводе. Сашка ходит мрачнее тучи, ему сказали, что он непролетарского

происхождения. Мне так страшно... Пусть случится чудо, я очень тебя прошу!

Наташа прижалась щекой к Сергею Ивановичу, и он абсолютно четко увидел ее с мужем Сашей и двумя мальчишками, счастливыми и безмятежными, сидящими у себя на кухне, даже календарь на стене разглядел — 1940 год.

— Не плачь, Наташка, все будет хорошо, обещаю!

— А ты не врешь?

— Дед Мороз никогда не врет.

Наташа рассмеялась и сказала:

— Ну раз так, я тебе еще один подарок подарю. Смотри, что я еще у себя нашла!

И Наташа вынула из кармана сложенный вчетверо листочек в клеточку. Мягкий, немного пожелтевший.

На рисунке стояли птёрк и охля на фоне наряженной елочки и держались за руки. Дед Мороз взял рисунок в руки и нисколько не удивился, когда птёрк на рисунке весело помахал ему лапкой.

А 28 декабря утром Маша молча развернула перед Сергеем Ивановичем газету «Правда».

Муж уткнулся носом в доклад на пленуме ЦК ВКП(б) о стахановском движении в лесной промышленности и даже начал его читать, но Маша нетерпеливо дернула его за рукав.

— Не то читаешь!

И на правой стороне разворота Сергей Иванович увидел небольшую статейку:

— Давайте организуем детям к Новому году хорошую елку... — прочитал он вслух, — Постышев какой-то.

И продолжил читать:

«В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям елку. Дети рабочих с завистью через окно посматривали на сверкающую разноцветными огнями елку и веселящихся вокруг нее детей богачеев...»

Дальше неведомый Постышев ругал глупых людей, которые запретили елку (и Сергей Иванович про себя горячо его поддерживал), а заканчивал статью вообще приказом:

«Итак, давайте организуем веселую встречу Нового года для детей, устроим хорошую советскую елку во всех городах и колхозах!»

Сергей Иванович дочитал статью, задумался. На газету спланировала красивая звездочка. Морозов машинально смахнул ее, но звездочка взвилась к самому его носу, красиво переливаясь.

Сергей Иванович проследил ее полет и увидел Главного Птёрка. Тот сидел на краешке стола и качал ногой.

— Ну как? Нормально поработали? — спросил птёрк. — С Рождеством, извини, ну никак не получилось. Но мы так подумали — Новый год тоже нормально!

— Нормально... — хмыкнул Морозов. — Ничего себе «нормально»! Статья в «Правде» — это ого-го! На следующий Новый год...

— На следующий? — от возмущения птёрк чуть было не свалился со стола, пришлось ему даже руками помахать, чтобы удержать равновесие. — Какой следующий? Ты же сам сказал: статья в «Правде» — это ого-го! Да если кто-нибудь не успеет к этому Новому году елку организовать, ему не то что «ого-то», ему такое «ата-та!» устроят...

Сергей Иванович только головой покачал.

— Да зачем уж так-то? — сказал он примирительно. — Зачем в такой спешке?..

Птёрк вскочил на ноги и зашевелил рожками.

— Это я виноват, да? Я до последнего тянул?! Я племяннику три короба наобещал?!

— Внучатому племяннику...

— Да хоть зайчатому! Хоть тройчатому!!! Кто из нас Дед Мороз?

Сергей Иванович понял, что разбушевавшегося птёрка пора утихомиривать.

— Вот именно, — сказал он строго, — я Дед Мороз. А ты — мой помощник. Чего раскричался?

Птёрк моментально успокоился и сел на место.

— То-то, — заметил он довольно. — А то ишь...

«Непонятно, — подумал Морозов, — кто из нас кем командует?»

— Хоть бы спросил, — птёрк уже вовсю покачивал ногой, — как мы это все провернули.

— Как вы это все провернули?

— Да легче простого, проще легкого! Напомнили этому Постышеву, как он, маленький, стоял носом к окну приклеившись и на чужую елку пялился. Взрослый мужик, а проснулся чуть ли не в слезах и сразу побежал всех советских детей осчастливливать...

По тону птёрка трудно было понять, хвалит он Постышева или ругает, а может быть, гордится хорошо выполненной работой.

— Привет! — на столе возникла маленькая запыхавшаяся охля. — Наташино желание выполнено! Анонимку уже совсем было собирались рассматривать, но тут выяснилось, что начальник отдела, где работает Саша Наташин, японский шпион, и его быстренько в кутузку... Короче, им уже не до Саши, пока его не тронут. Лови звезду!

Но Сергей Иванович радоваться не спешил.

— Послушайте, но это же подло! — сказал он. — Два желания и оба на каких-то гадостях выполнены. Только не надо мне говорить, что «время сейчас такое»!

Птёрк посерьезнел.

— Не буду. Время как время, бывало лучше, но бывало и хуже. Думаешь, нам приятно этим заниматься? Мы время не меняем. Просто... выполняем желания.

— Мы же не виноваты, — тихо добавила охля, — что желания такие... то есть, что по-другому их не исполнишь....

Троица за столом — Дед Мороз, птёрк и охля надолго замолчали.

Первой ожила охля.

— Слушай, Дед Мороз, я твои мысли просто насквозь вижу! Ты сейчас опять примешь суровое мужское решение и откажешься всем этим заниматься. Ты только сначала меня послушай, ладно?

Охля вскочила и начала носиться по столу перед самым носом у Сергея Ивановича.

— Послушай! Мы вернули детям праздник. Пусть они эту елку обзывают как хотят, пусть вешают на нее игрушечных пионеров и серпы-молоты, пусть читают стихи про коммунизм! Но у детей снова будет елка! А значит, и подарки, и желания, и чудо, понимаешь? Я тебе это еще в войну пыталась объяснить, но ты бы тогда не понял... Может быть, сейчас ты уже повзрослел?

Уж очень смешно выглядела маленькая серьезная охля. К концу охлиного монолога Сергей Иванович уже и не скрывал улыбку. Он только спросил:

— И что ты предлагаешь?

— Как что? — встrepенулась охля. — Мешок, тулуп, посох в руки — и по школам бегом на елки! Желания исполнять.

— А вдруг меня не пустят?

— Ты что, смеешься? — встрял в разговор Птёрк. — Им за три дня нужно елки организовать! Что значит «не пустят»? Да с руками оторвут!

Утереть пот Сергею Ивановичу удалось только вечером 1 января. Птёрк оказался прав: Деда Мороза пускали везде, даже не спрашивая, откуда он взялся. Или сами на ходу придумывали. «Вы из наркомпроса, да?» — спрашивали очкастые тетеньки и, не дожидаясь ответа, тащили колоритного, явно сказочного, персонажа к детям.

И там уж начиналось: дети сначала смотрели во все глаза, потом смелели, лезли на руки к Деду Морозу, рассказывали, как они хорошо себя вели, требовали подарков и исполнения желаний.

Сергей Иванович быстро вспомнил первую елку в доме у своей сестры и, чтоб дети не устроили кучу малу, предложил всем по очереди читать стихи.

— А можно не стих, а песенку? — спросила маленькая веснушчатая девочка.

— Конечно, милая, — радостно согласился Дед Мороз, и в голове у него тут же зазвучала «В лесу родилась елочка».

Но девочка звонко запела совсем другое:

— Мы растем, мы поем, мы играем,
Мы в счастливое время живем,
Песней дружною мы открываем
Пионерский наш радостный дом...

Дед Мороз слегка оторопел, особенно когда остальные дети старательно подхватили:

— Вы, трамваи, звените потише,
У реки, на Бульварном кольце,
Чтобы Сталин любимый услышал
Нашу песню в Кремлевском Дворце!

Дед Мороз обвел изумленным взглядом зал и увидел, что учителя поют даже старательнее, чем дети. Он растерялся. Патриотические песни на Рождество даже в царской России не пели!

— Не расстраивайся, — зашипел ему в ухо знакомый охлин голосок, — они просто по-другому не умеют...

— Ладно, научим, — пробурчал Дед Мороз и громко объявил: — Ай, молодцы, ай ладно поете! А теперь мы с вами новую песню выучим,

новогоднюю. Ну-ка в хоровод встанем! А теперь за мной повторяем! «В лесу родилась елочка...»

Сергей Иванович прыгал и скакал вместе с детьми, касался каждого — и снова калейдоскоп фантазий возникал перед ним. А к концу утренника сказал: «Ну-ка, дети, посмотрим, что у нас под елочкой?» Понятное дело, дети бросились смотреть, что под елочкой, и нашли все, что загадывали. Труднее всего оказалось отбиться от очкастых тетенок, которые не хотели отпускать «товарища артиста», не подписав каких-то ордеров и ведомостей. В конце концов Морозов грозно ответил им: «Необходимые бумаги будут высланы вам курьером». Тетеньки отстали, и Сергей Иванович помчался в следующую школу.

* * *

Но, как он ни торопился, обойти за три предпраздничных дня удалось только десяток-другой утренников. С одной стороны, это было много: птёрки и охли натаскали целую кучу разноцветных блесток, весь Новый год Морозовы провели словно внутри небольшого салюта. С другой стороны, детей, которых Дед Мороз не успел поздравить, было гораздо больше.

— Ничего! — сказал Главный Птёрк, деловито прохаживаясь по праздничному столу. — Поставим это дело на серьезную основу. Ну-ка, не хулиганим там!

Окрик предназначался остальным птёркам и охлям, которые буянили по всей комнате. Никто из них даже ухом не повел.

— Это с таким-то рабочим коллективом? — рассмеялась Маша.

— Спокойно! — птёрк сложил руки на груди и гордо задрал голову. Он сразу стал похож на маленького Наполеона. — Это мы во время праздника бестолковые, а когда работаем... Ох!

Кто-то из работающих, но бестолковых птёрков очень ловко прыгнул на ложку, торчавшую в варенье. В результате Главного Птёрка сшибло вишенкой, и он потратил целую минуту, чтобы хорошенько вытереться о салфетку.

— Значит, так, — продолжил он. — Твоего личного присутствия не потребуется. Желания будем мы собирать, а ты сиди себе тихонько и выполняй.

Сергей Иванович вспомнил толпу детей, которая его каждый раз окружала, их горящие глаза...

— Нет, — упрямо покачал он головой, — на утренники я тоже буду ходить.

— Как хочешь, только учти... Да что ж такое?!

Очередная вишенка снова сбила птёрка с ног. Тут уж Маша, пожалев, принялась вытирать бедолагу от варенья.

— А еще говорят, — бурчал птёрк, но было видно, что ему приятна забота хозяйки, — «Снаряд дважды в одну и ту же воронку не попадает». Спинку потри, пожалуйста. Банда охламонов, а не помощники Деда Мороза!

На плечо к Морозову тем временем забралась очередная охля.

— Пойдем мы! — заорала она задорно. — А то умаялись, а нам еще неделю работать!

— Почему неделю? — удивился Сергей Иванович. — Новый год уже все, наступил.

— А утренники в школах еще неделю будут идти, — сказала Маша. — Ты что, не знал?

Наверное, Морозову стоило огорчиться — еще целая неделя напряженной работы, но он вдруг почувствовал прилив сил.

— Придется отгулы взять, — он посмотрел на часы, — и лечь сегодня пораньше. Эй, ты чего?

Главный Птёрк стоял посреди его тарелки, с него густо текло малиновое варенье.

— Это он сам в розетку прыгнул, — наябедничала охля с плеча, — я видела!

— Ничего не сам! Оступился я, — и птёрк повернулся к Маше. — Хозяйка! Вытереть бы меня!

Когда Маша, с трудом сдерживая смех, в очередной раз вытирала злосчастного птёрка, тот, кажется, даже заурчал от удовольствия.

Декабрь 1936 года

Из истории

Статья в «Правде», про которую мы рассказали, — это не выдумка. Действительно была такая статья. Называлась она «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку» и на самом деле вышла 28 декабря 1935 года. И написал ее действительно человек по фамилии Постышев. Вот видите — мы ничего не придумали!

Само собой, что после этой статьи елка перестала быть врагом и превратилась в лучшего друга. Ее, правда, переименовали в новогоднюю елку и стали ставить не на Рождество, а на Новый год, но детям-то какая разница? Они снова могли радоваться и волноваться — а что там такое появится под елочкой?

И с тех пор традиция празднования Нового года уже никогда не прерывалась.

На сей раз пожеланий от детей было невообразимо много. Не только записочки — целые бандероли приходили с адресом «Дедушке Морозу».

— Как они только меня находят? — удивлялся Сергей Иванович.

— Как-как? — обижались птёрки и охли. — А мы на что?

Слава о добром волшебнике, который выполняет желания, прокатилась по всей стране. Деду Морозу писали отовсюду, даже от самого Тихого

океана. Птёрки и охли не подвели, работали бодро и совсем не хулиганили.

Сергей Иванович бережно брал каждое послание, «вслушивался» в него, колдовал и откладывал. Очень боялся, что попадется, как в войну, что-то страшное, неисполнимое — но проносило. Дети просили детского: игрушек, конфет, нарядов. А еще «чтобы наши победили» и даже «чтобы везде была революция». Последнюю бумажку Морозов отложил, нахмурившись, не стал над ней ворожить. Лично он не видел ничего хорошего в революциях, войнах и в других событиях, которые заканчиваются кровопролитием.

И все время поглядывал на календарь. Вспоминал детский гам, общее ожидание чуда и громкое: «Ах!», когда подарки извлекались из-под елки.

Первый детский утренник в ближайших окрестностях ожидался 23 декабря. Дед Мороз готовился с утра, на работу не пошел — специально взял отпуск не летом, как все стремились, а зимой.

Еле дождался назначенного времени, ступил на порог — и остолбенел. Директор школы, крепкий седой мужчина, разговаривал с... Сергей Иванович хотел было ущипнуть себя, но мешали рукавицы. С Дедом Морозом!

Двойник был в синем тулупе до пят, с посохом, правда, борода его при ближайшем рассмотрении оказалась из пакли. Увидев Сергея Ивановича, он тоже удивился, но не так сильно.

— Здрасьте, товарищ! — сказал поддельный Дед Мороз. — А зачем вас Голубцова сюда прислала?

Директор посмотрел на Сергея Ивановича строго и даже как будто осуждающе. Морозов только и смог, что закашляться и виновато развести руками.

— Вам в двадцать вторую школу надо! — пояснил двойник. — Там, кажется, как раз никого. Знаете, где двадцать вторая?

Морозов кивнул и поспешил выйти, успев еще услышать.

— Голубцова — это инспектор наш. Молодец, успела-таки подмену

найти.

На улице Сергей Иванович чуть не заплакал.

«Как же так?! А я?»

Тут он почувствовал, как в районе плеча завозились, поскреблись — и под самое ухо Деда Мороза выскочила охля.

— Спокойно! — сказала она. — Это свои!

«Кто из вас свои? — хотел спросить Сергей Иванович. — Ты или... тот тип?»

Но охля уже тараторила:

— А что ты хотел? В прошлом году многим понравилось, как ты на утренники ходил. Дети еще с осени учителей донимали: «А к нам придет Дед Мороз? А он точно придет?»

Охля так похоже показала нетерпеливых детей, что Морозов начал успокаиваться.

— Вот они актеров и наняли. Теперь тебя много!

— Но они... а подарки? А желания исполнять?

— Спокойно! — повторила охля. — Твою работу за тебя никто делать не будет. По исполнению желаний ты самый главный. А артисты — они только твою роль исполняют. Еще вопросы?

Дед Мороз потоптался, задумался и спросил:

— А ты знаешь, где тут двадцать вторая школа?

— Конечно! — Охля уселась на плече поудобнее. — Пошли, покажу!

Ленинград очень изменился за последние десятилетия. Из города Петра он потихонечку превращался в город Ленина — колыбель революции.

По городу развесили кучу мемориальных досок — оказывается, Ленин успел пожить во многих домах, памятники вождю размножались со страшной силой. По городу прокатились уже две волны переименования улиц. Теперь Пантелеймоновские улицы и мост стали улицей и мостом декабриста Пестеля. 12 Рождественских улиц переименовали в 12 Советских, Троицкий мост стал мостом Равенства, а Гагаринской улице, на которой когда-то стояла Ванина гимназия, после переименования ее в улицу Герцена, опять вернули название Гагаринская.

Кстати, школа на месте гимназии сохранилась. И туда тоже приходил Дед Мороз.

Новый год в этом году страна отмечала с размахом.

Ёлки стояли везде, где только можно, нарядные, красиво украшенные. За год наладили выпуск новогодних игрушек, и теперь зеленые красавицы были действительно сплошь увешаны стеклянными пионерами, стахановцами, рабочими и серпами с молотами.

Были даже выпущены специальные брошюры с подробным указанием, как именно нужно встречать Новый год в детских садах и школах, как проводить утренник и какие игрушки куда вешать. Сергей Иванович читал их и ухмылялся — столько лет уже этот праздник отмечали, а теперь оказывается, почти все делали неправильно.

Перед очередным утренником Морозов носился по квартире и собирался, весело напевая песенку про елочку. Маша сидела в уголке и что-то тихонько шила. Настолько тихонько, что муж забеспокоился. И не зря, на глазах у Маши блестели слезы.

— Что случилось? — Морозов разом прекратил сборы и уселся рядом с женой.

— Сергей, а ты не замечал странную вещь? Замечал же, наверняка... Только мы не говорим с тобой об этом...

— Машенька, что случилось?

— Сережа, мы не выглядим на свои годы! Посмотри на меня, мне по паспорту 59 лет.

— Это же хорошо, что не выглядим!

— Сереж, хорошо, конечно... Только все мои знакомые уже бабушки давно, в платочках и с палочками. Я уже к ним и подойти боюсь.

Морозов потоптался немного и вдруг предложил:

— А ну вставай!

— Зачем? — спросила Маша, но послушно встала.

— Затем! На утренник со мной пойдешь.

— Да ну, я буду тебе мешать...

Но Сергей Иванович уже заметил искорки в глазах и понял, что жене очень хочется пойти с ним.

— Идем-идем. Ты не будешь мешать, ты мне поможешь!

На сборы оставалось совсем мало времени. Маша подошла к зеркалу, Сергей Иванович стоял рядом, уже наряженный в тулуп, с посохом в руках.

— Все равно ты у меня слишком молодой для деда. Тебе бы бороду поокладистей, брови покустистее...

И Маша провела руками по лицу мужа. От ее рук в стороны разлетелись разноцветные звездочки, и Дед Мороз стал старше лет на десять.

Маша завизжала и спрятала руки за спину, с ужасом глядя на мужа. Тот же изумленно глядел на свое отражение, не очень соображая, что, собственно, случилось.

— Только без истерик, спокойно!

Главный Птёрк, как всегда, появился без предупреждения, и как всегда, очень вовремя.

— Что это было? — дрожащим голосом спросила Маша, разглядывая свои руки.

— Чудо, — просто ответил Птёрк.

— И это я?

— Ты. Вы же вместе попали под волшебный снег.

— А почему я раньше не могла?

— Ты раньше не пробовала.

— Ох, я должна это обдумать...

Маша уселась на диван и уставилась в пространство совершенно бессмысленным взглядом. Уж что-что, а обдумывать что-либо она точно была не в состоянии. Птёрк взял инициативу в свои руки:

— Так, времени на обдумывание нет! Быстренько, встали и пошли к детям! Только, Машенька, сделай с собой что-нибудь, ты теперь можешь! Ну, платье серебристое, звезду во лбу... Ты же женщина, что я тебя учу?!

И Маша, собрав в кулак все свое мужество, провела ладонями по лицу. Через несколько секунд на изумленных птёрка и Деда Мороза смотрела молодая девушка в красивом переливающемся кокошнике и белом платье, усыпанном блестящими снежинками.

Сергей Иванович всплеснул руками.

— Ну ничего себе! И как мне теперь тебя представлять? Жена? Просто смешно! Разве что дочка.

— Внучка, для дочки слишком молодая, — подсказал птёрк, — и имя какое-нибудь нужно придумать снежное. Пошли, будем думать по дороге!

И хотя по дороге они перебрали целую кучу вариантов от Снежаны до Снеженики, положение спасли, как всегда, дети.

Увидев всю белую и блестящую спутницу Деда Мороза, девочки застыли в восхищении, а одна подошла и сказала:

— Ты такая красивая! Как Снегурочка в сказке, даже еще красивее!

Вот так быстро, просто и решился вопрос имени.

* * *

А у Маши оказался просто талант. Пока Дед Мороз в очередной раз подписывал какие-то бумажки у директора школы, Маша быстренько сорганизовала детей, отводила с ними хороводы, и когда Сергей Иванович освободился, его в коридоре встретил дружный крик:

— Дед Мо-роз! Дед Мо-роз!

— Иду, иду! — крикнул он почти на бегу.

И войдя в зал:

— Здравствуйте, дети, здравствуй... внученька!

Как будто всегда так и было!

* * *

И ни Сергея Ивановича, ни Машу совершенно не удивило, что через неделю состоялась елка к Кремле, где кроме товарища Сталина и всевозможных членов ЦК ВКП(б) были Дед Мороз и внучка Снегурочка.

А количество записок, писем и телеграмм далеко перевалило за обозримое. Откуда они брались и куда девались, было непонятно, этим занимались специальные птёрки и охли. Они подтаскивали и утаскивали, иначе квартира была бы завалена выше потолка. Дед Мороз только успевал ворожить, Маша с трудом умудрялась просмотреть и разобрать почту. У нее у самой работы было очень много, она занималась организацией утренников. Выдохнуть удалось только днем 31 декабря, когда поток почты ослабел.

Но тут же повалил новый поток — со звездочками.

— В Петропавловске-Камчатском полночь! — загадочным голосом сообщил птёрк и выпустил красивую звездочку.

И до полночи по Москве семья Морозовых жила в центре праздничного фейерверка.

Фейерверк продолжался еще неделю, пока шли утренники, исполнялись желания, а трудолюбивые птёрки и охли таскали звездочки. Но когда последняя звездочка угасла, долетев до пола, Сергей Иванович и Маша почувствовали странное щекотание на лицах. Они разом обернулись к зеркалу...

— Ну и хорошо, — сказала Маша, — я и так была слишком молодая. А если бы еще моложе стала, меня соседки поедом съели бы. И на работе...

Сергей Иванович ничего не ответил, только погладил свою бороду, которая стала немного короче и не такой седой.

Так Морозовы узнали, что колдовство Снегурочки действует всего две недели в году.

Дальше для огромной страны СССР потянулись довольно однообразные годы. Весь народ, в едином порыве, строил светлое будущее под названием «социализм», по-прежнему свято веря, что живет в лучшей на свете стране.

«Жить стало лучше, жить стало веселее», — сказал вождь всех времен и народов Иосиф Сталин, вернув детям елку, и продолжил управлять страной.

И елки остались!

Про Деда Мороза теперь знали все. Про птёрков и охлей не знал никто, хотя работали они просто не покладая маленьких лап.

В свободное от дедморозовства время Сергей Иванович Морозов работал сразу в нескольких местах.

Он был настолько хорошим инженером, настолько знал и любил свое дело, что даже его непролетарское происхождение не портило ему жизнь. Видимо, он был очень хороший волшебник, потому что умудрился даже в эти годы не нажить себе врагов. Его звали на самые важные государственные проекты, он много ездил по командировкам, был одним из главных «трамвайных» специалистов страны.

Маша работала в школе, преподавала в начальных классах. Сначала было тяжело впихнуть свободный «снегурочкин» характер в рамки советской школы, а потом привыкла не обращать внимания. Дети ее любили, она в них души не чаяла...

После знаменательного Нового года в 1935 году, когда в Сергее Ивановиче опять проснулся Дед Мороз, он стал просто богом для своих внучатых племянников. Именно к ним в школы Дед Мороз приходил в первую очередь, а вне новогодних каникул они готовы были все выходные

проводить у дяди Сережи. Дядя Сережа опять рассказывал «про город» и «про работу», водя мальчишек по родному городу.

Война грянула неожиданно. 22 июня 1941 года. В этот день должны были проходить выпускные вечера, а вместо этого вся страна стояла и слушала радио. И не верила, не понимала, не хотела понимать...

Очень страшный 1942 Новый год

Из истории

Да, снова в России шла война. Мы не специально вас пугаем, просто такая нелегкая судьба была в этом веке у нашей страны.

Нынешняя война тоже была Мировой, но она оказалась еще более страшной и кровопролитной, чем Первая мировая. Теперь воевали не просто солдаты, а закованные в броню танки. Тысячи самолетов сбрасывали на людей страшные бомбы. Пушки стреляли на большие расстояния и большими снарядами.

Ленинграду пришлось в годы этой войны очень тяжело. Немецкие войска окружили его со всех сторон — это называется «блокада». Город был в осаде с 31 августа 1941 года по 27 января 1944-го — 879 дней.

Советская армия не могла пробиться через блокадное кольцо, Ленинград отбивался от врага из последних сил. В городе почти не осталось еды и топлива, люди замерзали на улицах, умирали от голода в своих квартирах.

Это было действительно страшное время.

Но в Ленинграде жили очень стойкие люди. Они продолжали защищать родной город даже в таких условиях. И дети старались хоть чем-нибудь помочь родителям. Например, съесть не весь малюсенький кусочек хлеба, а остаток подарить маме. А мама, наоборот, делила последний кусочек между детьми, хотя сама очень хотела есть.

Наверное, поэтому Ленинград и выстоял.

А еще, в блокадном Ленинграде люди встречали Новый год. Может быть, город выстоял и поэтому?

В начале войны Морозов опять собирался уйти на фронт. Но тут вышла неувязка — по паспорту Сергею Ивановичу было 70 лет, и призыву он не подлежал.

Поэтому Морозов решил потерять паспорт и уйти добровольцем. И он даже дошел до призывного пункта, но... увидел там своих внучатых племянников. До призывного возраста оба не дотягивали, но стояли в очереди с очень важным и взрослым видом. Андрюша, видимо, специально не брился неделю — из-под носа у него, изображая усы, торчал десяток тонких волосков.

Сергей Иванович мгновенно понял, что они собираются сделать то же, что и он, то есть подделать год рождения, и рассердился не на шутку. Выдернул обоих из очереди, оттащил в сторону.

— Вы что, с ума сошли? — зарычал он страшным басом. — Матери знают, что вы тут?

— Нет, — мальчишки испугались, но хорохорились. — А что мамы? Мамы не пустят. Они не понимают...

— И правильно не понимают! И я не понимаю!

— Но, дядя Сережа! Родину же нужно защищать! По радио говорили...

— Твоя родина — это твоя мама. Вот ее ты и должен защищать! — отрезал дядя Сережа. — На фронте без вас народу хватит, а ваша задача женщинам помогать, когда взрослые мужчины на войну уйдут. Пошли домой!

— А город? Наш город? Кто его защитит, если не мы?

Морозов даже замешкался с ответом. И приятно ему было, что внушил он племянникам любовь к родному городу, и страшно за них стало.

— Я защищу, — ответил он, — я останусь и защищу. Не волнуйтесь, я город не брошу.

Сказал и понял — вот для чего он встретил племянников у военкомата. Чтобы понять, что не должен он никуда уходить, что он, Сергей Иванович Морозов, должен остаться и защитить родной город.

* * *

Дядя Сережа не рассказал мамам мальчишек про то, что те пытались попасть на фронт. Он пришел домой, немедленно связался с родственниками из Горького и уже через три дня сажал своих родных на поезд.

Перрон был забит до отказа. Бабушки с тюками, женщины с детьми и колясками. Чемоданы, узлы, баулы... Кто-то мечется в поисках своего вагона, кто-то потерял вещи, а толпа все прибывает...

Шум и гам стоит просто невообразимый.

— Ваня, Ванечка, сыночек! Гражданин, ребенок потерялся!

— Я не хочу уезжа-а-а-ать...

Вдалеке голосит речитативом какая-то женщина. Плачет младенец. Пыхтит тепловоз. Все: и те, кто уезжает, и те, кто остается, — все пытаются сказать своим близким что-то важное. Все понимают, что могут больше и не увидаться никогда...

И вот поезд трогается. На перроне остаются почти одни мужчины, многие уже в военной форме. Некоторые плачут, и от этого как-то особенно жутко.

Сергей Иванович стоял на перроне и смотрел, как трогается поезд, смотрел на зареванное лицо Наташи, на лица племянников, которые не плакали до последнего, а теперь вытирали слезы кулаками, и понимал, что, кроме Маши, у него в этом городе никого не осталось.

И что второй раз в жизни он лишается своих родных, не зная, увидит ли он их когда-нибудь снова.

* * *

Дома его встретили Маша, птёрк и охля. Они жались друг к другу, как будто в квартире стоял страшный мороз, хотя на дворе было лето. Маша кинулась ему на шею.

— Я так боялась, что ты все-таки уйдешь на фронт, — сказала Маша и заплакала от облегчения.

— А ты мудреешь, Дед Мороз, — сказала охля.

А птёрк, на правах мужчины, просто похлопал Сергея Ивановича своей лапкой по руке...

А потом настала первая блокадная зима. Было холодно, и очень хотелось есть.

Но Сергей Иванович старался об этом не думать, а сосредоточился на

очередной записке. Он крепко сжал ее, зажмурил глаза, даже замычал от усердия — но потом отбросил в сторону и беззвучно выругался. Маша вздрогнула. До этой страшной зимы ее муж не ругался. Даже беззвучно. Она подошла и ласково обняла Сергея Ивановича:

— Не получается?

— Получается!!! Но не все! Тут написано, — Морозов сунул записку так близко под нос жене, что та не могла прочитать, — «Хочу маленький кусочек сахара»! Я стараюсь, стараюсь...

Морозов раздраженно махнул рукой.

— Ты не можешь наколдовать маленький кусочек сахара? — встревожилась Маша.

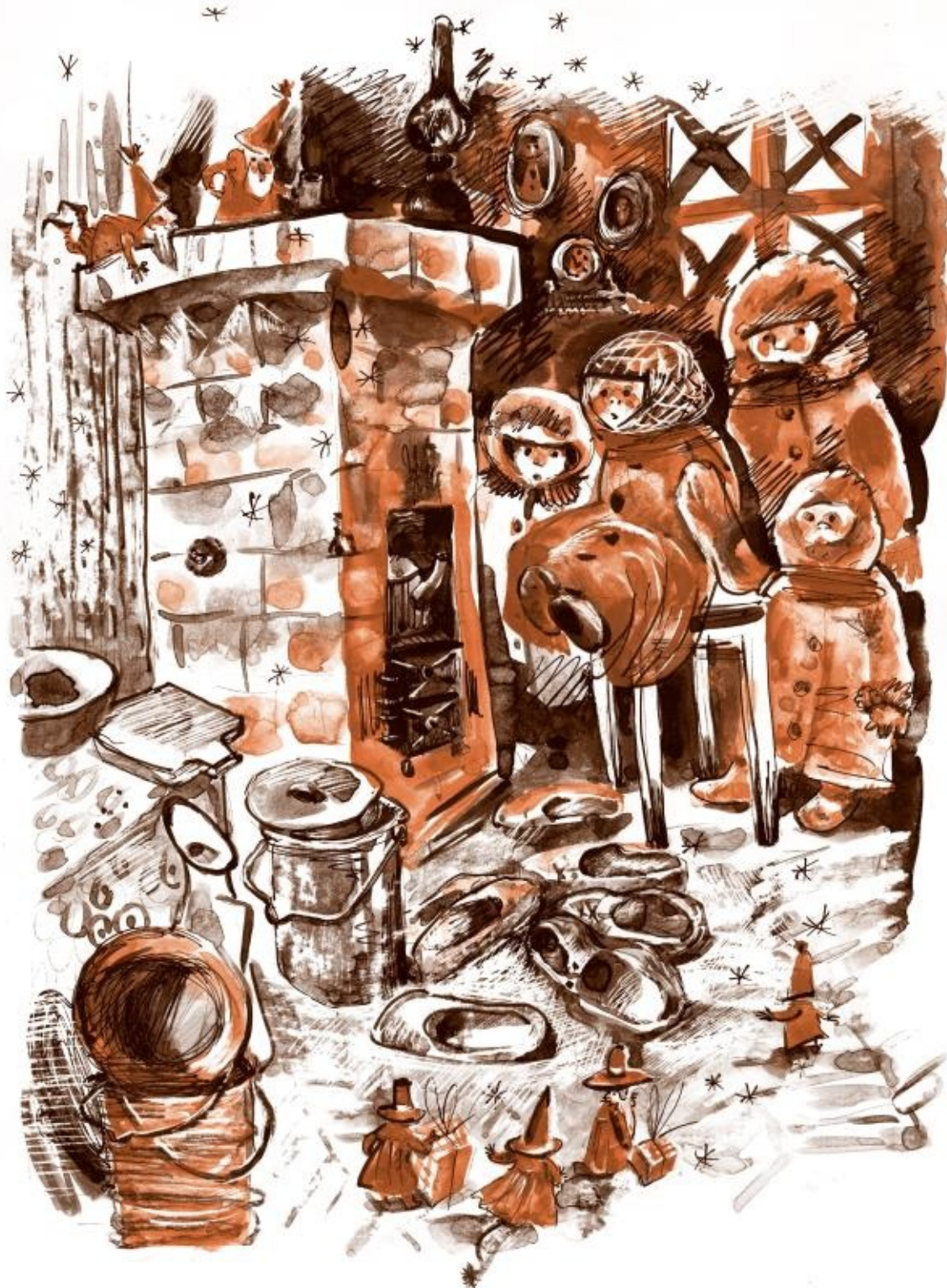
— Могу! Но только один! И маленький! Понимаешь? Хочу большой наколдовать, или много, а получается все равно один и маленький!

Маша обняла мужа покрепче:

— Не переживай. Ты просто волшебник. Ты не можешь сделать больше, чем просят. Но ты можешь наколдовать такой сладкий-сладкий кусочек, чтобы этому ребенку надолго хватило воспоминаний.

Морозов посопел, успокоился и снова сосредоточился на записке.

Когда выдавалось свободное время, Дед Мороз надевал тулуп, брал посох и шел бродить по городу. К счастью, холода Морозов не боялся и мог ходить по улицам даже в лютые морозы. Он ночами дежурил на крышах (гасил вместе со всеми фугасные бомбы), он помогал по хозяйству многим

соседям и просто незнакомым людям.

Но главное — он ловил желания. Редко — желания взрослых, они уже совсем разучились верить в чудо, а если и желали, то «чтобы враг не прошел в город» или «чтобы бомба не попала в родной дом». Да и то никто не говорил об этом вслух, Морозову приходилось разбираться с неясными образами, которые вспыхивали у людей в головах.

Дети же просили так мало, что хотелось плакать: горбушку хлеба, конфету, стакан воды с сиропом.

В Первую мировую войну Морозову казалось, что он никогда не сможет смириться с желаниями о том, чтобы папа или мама были живыми. Сейчас он тоже не смирился. Но, как бы страшно это ни звучало, — он привык.

Он знал, что его возможности ограничены, но знал и то, что может очень много сделать... Жаль только, что исполнять желания он способен только в преддверье Нового года.

Морозов приходил домой вечером, Маша отпаивала его имитацией супа с крошечным кусочком блокадного хлеба. Иногда он приходил счастливый, если знал, что сможет выполнить желание и это спасет кому-то жизнь. Иногда — молча плакал.

Маша гладила его по руке.

Маша редко выходила из дома, она стала очень слабой от недоедания и боялась, что на улице ей станет плохо. Зато она договорилась с соседками и устроила в квартире мини детский сад. Сначала она забирала на день троих детей, потом их стало пятеро. Утром ей приводили закутанных ребят, а мамы уходили стоять в очередях в надежде отovarить продуктовые карточки.

Незаметно они все стали одной семьей. Постепенно детей перестали забирать домой, а наоборот, мамы оставались ночевать у Морозовых. Вместе было не так страшно. Вместе было не так холодно.

Обогреть одну комнату оказалось легче, чем несколько квартир. Топили буржуйку, постоянно грели воду. Невиданная роскошь — целый день горячая вода, которую можно дать попить детям.

Крошечный паек делили на всех. Если одной маме удавалось достать хоть немного крупы, а другой — кусочек мяса, то на всех детей можно было сварить суп. Он был совсем жидкий, но восхитительно пах. И если закрыть глаза, то можно было представить, что ешь настоящий наваристый бульон. А к этому супу еще полагался крошечный кусочек хлеба. Пусть наполовину из примесей, но это был хлеб. Его можно было держать в руке и откусывать потихоньку.

Дети научились ценить еду. Они ели медленно, смакуя каждый глоточек, каждый кусочек, каждую ложечку. Они не плакали, не просили еще. Доедали и молча отдавали пустые тарелки. Но глаза! Эти голодные детские глаза были страшнее, чем любая бомбежка.

В это Рождество Маша не превращала мужа в старика, а себя — в девочку. Не до того ей было, да и не хотелось смущать своих новых друзей-соседей.

День 31 декабря был очень холодным. Морозовы слушали по радио стихи Ольги Бергольц. И Дед Мороз думал о том, что сейчас слово «патриотизм» совершенно не режет ухо, хоть на дворе и Новый год.

Из радио доносился напряженный, как нерв, голос поэтессы:

«В еще не виданном уборе
завьюженный огромный дот —
так Ленинград — гвардеец-город —
встречает этот Новый год...»

Маша прижалась к мужу, а Сергей Иванович ласково гладил ее по волосам в такт ритму стихотворения.

«С безмерным мужеством и страстью
ведущие неравный бой,
мы знаем, что такое счастье,
что значит верность и любовь».

«Мы знаем, — повторила про себя Маша, — что значит верность и любовь». И прижалась к Сергею еще крепче.

«Так выше головы и чаши
с глотком вина — мы пьем его
за человеческое наше
незыблемое торжество!»

Поэтесса говорила и дальше, что-то про Армию, про власть Советов... Но Морозовы уже услышали самое главное. Они сидели обнявшись, обхватив друг друга руками и дарили друг другу свое тепло.

Точно так же в сотнях других ленинградских квартир сидели многие люди, согревая друг друга, не давая друг другу замерзнуть, ослабеть, потерять веру в чудо. И все они верили в чудо — иначе невозможно выжить в голодном городе, со всех сторон окруженном врагами...

И вечером, накануне новогодней ночи, в квартире Морозовых начались чудеса.

Возвращались из города мамы с полностью отоваренными карточками! Отличное американское мясо, крупа, вермишель, печенье! Женщины плакали, разглядывая это изобилие. Делили на несколько дней.

Маша накрывала на стол. Достала скатерть, красивые бокалы. Полезла на антресоли за новогодними игрушками и в одной из коробок нашла... коробку конфет. Бог его знает на какой Новый год про них забыли и как они попали на антресоли, но сейчас это было просто необыкновенное, невозможное, самое расчудесное на свете чудо!

Дети ждали праздника смирно. Тихо сидели возле печки, тихонько читали, рисовали, иногда засыпали. У Маши каждый раз сжималось сердце, когда она смотрела на них. Их сверстники в мирное время резвились и прыгали бы без перерыва, а у этих детей не было сил на шумные игры.

За стол сели в одиннадцать вечера. О, что это был за стол! Восхитительный суп, почти настоящий, на второе детям мясо, а взрослым просто по целой порции вермишели! Целая тарелка! Потом чай с печеньем. И напоследок Машина коробка конфет. Маша принесла ее в комнату, как драгоценную вазу, которая может разбиться. Принесла и поставила на стол, думая, что сейчас раздастся дружный детский визг...

А дети не кричали. Они со слезами на глазах смотрели на коробку, они гладили ее, рассматривали, обнимали. Потом, когда взяли по одной конфетке, смаковали их, облизывали, растягивали удовольствие.

В комнате было почти тепло, все раздумялись, даже сняли теплую верхнюю одежду. И дети ожили!

На несколько часов они снова стали детьми. Маша взялась играть с ними во всякие игры. Они водили хоровод, они смеялись, они даже попытались играть в прятки! Но быстро устали, залезли под теплые одеяла и заснули.

Заснули и их родители.

Только Морозовы тихонько сидели возле печки, поддерживая огонь.

— Знаешь, что самое страшное? — спросил Сергей Иванович у Маши после долгой паузы.

И сам ответил:

— Я пытался поймать детские желания. А они ничего не хотят.

— Как это? — испугалась Маша.

— Они хотят, чтобы было тепло и не хотелось есть. Сегодня они легли спать абсолютно счастливыми, им нечего больше хотеть. Маш, они не мечтают об игрушках, им даже в голову не приходит захотеть что-нибудь кроме еды...

— А мамы?

— Мамы... Мамы просят, чтоб дети были сыты и живы. Больше им ничего не нужно. О себе они забывают... Мне даже нечего наколдовать под елочку.

— Привет, Дед Мороз!

На коленях у Сергея Ивановича возник птёрк.

— Привет, Снегурочка!

На руки Маше спрыгнула охля.

— Идите спать, мы подежурим, — сказал птёрк.

— Как?

— А вот как!

И птёрк выпустил звездочку прямо в буржуйку. Пламя разгорелось жарче, показалось — в комнате стало ощутимо теплее.

Маша осмотрела комнату. Маленькие охли сустились в комнате, укрывали детей, затыкали дыры в оконной раме, потихоньку штопали детскую одежду.

— Идите спать, — еще раз сказала охля, — сегодня вы под самой надежной в мире защитой. Сегодня вам будет тепло и сытно.

— А завтра? — спросила Маша.

— Завтра? — вздохнула охля, — завтра будет новый день. Но за сегодняшнюю ночь вы выспитесь и согреетесь.

...Звездочек в новогоднюю ночь было гораздо меньше, чем в довоенные годы. И выпускали их птёрки и охли тихонько, чтобы не разбудить спящих людей.

После Нового года Сергей Иванович принялся за работу. Он знал, что Ленинград выстоит. Знал, потому что сам исполнял это желание сотен людей. Он столько раз мысленно видел, как кольцо блокады разжимается, как продукты привозят в изголодавшийся город! Видел даже грандиозный салют в честь победы во всей войне... Он точно знал, что это будет, только не знал когда.

И он понял, что должен поддерживать у людей веру в победу. Тогда они все выдержат.

И уже не Дед Мороз, а Сергей Иванович Морозов работал, работал и работал.

15 апреля 1942 года в блокадном Ленинграде был пущен трамвай. Чего это стоило в условиях голода, холода и постоянных обстрелов, знают только те, кто это сделал. Не для себя, а для того, чтобы люди помнили: город, их город, жив. И никому и никогда его не сломить!

Когда по городу пошел трамвай, люди смотрели на него и плакали от счастья. Плакал и Сергей Иванович, плакала Маша, ревела сидевшая у Маши на плече охля.

Вообще-то птёрки и охли не приходили к Морозовым в обычное время, кроме как в Рождество или на Новый год, но в этом году появлялись частенько. Чувствовали, что их Деду Морозу очень нужна моральная поддержка.

— Слышь, Дед Мороз, что я тебе расскажу, — охля аж подпрыгивала от нетерпения, — я сегодня специально к врагам сбегала, у них там паника. Они сначала думали, что русские какое-то новое секретное оружие испытывают, блики какие-то непонятные по городу бегают! А потом, когда поняли, что вы трамвай пустили, чуть с катушек не съехали. Один ефрейтор даже плакал: «Мы тут мерзнем, у нас люди гибнут, а они на седьмом месяце блокады пускают трамвай! О какой победе может идти речь, о какой гибели этого города, если они трамвай пустили?»

— Спасибо, — Сергей Иванович аккуратненько погладил охлю по спинке, — не ходи туда больше, они злые.

— Нет, — охля пожала плечиком, — они несчастные. Им холодно, им все надоело, они домой хотят. Не они эту войну начали. А те, кто начал, в

окопах не мерзнут...

Второй блокадный Новый год был полегче. Не такие сильные морозы, не такие крошечные пайки по карточкам. До того, чтобы наесться досыта было еще очень далеко, но и по-настоящему голодать люди перестали.

Машин детский сад потихоньку разбрелся. Одной семье удалось эвакуироваться, другие переехали к родственникам. Еще две семьи вернулись жить к себе домой и теперь только забежали в гости.

Так что для Деда Мороза и Снегурочки это был уже почти обычный рабочий Новый год.

Город жил. Люди ходили на работу, дети учились в школах и ходили в

садики. Просто школы и садики были расположены в бомбоубежищах. Но к этому привыкли.

В бомбоубежищах стояли елки. Самые настоящие. Игрушек, конечно, было очень мало, но тут пригодилось умение Сергея Ивановича и Маши делать их своими руками. Из проволоки, из бинтов, из бумаги, из всего, что только можно себе представить, они мастерили шарики, зверей и даже кукол. Маша так вообще открыла целые курсы по производству елочных украшений. Ее ученицы делали такую красоту, что просто глаз не отвести.

— Храните их, девочки, — просила Маша, — храните эти игрушки! Война кончится, и вы будете сидеть на большой светлой кухне и рассказывать своим внукам о том, как когда-то в бомбоубежище клеили непонятно из чего такую красоту.

Девочки смеялись и шили.

Пока образ большой светлой кухни у них в головках не вырисовывался. Уже почти полтора года дети жили в блокадном городе. Они привыкли к обстрелам, привыкли к нехватке еды. Сидеть в бомбоубежище стало обычным делом. Уже никто не плакал и не боялся. Веселились, в мячик играли. Уроки учили, читали книжки.

А были двухлетние, трехлетние детки, которые вообще другой жизни не помнили. Придя на очередной утренник еще до его начала, Дед Мороз наткнулся на такую малышку. Она стояла в коридоре и смотрела на незнакомого дедушку огромными карими глазами.

— Ты кто? — спросила девочка.

— Я Дед Мороз. А тебя как зовут?

— Вела.

— Верочка, — улыбнулся Морозов, — иди ко мне на ручки. Давай, загадывай желание, что хочешь — все исполню!

Верочка послушно залезла на ручки, и в голове у Деда Мороза вспыхнуло солнышко.

К Деду Морозу тихонько подошла Снегурочка. И испугалась, увидев на глазах у мужа слезы.

— Верочка, у тебя будет в жизни много-много солнышка. Война закончится, и вы с мамой и папой будете каждый год ездить отдыхать к морю. А там все время солнце, представляешь?

— Нет, — честно ответила Верочка, — а еще конфету, можно? И не плачь, пазя-я-ялуста...

Верочка убежала, а Дед Мороз устало прислонился к стене.

— Я думала, у нее погиб кто-то из родных, — подала голос Маша.

— Нет, слава Богу, — устало ответил Дед Мороз, — ужасно, но к

этому я готов. Я уже знаю, как себя вести, я уже научился не плакать. А вот такие мелочи... Казалось бы, мелочи... Она выросла в бомбоубежище. Она почти ничего не знает, кроме этих унылых стен, будь они неладны! Мелкими перебежками по улицам, летом во дворе между сигналами воздушной тревоги немного поиграть... Она ни разу в жизни не была за городом, в речке не купалась... Маш, кто за это ответит? Маш, что я должен сделать, чтобы это не повторилось никогда?

— Исполнять желания. Пока живы люди, которые помнят эту войну, их самым горячим желанием будет, чтобы это не повторилось.

— А потом? Через пятьдесят, через семьдесят лет?

— Наверное, сделать так, чтобы не забылось. Чтобы фильмы снимали, книжки писали, чтобы музеи специальные были и в школе дети проходили. Чтоб ни одному нормальному человеку никогда не пришло в голову начать еще одну войну.

* * *

Новогодние утренники проходили почти так же, как довоенные. С песнями, хороводами и финальным поиском подарков под елочкой.

Только подарки были, в основном, из лакомств. Да и реагировали дети на них гораздо эмоциональнее.

— Посмотри, — шептала Снегурочка Деду Морозу, — посмотри на вон ту девочку!

Девочка вытащила из-под елки мешочек с карамельками и теперь угощала ими всех своих друзей.

— Она и просила конфеты для всех.

— Добрая душа. А вон мальчик плачет!

Дед Мороз обернулся и пошел к ревущему мальчику.

— Я просил настоящий! А он игрушечный... — десятилетний мальчик вытирал слезы и показывал на пистолет, который достал из-под елки.

— А зачем тебе настоящий?

— Я пойду на фронт и всех немцев убью!

— Зачем?

— Они моего батю убили, а я их убью!

— Понятно... — Дед Мороз понял, что разговор предстоит нелегкий, и присел рядом с мальчиком.

— Как тебя зовут?

— Дима, — мальчик шмыгнул носом.

— Дима, а ты хочешь, чтобы война поскорее кончилась?

— Хочу.

— А что ты будешь делать, когда кончится война?

Дима замешкался с ответом. Было похоже, что он об этом не думал.

— Я поеду и убью всех немцев!

— Так война же уже закончится!

— Ну и что?

— А то, что начнешь новую войну. И опять все будут убивать друг друга.

Дима насупился и задумался.

— И что делать? — спросил он через пару минут.

— Давай я пожму тебе руку, а ты загадай желание. Загадай, кем ты хочешь стать, когда вырастешь. Ты знаешь, кем хочешь стать?

Дима задумался, но в этот раз совсем ненадолго.

Уже через пару секунд его лицо просветлело.

— Знаю. Как батя, врачом.

Дед Мороз пожал руку Диме и мысленно увидел молодое, улыбающееся лицо мужчины в белом халате.

— Это твой отец? — спросил Сергей Иванович.

Дима не удивился, он только кивнул.

— Ты будешь очень похож на него, я тебе обещаю. Ты вырастешь таким же смелым и добрым. И ты будешь замечательным врачом. Все будут говорить тебе, что отец бы тобой гордился.

— Правда? — Дима не отнимал руку, и было видно, что он отчаянно хочет в это поверить.

— Дед Мороз никогда не врет.

— Тогда спасибо, тогда... — Дима повертел в руках пистолет, — тогда пистолет мне не нужен.

— Может быть, тебе теперь нужно вот это?

И Дед Мороз достал из-под елки стетоскоп.

— Настоящий? — с надеждой спросил Дима.

— Да, самый настоящий.

— Ух ты! — Дима немедленно повесил стетоскоп себе на шею, — А пистолет я Кольке подарю. Он еще маленький, пусть поиграет.

Накануне праздника Дед Мороз и Снегурочка постарались обойти не только школы, но и больницы. К сожалению, теперь в городе появилось очень много раненых детей.

— Немцы там совсем озверели, — рассказывала Морозовым охля-разведчица.

Она только что в очередной раз вернулась из стана врага.

— Им уже понятно, что Ленинград не взять, так они его разбомбить решили. И пуляют, и пуляют...

— За что ж они нас так ненавидят? — спросила Маша.

— Уже не ненавидят, уже боятся, — ответила охля, — восхищаются и боятся. Понимают, что проиграли и стараются насолить напоследок. Но это они от страха. Потому что мы уже выиграли! Правда, Дед Мороз?

— Правда, правда, охлюшка.

И охля гордо встрепенулась. Маленькая защитница большого города.

Сразу после этого Нового 1943 года, в январе, Красная Армия прорвала блокаду. Исполнилось самое заветное желание горожан. Птёрки и охли устроили по этому поводу такой тарарам, какого даже Морозовы от них не ожидали. Засыпали их звездами, да какими! Каждая величиной с кулак! И горели эти звезды гораздо дольше обычных, и сияли ярче, и переливались всеми цветами радуги!

* * *

А почти ровно через год, в январе 1944 года, осада была снята полностью. Говорят, что вслед за улепетывающими немцами бежали птёрки и охли. Они строили немцам страшные рожи, кидались в них яркими непонятными снарядами, что-то кричали. Но немцы были очень напуганы, может, им это и привиделось?..

* * *

И вслед за снятием блокады городу позволили вернуть себе многие исторические названия. В январе на карте Ленинграда опять появились Невский проспект, Литейный проспект, Дворцовая набережная, Исаакиевская площадь, Садовая улица, Марсово поле...

Видимо, даже большевики поняли, что этому городу нельзя скрываться за безликими проспектами 25-го октября и площадями революции. Этот город особенный, и другого такого нет, в нем живут особенные люди, люди-герои, люди победители.

— Я же обещал, что Невский всегда будет Невским, — радовался Сергей Иванович.

— Ура! — кричали птёрки и охли.

Через 50 лет после первого волшебного Нового года, год 1962

Из истории

Все! Настало мирное время! Честное слово, больше до конца книги войн не будет!

XX век перевалил за середину. Люди стали жить гораздо лучше, чем пятьдесят лет назад. Почти всюду провели электричество, телефоны стали привычными (хотя о мобильных телефонах тогда никто и слыхом не слыхивал). Если раньше автомобилей было мало, а самоваров много, то теперь — наоборот. Теперь можно было купить автомобиль для себя и пользоваться им по своему усмотрению. Стали появляться первые телевизоры. Первый человек полетел в космос. Люди потихоньку начали забывать, что такое война и голод.

На новогоднюю елку больше никто не покушался. Она стала чуть ли не главной традицией в каждой семье Советского Союза. Теперь уже никто и не помнил, что елка когда-то называлась рождественской.

И к Деду Морозу со Снегурочкой так привыкли, что стали

считать, что эти персонажи были всегда.
И всегда будут.

— Ну, что, — сказал Сергей Иванович, — пора?

— Наверное, рано? — робко ответила Маша.

Честно говоря, можно было пока не торопиться. До Нового года оставалось целых десять дней, но Маша с самого утра маялась: то к зеркалу подойдет, на себя посмотрит, то календарь в сотый раз проверит. Сергей Иванович видел, что жене очень хочется побыстрее превратиться в Снегурочку, поэтому твердо сказал:

— Ничего не рано! Сейчас записки как повалят — только успевай разгребать! А нам еще на утренники надо успеть.

Маша не стала больше спорить с мужем, а главное — с собой. Она быстренько повернулась к зеркалу. Задержала дыхание (Морозов вдруг понял, что тоже перестал дышать), провела руками по лицу... и ничего не случилось.

Из зеркала на нее по-прежнему смотрела подтянутая женщина, на вид не больше тридцати пяти лет, со смеющимися глазами — но вовсе не Снегурочка, как должно было случиться по волшебству. И платье без звездочек. И кокошник не появился на ее голове.

Маша растерянно поморгала, провела руками еще раз.

И еще раз.

Никакого результата.

Она повернулась к Сергею Ивановичу и попробовала придать ему вид Деда Мороза. Не получилось и этого. Морозов так и остался крепким мужчиной с аккуратно постриженной бородой. Так он выглядел последние пятьдесят лет.

У Маши задрожала нижняя губа, она села на кровать и приготовилась расплакаться.

— Это еще что? — Сергей Иванович постарался остаться шутливо-грозным. — Подумаешь, внешность! Сейчас такая косметика, что...

Жена все-таки разрыдалась прямо в его плечо. Морозов обнял ее, мягко и сильно, как умел только он и только ее.

— Ничего-ничего-ничего, — шептал он на ушко, — мы и так замечательно все сделаем. Я все равно Дед Мороз, ну и что, что борода короткая? А ты все равно девочка, найдем тебе платье со снежинками...

— При чем тут платье? — Маша оторвалась от мужниного плеча. — Я ведь не просто внешность меняла! Я же по-настоящему Снегурочкой становилась. Понимаешь?

Сергей Иванович молча поцеловал жену в мокрые глаза, сначала в левый, потом в правый. Он понимал. Он и сам под влиянием чародейства жены не просто бороду отращивал, а становился еще старше и мудрее.

— Вот что! — сказал он. — Давай-ка делом займемся. Сейчас птёрки с охлями как начнут письма таскать, а у нас и сложить некуда.

Маша еще раз шмыгнула носом и покорно стала разгребать завалы на письменном столе. Каждый год именно сюда приносили первые записки с просьбами Деду Морозу. Сначала бумажками покрывался стол, потом — кровать, а к Новому году вся квартира Морозовых была уложена рядами писем, записок, рисунков и даже телеграмм, которые поступали из всех уголков страны. Между ними, как полярники среди торосов, суетились сотни птёрков и охлей. Правда, пока не было ни одного, что тоже казалось странным.

— Где эти бездельники? — притворно возмутился Сергей Иванович. — Мы так до курантов ничего не успеем!

Тут Маша должна была сказать, что ничего, мол, успеем. Каждый год успеваем, а птёрки и охли не бездельники, а очень милые и работающие. Но Маша молча продолжила уборку.

Наверно, поэтому птёрки и охли сами вступились за свою честь.

— Вообще-то, — сказала охля, выбираясь из-под кровати, — мы не бездельники, а очень милые и работающие.

— А что хулиганим иногда, так только в нерабочее время, — добавил птёрк, спускаясь со шкафа на манер заправского альпиниста.

У Сергея Ивановича немного отлегло от сердца, и он продолжил свою роль строгого, но справедливого Деда Мороза.

— Не бездельники? А где тогда мои письма?

Птёрк и охля переглянулись и синхронно вздохнули.

— Да, — сказала Маша, — и у меня с руками что-то... Волшебство не получается.

На сей раз птёрк и охля сначала вздохнули, а уж потом переглянулись.

— Что вы там сопите? — Морозов почувствовал, что начинает не на шутку злиться на своих помощников. — Толком скажите, что происходит.

— Что происходит, что происходит... — пробурчал птёрк. — Записки ему подавай...

— Подавай, конечно! — потребовал Сергей Иванович. — Как без записок желания выполнять? Я же каждого ребенка за руку потрогать не могу!

— На тебе записку, — охля неизвестно из какого кармана вытащила свернутую в трубочку бумажку и протянула Морозову.

Тот выхватил бумажку из охлиной лапки, бегло прочитал: «Плюшивый зайц», сжал записку в руке — и растерянно заморгал, как пять минут назад моргала Маша.

— Маша! — потрясенно сказал он. — Я ничего не чувствую. Совсем.
Он для верности зажмурился. Но увидел только круги перед глазами.
Наверное, слишком крепко сомкнул веки.

— Так, — Сергей Иванович открыл глаза и очень строго посмотрел на птёрка и охлю, что это еще за фокусы?

— Никаких фокусов, — ответил птёрк. — Раньше были, а теперь — все.

— Вообще-то, — охля дернула птёрка за хвост, — мы не имеем права им говорить...

— Вообще-то мы им показываться не имеем права!

— Имеем!

— Нельзя, чтобы нас видели обычные люди!

— Он не обычный, он нас придумал!

— А Маша что, тоже нас придумала?!

— Вот я и говорю: нельзя им говорить...

Морозов замотал головой. Он так и не привык к манере птёрков и охлей быстро и бестолково спорить между собой.

— Стоп! — сказал он. — Не хотите показываться обычным людям — не надо. Но своему родному Деду Морозу можете объяснить, что к чему?

— Так это... — птёрк зашаркал лапкой, — ты ведь больше не...

— ... не Дед Мороз? — удивился Морозов.

Птёрк и охля грустно закивали.

— Но как? И почему? Я был плохим Дедом Морозом?!

— Нет-нет! — охля торжественно сложила лапки. — Ты был самый-самый хороший Дед Мороз!

— Ну да, — сказал птёрк, — другого-то не было.

— А если бы и был, он все равно был бы лучшим!

Морозов понял, что сейчас опять начнется перепалка, и прикрикнул:

— Тихо! Вы можете толком рассказать, что случилось?

— Не можем, — признался птёрк. — Не имеем права. Ты больше не Дед Мороз, значит, и нас больше нет.

И птёрк с охлей, взявшись за руки, начали торжественно таять в воздухе.

— Куда! — испугалась Маша. — Не пропадайте!

— С юбилеем, — вдруг крикнула почти прозрачная охля. — Вспомните, когда и как...

И тут они исчезли совсем.

Маша сидела в углу кухни и испуганно смотрела на мужа. Тот впервые в жизни купил бутылку водки и даже открыл ее. Правда, наливать пока не стал, но она чувствовала, что вот-вот дойдет до этого.

— Почему? — повторял Морозов, меряя шагами кухню. — Ну почему? Мы же так старались! А про детей они подумали?

— Кто «они»?

— Не знаю! Те, кто нас сначала сделал Дедом Морозом и Снегурочкой, а потом — раз, и нету!

— Погоди, — Маша потерла лоб, — тут что-то не то... Помнишь, охля нас с юбилеем поздравила?

Сергей Иванович кивнул. Формально у супругов Морозовых действительно через несколько дней намечался юбилей — пятьдесят лет каждому. Когда после снятия блокады Морозовы начали наводить порядок в документах, то единогласно решили «потерять» паспорта. Уж слишком неправдоподобно смотрелись даты рождения — 1872 у Сергея Ивановича и 1875 у Маши. В паспортном столе они сказали, что родились в один день, 25 декабря 1912 года.

— А ты помнишь, почему мы двенадцатый год записали? — спросила Маша.

— Тогда все началось, — вздохнул Сергей Иванович. — Под Рождество. Ты думаешь, нам дали только пятьдесят лет? Но этого же мало!..

— Погоди! Охля еще сказала: «Вспомните, как!» Ты помнишь, как это все было?

Морозов наморщил лоб:

— Конечно. Мы пошли гулять... в переулок... Там было красиво... Метель...

— Не просто метель! Там была разноцветная вьюга! Мы в нее попали — и...

Сергей Иванович секунду смотрел на жену, потом сгреб ее в охапку и начал кружить по комнате:

— Умница моя! Снегурочка моя любимая! Ай, умница!

Маша только хохотала и болтала ногами. Потом вдруг Морозов перестал хулиганить и заторопился:

— Давай скорее одеваться! Пойдем туда, прямо сейчас!

Морозов так спешил, что чуть не выскочил из дому в тапочках. Хорошо, что Маша была более внимательной, и вернула мужа одеться. Но все равно супруги собрались в рекордно короткое время.

Посмотреть на них со стороны — ничего особенного. Ну бегут по улице два человека, одеты вполне прилично, в пальто. Маша в красивой белой вязаной шапочке, воротник меховой под солнцем лоснится. Морозов тоже в пальто, в добротном, драповом. Как и положено советскому инженеру.

Ну бегут, спешат наверное, мало ли может быть дел у людей?

От дома № 10 по улице Чайковского, где до сих пор жили Морозовы, до бывшего Косого переулка (а ныне переулка Оружейника Федорова) минут пять, даже неторопливым шагом. Морозовы уложились в три.

Прибежали, огляделись, отдышались и начали осматриваться.

— Маш, и что мы теперь должны сделать?

— Не знаю. Давай пока просто погуляем.

Маша взяла мужа под руку, и они отправились к Фонтанке. Через пару минут сказала:

— Я думаю, мы рано пришли. Помнишь, тогда было уже темно? Мы шли... А откуда мы шли?

— Я на работу шел, мы прогуляться вышли. Только светло тогда было, просто снегопад был страшный. Так мелко, что домов было не видно. А сейчас небо ясное.

Морозов поднял глаза и охнул от удивления. На город напознала огромная снежная туча. Маша прижалась к нему и восторженно зашептала:

— Все сходится! Уже скоро! Давай ходить туда-сюда по переулку, скоро начнется.

И Маша энергично понеслась к началу улицы, говоря без передышки:

— А помнишь, какой это был дорогой район? Какие выезды стояли, тут же даже извозчик был редкостью. И сейчас тихо совсем, машины не ездят. Ой, снег пошел... Столько народу тут живет, а на улице никого. Помнишь, как в тот раз — тоже никого не было. Только тогда мороз был сильный, сейчас не такой. Снегопад усиливается... Сергей, я боюсь... А вдруг не получится? Ой, что я такое говорю, обязательно получится! А помнишь... Слышишь, музыка!

— Кто-то радио включил...

— Нет, это не радио! Это та же музыка, Сергей! Это те же колокольчики! Слышишь? Раз, два, три, раз два, три...

Маша танцевала в переулке, метель усиливалась, снег кружился, обволакивал все вокруг, звенел тысячью колокольчиков. И вдруг вспыхнул разноцветными искрами, затанцевал, заискрился. Маша кинулась на шею к мужу, обняла его так, что Морозов почувствовал — все щеки у его жены мокрые от слез.

— Получилось, — шептала она ему на ухо, — получилось...

Сергей Иванович тоже чувствовал, что получилось. В душе заплясали разноцветные снежинки, привычно зачесались руки, и еще что-то неуловимое зашевелилось внутри. Но после сегодняшнего потрясения он боялся — как бы снова чего не вышло.

Однако, как только Морозовы переступили порог своей квартиры, сразу поняли — все вернулось! По крайней мере, вернулись сотни птёрков и охлей, которые гоняли по столу опрокинутую бутылку водки, словно большой цилиндрический футбольный мяч. Содержимое ее уже разлилось

лужицей по столу. Штук десять охлей, схватившись за тряпку, возили ее туда-сюда, растирая водку.

— Привет, хозяева! — заорал один из «футболистов». — Это вы правильно придумали — спиртиком стол протереть! Дезинфекция и стерилизация!

— Вообще-то, — сдерживая смех, сказал Сергей Иванович, — это не мы, это вы придумали.

— Да? — удивился птёрк. — Вона какие мы умные. А мы смотрим: бутылка уже открыта, осталось только протереть стол.

— Неправда! — на батарее сидела охля и болтала лапками. — Они ее выбросить хотели и уронили, а нам теперь убирай — несправедливо, правда, Маша?

После уборки последствий уборки Сергей Иванович сел разбирать записки. Ощущения были странные. Вроде бы и привычная за пятьдесят лет работа, а все равно как-то по-новому. Как будто долго смотрел на улицу через стекло, потом протер его от пыли — и сразу все стало ярче и веселее.

— Не спим! Не спим! — послышался голос птёрка, и Морозов понял, что уже несколько минут сидит и молча прислушивается к своим ощущениям.

Он сосредоточился на записках.

* * *

После того, как полгода назад Гагарин полетел в космос, почти все мальчишки просили сделать их космонавтами. Тут Сергей Иванович им ничем помочь не мог — он знал, что столько космонавтов просто не нужно, будут потом без работы маяться. К счастью, «стать космонавтом» было первой, но не единственной просьбой.

Некоторые великодушно предоставляли выбор Деду Морозу: «Или

космонавтом, или игрушечный луноход, или чтобы папу сделали директором». В таких случаях Сергей Иванович выбирал луноход, подозревая, что если папу сделают директором, что сына он будет видеть гораздо реже — значит и подарок получится неудачным.

Другие требовали все и сразу: билеты на все фильмы, большой телевизор (но чтобы занимал мало места!) и набор солдатиков в коробке. «Солдатики в коробке! — улыбался Морозов. — Вечная мечта всех мальчишек. А вот большой телевизор... да чтобы он еще мало места занимал... Нет, это я не смогу!»

Маша, как могла, помогала, но больше бегала к зеркалу. Там она в очередной раз проводила руками по лицу, рассматривала отражение и спрашивала у мужа:

— А так лучше?

Сергей Иванович поворачивался к ней и честно признавался:

— Очень хорошо... а что изменилось?

— То есть как что? Раньше платье было голубоватое, а теперь белое с голубизной!

* * *

На этот Новый год Морозовы были хороши как никогда. Сергей Иванович с Машей были лучшими в мире Дедом Морозом и Снегурочкой. Они водили такие хороводы и устраивали такие конкурсы, что в конце утренника дети не хотели их отпускать, держали за шубы и кричали: «Еще! Еще!». Но Дед Мороз строго говорил: «Нет, дети, мне надо идти — других ребят поздравлять».

С трудом вырвавшись из цепких детских рук, Морозовы выскакивали из зала и Сергей Иванович спрашивал:

— Следующий где?

Маша смотрела в список и называла номер школы или детского сада, куда надо было опростелить мчаться.

Дело в том, что на новогодних каникулах Дед Мороз подрабатывал... Дедом Морозом. Так он не сталкивался нос к носу с другими, ненастоящими Дедами Морозами. График Морозов себе составлял такой, что между школами приходилось передвигаться резвым бегом, а то и на такси.

Но зато на утренниках Сергей Иванович никуда не спешил, старался погладить по голове каждого — а как только гладил, сразу понимал, какое желание надо исполнять.

— Будет тебе в этом году велосипед! — говорил Дед Мороз, дарил конфету и поворачивался к следующему, чтобы погладить его и сказать: — А ты обязательно вырастешь и будешь самым высоким в классе.

В новогоднюю ночь Морозовы сидели у елочки в ярко освещенной квартире. Все лампы были погашены, но все равно было весело и светло от миллионов цветных искорок, которые непрерывно сыпались на Деда Мороза и Снегурочку. Птёрки и охли крутились вокруг веселой каруселью, салютовали Морозовым и куда-то пропадали, чтобы уступить место другим птёркам и охлям.

А Дед Мороз и Снегурочка сидели за праздничным столом, жмурились, когда фейерверк из звездочек становился уж слишком ярким, — и радовались, что догадались снова пройти по Косому переулку.

Пятьдесят лет подряд

Из истории

Самое главное, что случилось за эти 50 лет, — страна под названием СССР перестала существовать. В 1991 году она распалась на 15 независимых государств. Теперь в России и других «осколках» Советского Союза руководить стали не царь и не Коммунистическая партия, а президенты — в каждой стране свой.

Ну а больше ничего рассказывать не будем. Если хотите узнать, как прошла вторая половина XX века и начало века XXI — поспрашивайте у родителей. Они все это видели своими глазами. А кое-что вы и сами видели. Да и сейчас видите.

Так что давайте уже на историю не отвлекаться, а читать дальше.

Следующая пара десятков лет пролетела для Деда Мороза и Снегурочки быстро. Хотя количество писем, телеграмм, открыток, посылок, записок перевалило за сотни тысяч.

Каждый год Дед Мороз думал, что справиться с таким количеством заказов невозможно, и каждый год поражался, когда Главный Птёрк приносил ему отчет — бумажку, на которой нарисованы все-все принесенные звездочки.

— У нас, птёрков, знаешь, какой учет! Ни одна звездочка мимо не

пролетит! Это была пятьдесят тысяч триста сорок шестая, нет, седьмая, и еще две потом... Так, вы не толпитесь, по очереди выпускайте, я не успеваю считать! Триста сорок девять! Десять! Тьфу... Триста сорок десять... Так, вы двое, вы уже выпустили? Значит, триста пятьдесят две...

При этом на бумажке вместо циферок Главный Птёрк хвостом рисовал всякие рожицы, фигурки и прочие загогулины.

В новогоднюю ночь Морозовым приходилось плотно занавешивать окна, потому что звезды сыпались на них без перерыва.

В семидесятых годах у Морозовых появилась дача за городом, и стало проще. На Новый год они съезжали туда вместе со всей оравой птёрков и охлей, и никого не смущали бесконечным фейерверком.

А вскоре у Морозовых появилась новая традиция.

Однажды, перед Новым годом, Морозов читал записки и наткнулся на такое письмо:

«Дорогой дедушка Мороз!

Я знаю, ты живешь далеко от меня, но я тебя очень сильно люблю и жду в гости!

Приезжай, пожалуйста, а то Маринка говорит, что тебя нет. А ты приедешь, и все увидят, что ты есть и ты живой!

Мама сказала, что напечет тебе пирожков. Ты какие любишь, с капустой или с картошкой?

И Снегурочку с собой возьми, она такая красивая!

Люба Емельянова»

Сергей Иванович задумался, долго мял в руках записку.

— Ну и что мне делать? — спросил он наконец у Маши и птёрка. — Желание выполнять нужно. Откуда записка-то?

— Из Киева.

— Ну и что, придется в Киев лететь?

— А почему бы и не слетать? — птёрк потянулся. — Хороший город.

— А Ленинград?

— А что с ним случится? Вы езжайте, прогуляйтесь. Записочки мы тебе и в Киев принесем, а вы там по утренникам походите. По Крещатику прогуляйтесь, желания повыполняйте. Тебя же все дети любят, не только ленинградские!

Тяжело было решиться покинуть родной город, но решившись, Дед Мороз со Снегурочкой ни разу об этом не пожалели.

В Киеве их ждала потрясающая встреча — сотни детей, новые люди, куча желаний...

И, начиная с этого года, Морозовы теперь перед Новым годом обязательно устраивали себе командировку, а то и несколько. Делалось это так: Главный Птёрк выуживал из огромной горы писем одно, читал адрес, и Морозовы отправлялись в гости.

Где они только не побывали! Минск, Москва, Иркутск, Ужгород,

Саратов, Рига, Душанбе, десятки маленьких городков, которые они просто проезжали по дороге. Вокзалы, аэропорты, поезда, самолеты — в любом месте огромной страны мог оказаться настоящий Дед Мороз.

* * *

Вообще, с Новым годом все обстояло просто отлично, но с бытом было сложнее. Пятьдесят недель в году Морозовы были обычными людьми. И все бы ничего, но они не старились. И если Маша приходила устраиваться на работу тридцатипятилетней женщиной, то через двадцать лет все ее сослуживицы начинали, мягко говоря, недоумевать.

С соседями тоже возникали сложности. После войны в их любимом доме по улице Чайковского не осталось практически никого, кто помнил довоенное время. Кто погиб, кто переехал, кто не вернулся из эвакуации. Единственная бабушка, которая осталась с тех времен, жила в соседней квартире. Она периодически пыталась рассказывать своим внукам, что, мол, вот тетя Маша — она моя ровесница, мы с ней, помню, в молодости, вместе на рынок бегали... Но поскольку бабушке было уже хорошо под 90, ее слова никто не воспринимал всерьез.

Связь с родственниками Морозовы не поддерживали с войны — водить за нос близких людей было бы тяжело, да и неприятно. Сергей Иванович и Маша понемногу смирились с потерей родственных связей, да и родственники, судя по всему, считали, что Морозовы погибли в блокадные годы.

Но однажды в субботу, когда Маша вышла в магазин, в дверь позвонили. Сергей Иванович открыл и увидел мужчину лет сорока пяти с неуловимо знакомой внешностью.

Увидев Морозова, мужчина отчего-то крайне удивился и спросил:

— Сергей Иванович?! Дядя Сережа?!

Вообще-то Сергей Иванович никогда не врал, Деду Морозу это не к лицу, но тут вдруг занервничал и зачем-то сказал:

— Нет. Козлов Петр Максимович.

Мужчина похлопал глазами и пробормотал:

— Ой, конечно... Просто вы очень похожи.

Гость по-детски шмыгнул носом, и тут Морозов сообразил, откуда ему знакома внешность этого человека: перед ним стоял внучатый племянник Андрюша! Тот самый, которому он в далеком 1935 году рассказывал про рождественскую елку.

— Извините... — сказал повзрослевший Андрюша. — Тут до вас семья жила. Морозовы. Они в блокаду погибли... или не погибли, но пропали. Может, какие-нибудь документы остались? Или они адрес оставили? Или вы знаете... — тут он запнулся, — где они похоронены?

Сергею Ивановичу страшно захотелось обнять племянника, рассказать ему все, но... Слишком фантастически прозвучала бы эта история.

Поэтому Морозов сказал:

— Извините, ничем помочь не могу. Мы тут недавно живем. А до нас какая-то пожилая дама жила.

— Ее не Мария звали? — в глазах Андрюши загорелась надежда.

— Нет, Елизавета, — второй раз в жизни соврал Сергей Иванович.

— Простите, — поник гость. — Просто... Очень вы на него похожи. А можно, я войду?

«Конечно!» — чуть было не ответил Сергей Иванович, но спохватился. А если Маша вернется? Опять врать, что «просто похожа»?

Поэтому Морозов смутился, но соврал в третий раз:

— Извините... я сейчас сам уходить собирался...

— Да? Жаль, — Андрюша еще раз по-детски шмыгнул носом и достал из кармана записную книжку. — А можно, я свой адрес и телефон оставлю? Вдруг они объявятся.

Андрюша писал крупным, почти детским почерком и говорил, словно оправдываясь:

— Дядя Сережа... Сергей Иванович — он... Он очень много значит для меня... И я очень бы хотел сына с ним познакомить... Передайте им, если найдутся, ладно?

Морозов принял записку и в ответ смог только кивнуть.

* * *

Вечером этого дня Морозовы долго сидели на кухне и листали семейный альбом. Вся квартира пропахла валерьянкой — Маша, услышав о визите внучатого племянника, очень разнервничалась, даже расплакалась, пришлось ее отпаивать успокаивающим.

— Это мы трамвай пускали, помнишь? — Сергей Иванович погладил старую, дореволюционную еще фотографию.

— А это наш тогдашний дом, — вздохнула Маша. — Я недавно проходила мимо него, он совсем не изменился.

— А это Света с семьей, — Морозов ткнул пальцем в семейство, которое застыло в торжественной позе. — Смотри, Ванечка... Гимназист. Интересно, где он, хоть бы знать, в какой стране живет... А Наташка какая смешная! А теперь у нее сын взрослый... Даже не взрослый — пожилой, считай. По виду мы с ним одноклассники.

На глазах у Маши опять выступили слезы.

— Машенька, — Сергей Иванович погладил жену по руке, — я тоже очень хочу их повидать, поговорить, правнуков понянчить...

— Уже, наверное, праправнуков...

— Тем более. Но представь, что они подумают, если мы к ним заявимся?

Маша только головой покачала. Понятно, что ничего путного из этого не получится. Морозовым за восемьдесят, а выглядят они на сорок, не больше.

— Только родственников перепугаем, — согласилась Маша.

— Одного я уже перепугал сегодня. Смотрел на меня, как будто привидение увидел.

— Знаешь что, — решительно сказала Маша, — надо отсюда переезжать. Вдруг еще кто-нибудь из родных захочет нас разыскать. Да и соседи в конце концов начнут беспокоиться, чего это мы не стареем.

— Надо, — Сергей Иванович поцеловал жену в мокрые от слез глаза, — ты у меня умница.

— Только у меня просьба, — Маша жалобно посмотрела на мужа, — можем мы в наш старый дом переехать? Там нас вряд ли кто искать будет.

— Ну... если там кто-нибудь будет квартиру менять... если она нам подойдет...

— Ты же у меня волшебник!

— Волшебник, — Сергей Иванович покосился на зеленые деревья за окном. — Только я на Новый год волшебник, а сейчас июль.

— Ну пожа-а-луйста, — попросила Маша и часто-часто заморгала.

Морозов рассмеялся:

— Я попробую.

Неизвестно, то Сергей Иванович наколдовал или им просто повезло, но в старом доме действительно оказался подходящий вариант обмена. Переехали уже через месяц, так что к Новому году успели обосноваться на новом месте.

* * *

Морозов после войны продолжал работать в трамвайном депо. И хотя борода немного маскировала возраст, ему тоже пришлось оттуда уйти, чтоб не задавали лишних вопросов. Перешел на завод, работал в конструкторском бюро. Скучал по любимой работе ужасно, но надеялся, что еще вернется, как только там сменится очередное поколение работников.

Маша работала в школе, все еще преподавала в начальных классах. И работа ей нравилась, и дети ее любили. Единственная сложность — договориться об отпуске зимой. Не могла же она, в самом деле, прийти на урок Снегурочкой! Но с годами коллеги привыкли к этой странности, подменяли ее по очереди.

Однажды Маша приходит с работы и смеется:

— Сереж, представляешь, пришла сегодня комиссия из РОНО, начали меня учить урок проводить. Говорят, на правах старших... Да у меня педагогический стаж больше 30 лет, и я им чуть об этом не сказала... А потом подумала, что надо бы как-нибудь свою трудовую книжку выкрасть из бухгалтерии. Да и паспорт, наверное, опять пора терять.

Если бы не беспорядок в советских учреждениях, Морозовым бы тяжело пришлось. Но поскольку бумаги и документы в этих самых учреждениях регулярно терялись, а у Морозова хватало обаяния и мудрости, чтобы убедить любую начальницу паспортного стола в чем угодно, то со временем это стало даже весело.

— Я не знаю, кто у вас это заполняет, — гремел Морозов, подавая заявления на новый паспорт в 1985 году, — вы посмотрите, что у меня здесь написано, дата рождения 1912 год. Вы что, хотите сказать, что мне 73 года?

Морозов мысленно смеялся, вспоминая, что в 1912 году он уже был вполне зрелым мужчиной. Начальница паспортного стола предположила, что по невнимательности 12 написали вместо 42. На том и порешили.

Так они и жили в новой квартире с новыми паспортами. Работу Маша тоже сменила, ушла во Дворец пионеров, вела сразу несколько кружков.

И если все человечество активно готовилось к встрече нового века и нового тысячелетия, то Морозовы этой датой интересовались не сильно. Они гораздо больше ждали 2012 года. В этом году пройдут еще 50 лет их волшебства. И скорее всего, нужно будет снова пойти в Косой переулок и

снова заново стать Дедом Морозом и Снегурочкой.

Столетний юбилей. Перед Новым 2012 годом

Из будущей истории

Мы писали эту книгу, когда до 2012 года оставалось еще пять лет. Поэтому пришлось немного пофантазировать. Мы пофантазировали-пофантазировали и решили, что за пять лет мало что изменится.

Поживем — увидим.

— Спасибо, — говорила Маша в беленький телефончик, усеянный снежинками, — и вас также... Да, тренинги возобновятся только после 10 января... Извините, у меня каждый год рождественские каникулы... Мне очень жаль... До свидания.

— Маша! — донеслось из соседней комнаты. — Ну откуда такие олухи берутся!

Маша вздохнула и пошла разбираться. Она даже догадывалась, о ком идет речь.

Муж недавно завел собственный дневник в Интернете и теперь все свободное время посвящал ему.

Поначалу Сергей Иванович отнесся к компьютеру как к обычному

электроприбору. Изучил, разобрал-собрал несколько раз, посмотрел, что внутри, и быстро к нему остыл.

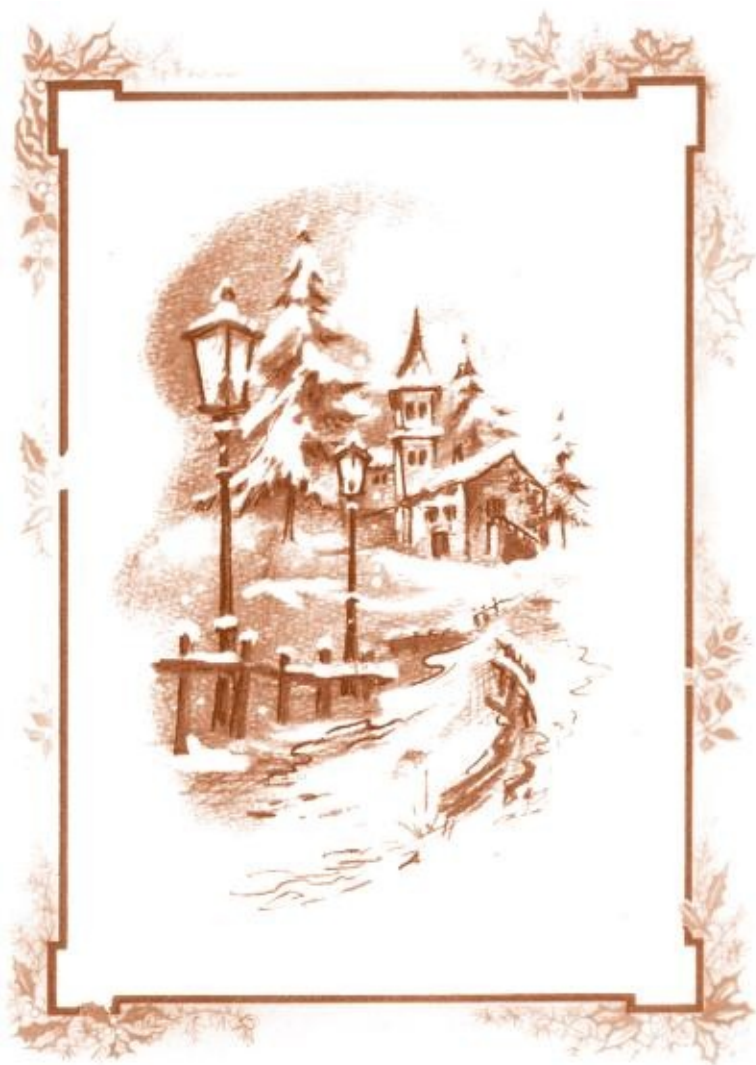
Морозов любил работать руками, а в последнее время его увлечением стали модели старых поездов. Мелкая кропотливая работа — он готов был заниматься этим целыми днями. Дома накопилось довольно много крошечных железнодорожных составов. Вот этому он посвящал все свободное время. А компьютером пользовалась Маша.

Она и показала мужу в Сети старые фотографии Питера, куда их выложили какие-то ребята, патриоты своего города. И все! Морозова засосало во Всемирную Паутину. Сначала он просто бродил по сети, читал, изредка отвечая на вопросы по истории города. Потом начал писать и выкладывать небольшие очерки. Через некоторое время ник Дед_Мороз стал самым уважаемым среди историков и почитателей Питера.

Однажды Сергей Иванович выложил где-то на форуме фотографии своих маленьких поездов, захотелось ему похвастаться. И начался фурор. Ему писали, его теребили, оказалось, что в сети полно коллекционеров; готовые модели распродались буквально за неделю, причем по таким ценам, что Сергей Иванович только диву давался.

Он немедленно уволился с работы и стал неплохо зарабатывать созданием эксклюзивных механических игрушек. Чаще всего поездов.

Морозов очень полюбил Интернет. В нем он мог не прикидываться, в нем он описал всю историю своей жизни, начиная от рождения в 1872 году. Его рассказами про Первую мировую и дореволюционный Питер зачитывались.

— Дед_Мороз, пеши исчо!!!

— Уважаемый Дед_Мороз, когда читаешь ваши рассказы, то кажется, что вы на самом деле там были...

Сергею Ивановичу было лестно и интересно, он радовался как ребенок и «песал исчо».

Вторым Интернет-проектом, который оказался даже живее блога, стал собственный сайт Деда Мороза.

Туда Морозов напихал уйму интересной информации: фотографии и рисунки старых елочных игрушек, рассказы о елках, костюмы, песни, стихи, а главное — любой ребенок мог написать электронное письмо и

заказать себе подарок.

Целая бригада птёрков перед Новым годом ежедневно распечатывала на принтере почту, а распечатки приносила Деду Морозу — выполнять желания. Охли к компьютеру не лезли, говорили, что они — девочки и ну их, эти железяки. Ещё лапка в принтере застрянет...

Так вот, в последнее время на блог Морозова начал наведываться какой-то самонадеянный тип под ником «Великий Дракон», который обвинял Сергея Ивановича в некомпетентности. Например, он не верил, что сто лет назад по льду Невы ходил трамвай.

— Я ему уже фото послал! — Морозов, завидев жену, начал яростно тыкать пальцем в монитор. — А ты смотри, что он пишет!

«Опять монитор мыть придется», — вздохнула про себя Маша и послушно принялась читать очередное сообщение недоброжелателя. Оно гласило:

«Убейсибяапстену! Фтопку! В Шопе такой ужос фпять минут клипаится! Фотошопа — Ъ».

— Что за бред? При чем тут Фотошоп?! — продолжал возмущаться Сергей Иванович. — А «ер»... то есть твердый знак при чем?

Маша недавно провела серию мастер-классов по сетевому этикету, поэтому терпеливо объяснила:

— Твердый знак — это выражение сильной эмоции.

В данном случае — восторга.

— Ну вот, — пробурчал Морозов, — уж его отменяли-отменяли, этот «ер», а он все живет... И все-то ты знаешь!

Маша рассмеялась и ответила:

— Ну, за 100 лет жизни многое можно освоить!

Маша действительно знала и умела очень много. Огромный стаж работы в школе, потом еще столько же во всяких кружках. Потом, когда менять работу стало просто не на что — ее знал уже весь город — занялась образованием. В разных коммерческих вузах выучилась на психолога и менеджера. В последнее время вела тренинги для детей и взрослых. Но в

целом все это складывалось в идеальную Снегурочку. Маша не просто знала детей, она их чувствовала. Она, как локатор, ловила детские настроения и точно знала, что нужно сделать, чтобы детский праздник пошел так, как ей хотелось. Она на самом деле стала волшебницей, потому что угадывала детские желания часто даже раньше самих детей.

Сергей Иванович занес руки над клавиатурой для грозного ответа, но Маша осторожно поцеловала его в затылок. Это, как всегда, помогло. Морозов остыл и набирать ответ передумал.

— Ну вот как бороться с этими идиотами?

— «Падонками», — поправила его Маша. — Они себя называют «падонки». Кстати, учи сленг, теперь даже пятилетние дети на нем говорят.

— Пусть «падонками»... Но бороться ведь надо как-то?

— Не надо. Смотри, за тебя уже борются.

Маша кивнула на экран. Действительно, там уже появились два отзыва на сообщение «падонка».

«Молодой человек! — писал пользователь AlexProf. — Ваш тон совершенно неуместен. Дед_Мороз — признанный авторитет в истории отечественного машиностроения...»

И так далее в том же духе.

Этот отзыв Сергея Ивановича немного успокоил. А уж когда начал читать следующий, то расплылся в улыбке.

«Морозов крут! Мне папа на аукционе купил паровозик который он сделал так супер!!!!!! У него все детали настоящие, не то что китай какой-нибудь! И топка настоящая!..»

Правда, тут молодой поклонник тоже сорвался на фразы «самаво тибя фтопку!» и «аффтар жжот как афтаген!», но Морозову все равно было приятно.

— Вот видишь, — сказала Маша, — какие у тебя защитники. Без тебя справятся. А у нас есть важное дело.

Сергей Иванович оторвался от монитора и потянулся. Декабрь подходил к концу, пора было превращаться в Деда Мороза.

— Слушай, — сказал Сергей Иванович, выключая компьютер, — а что если не пойти?

Маша улыбнулась. Она давно уже не попадалась на такие розыгрыши.
— Сколько можно! — продолжил Сергей Иванович. — И без нас дети не пропадут.

— Хорошо, — сказала Маша, — давай одевайся. Сегодня не холодно, можно пойти в куртке.

— Понятно, — усмехнулся Сергей Иванович, — розыгрыш не удался.

* * *

На сей раз они почти не волновались, когда волшебные способности пропали. Им даже не потребовался визит птёрка и охли, чтобы вспомнить о Косом переулке. Собственно, они о нем теперь никогда не забывали.

Сергей Иванович подошел к окну и посмотрел на улицу. Вспомнил пейзаж столетней давности — память у него была молодая, цепкая. Попытался сравнить. И решил, что раньше, конечно, было мило и уютно, но теперь все-таки лучше.

До Косого переулка шли пешком, как и тогда, век назад. Почти не разговаривали, только иногда касались друг друга пальцами и улыбались. Рассматривали прохожих. Маша, видимо, тоже вспомнила, как оно все было в 1911 году.

— А лучше стало, — сказала она, — помнишь гимназистов?

И кивнула на компанию школьников. Они совсем не были похожи на застегнутых на все пуговицы «гимназеров» — одеты во что-то яркое, говорят громко и уверенно, смеются...

— Помнишь, — улыбнулся Морозов, — мы думали, что будет, если букву «ять» отменить? На пользу пошло, оказывается!

— А шляпок теперь вовсе не носят, — почему-то грустно произнесла Маша.

Сергей Иванович не сразу понял, к чему это, потом вспомнил — Маша в тот вечер шла и пыталась представить, какие поля будут у шляпок будущих модниц.

— И Сергиевского собора уже давно нет. Жаль. Красивый был собор, — продолжала Маша, — помнишь, мы думали, он будет стоять вечно?

— Ну, мы тогда много еще не знали. Ни про революцию, ни про войны.

Морозов шел и присматривался к людям. Не только дети — все люди стали за сто лет ярче и смелее.

— А счастливее они стали? — подумал вслух Морозов.

Маша не переспросила, поняла, про что он.

— Конечно! Ведь к каждому из них в детстве приходил Дед Мороз. И они знали — что бы ни случилось, а Дед Мороз не подведет.

— Убедила, — усмехнулся в бороду Сергей Иванович, — пройдемся по переулку!

Они уже почти пришли, осталось только завернуть за угол. Морозовы невольно прибавили шагу, завернули...

— Как же так? — Маша с надеждой смотрела на мужа. — Как же мы пройдем?

Косой переулок представлял собой печальное зрелище — все перекопано, то есть вместо переулка — один огромный котлован, тщательно огороженный со всех сторон забором.

— Что это? — потрясенно спросила Маша.

— Авария. Коммуникации меняют, — раздался голос за спиной. — За день раскопали, теперь месяц зарывать будут.

Пожилая женщина, сказавшая это, подождала реакции, не дождалась, покачала головой и прошла мимо.

Сергей Иванович и Маша были погружены в изучение неожиданного препятствия.

— Так, через забор мы перелезем, это легко, — сказал Морозов. — Будем сидеть в яме. Какая разница: сидеть в переулке или ходить по переулку?

Он внимательно осмотрел празднично одетую жену.

— Бегом домой переодеваться!

И они побежали. Решили поймать такси, проехали два квартала, застряли в дикой пробке, вылезли из машины и побежали дальше. Ворвались в квартиру — натянули джинсы, старые сапоги, теплые куртки — рванули назад. Обратно повезло — кусок дороги удалось проехать на машине, только от Литейного опять бежали, нервно поглядывая на небо. Пришла туча?

Тучи не было, ходили по горизонту облака, но совершенно не снежные. И вообще, погода была не предновогодняя — слишком тепло, а с утра вообще шел дождь.

Маша прилипла к забору и сказала:

— Увидим тучу — полезем в яму.

Прошел час, тучи не было.

Маша с Сергеем Ивановичем вышли к Неве, чтобы лучше было видно небо, и увидели, что далеко за городом сверкают зарницы.

— Гроза в декабре? — изумился Сергей Иванович. — Совсем с климатом стало плохо!

— Да, все плохо. И не только с климатом! — Птёрк, как всегда, возник неожиданно.

На этот раз он появился на плече у Маши.

— Это не гроза, это наша туча. Сегодня на Невском какой-то детско-спортивный праздник. Был приказ обеспечить хорошую погоду.

— И?

— Расстреляли нашу тучу.

Птёрк произнес это таким тоном, словно хотел сказать: «Расстреляли всю нашу семью». Впрочем, в каком-то смысле так оно и было.

Морозовы стояли молча минут пять, пытаясь осознать...

Получалось плохо. Первым ожил Сергей Иванович.

— Снег где-нибудь прошел?

— Нет, рассеялся.

— То есть ни на кого не попало?

— Пару птиц зацепило. Но толку от них никакого.

— И что теперь будет?

— Будем ждать еще 50 лет, — Птёрк сидел, печально свесив лапки, но пытался бодриться.

— А дети? — взревел Дед Мороз.

— А мы? — воскликнула Маша, — мы ведь можем и не дожидаться! Обычные люди не живут по 100 лет!

Морозовы просидели в переулке до поздней ночи. Маша то плакала, то начинала надеяться на лучшее; Сергей Иванович курил, первый раз со времен Первой мировой войны. Птёрк встречал своих сородичей.

Если бы люди могли их видеть, то увидели б тысячи, тысячи печальных рожиц птёрков и охлей, толпой стоящих вокруг своего Деда Мороза.

Надежда погасла после того, как пробило полночь.

— Пошли домой, — внезапно хриплым голосом сказал Сергей Иванович, — нечего здесь мерзнуть.

— И что мы будем делать? — спросила Маша.

— Бороться! Эй, печальное царство, вы с нами? Вам же вроде нельзя показываться обычным людям...

— Нельзя, но мы с тобой. Мы без тебя не можем! А вдруг ты что-нибудь придумаешь, а?

Придя домой, Сергей Иванович сбросил только куртку и сапоги и уселся за компьютер.

— Ну что, — сказал он преувеличенно бодрым голосом, — в нашем распоряжении новые технологии. Еще 50 лет назад то, что случилось, было бы катастрофой, а сегодня...

Морозов наткнулся взглядом на толпу птёрков и охлей, которые слушали его лекцию, открыв рот. Маленькая охля в первом ряду даже записывала что-то в крохотный блокнотик.

Сергей Иванович споткнулся на полуслове, засмеялся и продолжил уже нормальным тоном:

— Помогать будете?

— А то!

— Тогда за работу!

Морозов довольно быстро все организовал и придумал. Проще всего было с Интернет-заказами. Пришлось только купить еще один компьютер и посадить за него маленьких помощников. Они взялись за дело с энтузиазмом. Четверо птёрков покрупнее таскали туда-сюда мышку, на клавишах которой восседали еще двое — один на правой, второй на левой.

Еще несколько охлей топталось по клавиатуре, а руководил всем Главный Птёрк, оседлавший спинку компьютерного кресла.

— Пять шагов влево! — командовал он. — Два вперед! Не назад, а вперед! От меня два шага! Стоп! Левый — клик!

Услышав это, один из птёрков подпрыгивал и с громким щелчком приземлялся на левую кнопку мыши.

— Хорошо! Эй, на клавиатуре! Не спать! Контрол Це! Одновременно, бестолочи!

Доставить все получаемые электронные письма родителям детей было очень трудоемкой задачей, но вполне выполнимой. Те письма и записки, которые приходили обычной почтой, тщательно сортировались.

Частично, с посылными охлями, они отправлялись к родителям, частично переправлялись в благотворительные организации.

Квартира Морозовых превратилась в настоящий штаб. Не прекращая трезвонили штук 10 телефонов, стучали клавиатуры двух компьютеров, работали принтеры, ксероксы и факс. Птёрки и охли освоили уже всю офисную технику, бодро отвечали по телефону, резво вели переговоры. Хорошо, что маленьким помощникам не нужно спать. Они работали круглосуточно.

Но хотя они работали не покладая рук, по мере приближения Нового года нарастало отчаяние. Те заказы, которые они могли обработать, — капля в море. Морозов всех уверял, что это не главное, что нужно успеть сделать хоть сколько-нибудь — и это уже будет победа. Но глядя на гору

писем, в которых были невыполнимые теперь желания, он мрачнел и сжимал зубы.

Что ему стоило раньше сделать так, чтоб на день рождения Катеньки была хорошая погода! Да ничего не стоило! Полсекунды работы!

Что ему стоило год назад сделать так, чтоб Саша заняла первое место на соревнованиях по фигурному катанию! Полсекунды на то, чтоб представить себе, как упорно она тренируется и еще полсекунды на то, чтоб увидеть ее с золотой медалью.

А теперь и эти и еще сотни других писем лежат грудой в углу и выглядят неммым укором.

Новогодняя ночь приближалась, Морозов только бродил по дому мрачнее тучи. Дымил как паровоз. Птёрки за соседним компьютером придумали специальный вентилятор, чтоб отгонять от себя дым в окошко, а то им временами плохо был виден монитор.

Маша дома практически не появлялась, она носилась по городу, организовывала утренники, нанимала актеров на роль Деда Мороза.

31 декабря утром она оглядела квартиру, заваленную бумагами, своего мрачного, заросшего щетиной мужа, птёрков с воспаленными глазами и сказала:

— Все, через десять минут я обесточу квартиру. Мы уезжаем на дачу встречать Новый год.

Как ни странно, Сергей Иванович послушался. Видимо сам понимал, что большего они сделать уже не успеют.

* * *

— В Петропавловске-Камчатском полночь! — объявил диктор телевидения.

И тут же грянула какая-то разухабистая поп-группа.

Какое отношение она имела к полночи и Петропавловску, было не очень понятно, но видимо, все это должно было создавать атмосферу праздника.

Если бы группа пела в прямом эфире и могла бы через экран заглянуть на дачу Морозовых, то от их задора не осталось бы и следа. В тоске, которую излучал Морозов, можно было утопить страну размером с Голландию. Или десяток Лихтенштейнов.

Маша была при деле, она готовила и накрывала на стол. Никаких

«оливье» — пироги, заливная рыба, все, как сто лет назад. Видимо, ей очень хотелось вернуться в прошлое, в то время, когда все только начиналось.

Главный Птёрк долго топтался вокруг Морозова, не решаясь начать разговор.

— Попрощаться хочешь, — не выдержал Сергей Иванович.

— А ты откуда знаешь?

— Вид у тебя уж больно трагический...

— На себя посмотри!

Помолчали.

— Маше не говори, — попросил Сергей Иванович. — Я давно догадался, что вы после Нового года исчезнете, а она, похоже, еще во что-то верит...

— Женщины, они вообще странные существа, — Главный Птёрк махнул головой в сторону Маши и огромного количества охлей, которые помогали ей по хозяйству. — Все бегает чего-то, крутятся... Надеются на что-то...

Помолчали.

— Впрочем, мы не лучше, — восстановил справедливость Морозов.

Новый год шел по необъятным просторам бывшей Российской империи, бывшего Советского Союза, а теперь Содружества Независимых Государств и прилегающих к нему стран.

В телевизоре, как торнадо, бушевало веселье, поддельные Деды Морозы по всем каналам поздравляли всех с новым счастьем.

— А здорово было, как в Первую мировую на фронте в футбол играли! — вдруг встрепенулся птёрк. — Игроки друг друга ни бельмеса не понимают, все на разных языках говорят, а как мяч в руки взяли, так сразу словно на одном языке залопотали! Игроки орут на немецком, судья на английском со словарем...

— А помнишь ту девочку, в блокаду, которую мы на улице нашли. Если бы не ты, она бы умерла...

— А помнишь, как елки восстановили!

— А помнишь...

К Морозову и Главному Птёрку потихоньку подтягивались другие птёрки и охли, через некоторое время разговор перестал быть траурным, Морозов даже начал смеяться общим воспоминаниям, а когда пришло время открывать шампанское, сказал:

— Если б я мог загадать последнее желание, я бы пожелал, чтоб кто-нибудь обязательно прошел по Косому переулку через пятьдесят лет. И чтобы у этого кого-то хватило сил и мудрости, чтобы правильно использовать свой дар.

Пробили куранты, Морозов залпом осушил свой бокал и аккуратно поставил его на стол. Маша же не сводила глаз с входной двери.

— Все, — успел сказать Морозов, — хватит ждать чуда!

— Да, хватит, — подтвердила Маша, — бегом на улицу.

Как Морозов оказался во дворе, он так и не понял, — видимо, в порыве Маша вытащила его туда на руках, используя как таран, чтобы открыть дверь.

А там, во дворе, уже сидели сотни, тысячи, десятки тысяч, а может, и сотни тысяч птёрков и охлей.

— Три-четыре, выпускай!!! — заорала Главная Охля, которая сидела у Снегурочки на плече.

И сотни, тысячи, а может, и сотни тысяч разноцветных звездочек взмыли вверх. И сотни тысяч маленьких птёрков и охлей начали напевать знакомую мелодию. А потом разноцветные искорки смешались со снегом и заблестели и на волшебном платье у Снегурочки, и на красивой,

окладистой бороде Сергея Ивановича.

Ошарашенный Морозов стоял как истукан в центре этого фейерверка, Маша ревела в три ручья, Главная Охля вытирала ей слезы красивым кружевным платочком.

— Вот видишь, — говорила она, — все получилось, а ты боялась, что не получится...

— Но откуда?!. — ожил Морозов, — откуда звездочки? Я же не наколдовал ни одного желания!

— А это неважно, — сказала главная Охля, — дети верят в тебя, они уверены, что их желания выполнил ты. Пока они верят — ты волшебник. Правда, Снегурочка? Это все она придумала! — Охля кивнула головой в сторону заплаканной Маши.

— Мы это на третьем курсе по психологии проходили, — Маша шмыгнула носом, — сто лет живи, сто лет учись!

Эпилог. Год спустя

Дед Мороз и Снегурочка сидели у себя на даче в креслах-качалках, но не раскачивались. Они даже ноги поджали — птёрки и охли занимали весь пол, словно хохочущий, визжащий и прыгающий на одной ножке ковер.

— Интересно, — сказала Снегурочка, — сколько их.

— Главный Птёрк, наверное, знает, — задумчиво произнес Дед Мороз. — Только как его тут отыщешь...

— И ты все эти желания в одиночку выполнил! — восхитилась Снегурочка.

— Ну, не в одиночку... Родители помогли, старшие братья, сестры, всякие фонды...

— Но если бы не ты, — улыбнулась Снегурочка, — им бы и в голову не пришло дарить сегодня подарки!

— Ну да, — развел рукавицами Дед Мороз, — выходит, что на мне все держится. Спасибо, что придумала год назад с этим новогодним салютом.

Снегурочка протянула руку и погладила его по варёжке.

Охля, сидевшая на люстре рядышком с Главным Птёрком, шмыгнула носом, глядя на эту картину.

— Ты чего? — удивился Главный Птёрк.

— А вдруг дети в них верить перестанут? Вот ужас-то будет!

— Чего это вдруг!? — возмутился Главный Птёрк.

— А вдруг! Они сейчас в Бэтмена верят и в этого... Человека-Паука! Я сама слышала, как одна девочка кричала: «Ура! Это мне Человек-Паук куклу под елочку принес!»

Главный Птёрк задумался.

— Вот что, — сказал он. — Ты сама в Деда Мороза веришь?

— Как же не верить? — заморгала охля. — Вот же он!

— И я верю. Значит, мы тоже можем желание загадать, и оно сбудется. Давай загадаем...

— ...чтобы в Деда Мороза верили всегда! — догадалась охля. — Давай, ура! Как ты здорово придумал! Точно! Сейчас как загадаем! Какой ты умный!..

— Цыц! — перебил ее польщенный Главный Птёрк. — Надо сосредоточиться как следует.

Главный Птёрк, а за ним и сидящая рядом охля сосредоточились, то есть крепко-крепко зажмурились и запыхтели. А Главный Птёрк чуть

слышно пробормотал под нос: «Дед Мороз, Дед Мороз... На нас все держится...»

Словарик

Здесь мы собрали все слова из книги, которые могут оказаться непонятными. Большинство из них устарели, ими давно никто не пользуется. Но есть и такие слова, которые появились совсем недавно. Может быть, вы просто не успели с ними познакомиться. Почти все новые слова собраны под заголовком «Албанский» язык».

Если вы не найдете значение какого-нибудь непонятного слова в нашем словарики, спросите у папы или мамы. Они всегда все знают.

«Албанский» язык, или язык падонков — вообще-то это русский язык, но его слова специально исковерканы. Вместо «автор» пишут «аффттар», вместо «ужас» — «ужос». Зачем? Трудно сказать. Наверное, чтобы смешнее было. Пользуются «албанским» языком в Интернете. Вот слова и выражения этого языка, которые мы использовали в книге:

аффттар жжжот как *аффтаген* — «автор жжет, как автоген». Имеется в виду, что кто-то (в нашей книге — Дед Мороз) написал что-то очень хорошее. «Как аффтаген» добавлять необязательно, это мальчик из книги добавил для убедительности.

Падонки — «подонки». Люди, которые любят грубо ругаться. Даже себя они называют не иначе как «подонки». Именно они первыми начали активно использовать «албанский» язык.

Пеши исчо — «Пиши еще». Это выражение употребляют, если прочитали что-то, что очень понравилось.

Убейсибяапстену — «убей себя об стену». Предложение собеседнику признать, что он неправ.

Уж ос — «ужас». Просто ужас.

Фпятьминут — «за пять минут». То есть очень быстро.

Фтопку — «в топку». Предложение уничтожить что-нибудь или

просто забыть и никогда не вспоминать.

Шоп — Фотошоп. Компьютерная программа, в которой можно сильно переделать фотографию или даже нарисовать новую.

Ъ — знак высшего одобрения, уважения.

Аэроплан — так сто лет назад называли первые самолеты.

Барышня — сто и больше лет назад так называли девушку благородного происхождения.

Блог — дневник, который ведут в Интернете. То есть кто-то записывает свои мысли или рассказывает о каких-нибудь случаях, а потом выкладывает в Интернет. Другие люди читают это, пишут то, что они думают по этому поводу. Так и общаются.

Бонбоньерка — красивая коробочка для конфет или других сладостей.

Бристольский картон — один из самых дорогих сортов картона. Получается склеиванием нескольких листов хорошей бумаги.

Бронепоезд — поезд, обшитый броней, на котором установлены пушки. И в Первую, и во Вторую мировые войны такие поезда использовались для борьбы с врагом. Теперь это уже история.

Бруствер — насыпь перед окопом, через которую солдаты отстреливаются от противника.

Будочник — полицейский, который стоит на посту у караульной будки.

Вагоновожатый — водитель конки. Потом так стали звать водителя трамвая, но лет пятьдесят назад слово «вагоновожатый» перестали употреблять.

Вельможа — важный человек, который свысока смотрит на других людей.

Верфь — место, где ремонтируют и строят корабли.

Владимир — вообще-то мужское имя, но сто лет назад так иногда называли орден святого Владимира.

Георгиевский крест — военная награда в России сто лет назад. Георгиевский крест вручался только за личную храбрость в бою, поэтому он очень ценился, хотя и не был высшим военным орденом.

Граммфон — один из первых приборов, который мог проигрывать музыку. Музыка записывалась на специальных граммофонных пластинках.

Гренадеры — лучшие пехотинцы, которых тщательно отбирали и обучали. Они были высокого роста, сильные, отважные. Несколько веков назад в России уже были гренадерские полки и даже дивизии.

Депо — место, где ремонтируют локомотивы для железной дороги.

Извозчик — человек, который зарабатывал на жизнь тем, что за деньги возил пассажиров в коляске, запряженной лошадьми. Сто лет назад в

российских городах это был почти единственный вид транспорта, кроме разве что конки и трамвая.

Канитель — тонкая золотая или серебряная нить, которую используют для вышивания.

Картонажные ордена — ордена, сделанные из картона. Сегодня мы сказали бы «картонные ордена».

Классная дама — классный руководитель.

Конка — вагон, который тащили по рельсам лошади. В вагоне сидели пассажиры, а лошадьми правил вагоновожатый.

Кутья — каша из крупной крупы, обычно с изюмом или медом.

Лихач — извозчик, у которого удобная коляска и быстрые лошади.

Морковный чай — напиток на основе моркови, который пили в голодные годы вместо чая. Он был горячий и красноватый, но по вкусу на чай совсем не похож.

Навершие — то, что надевают на верх чего-нибудь. В нашей книге — на верхушку елки.

Особняк — сто лет назад так называли большой дом в городе, который принадлежит богатому человеку.

«Отче наш» — первые слова молитвы, которую должен знать любой православный. До революции этой молитвой начинались занятия в гимназии, поэтому все гимназисты «Отче наш» знали очень хорошо.

Парадное — подъезд. В старых домах было два входа в подъезд: парадный и «черный». Через парадный входили жильцы дома и их гости, через «черный» — кухарки, истопники и так далее. Парадный вход и называли «парадное». Потом вход в подъезд стал один и слово «парадное» забылось. Только в Петербурге оно уцелело до наших дней.

Поручик — одно из первых офицерских званий в России сто лет назад.

Приказчик — в купеческих лавках (то есть небольших магазинчиках) так называли помощника хозяина. Часто он был и продавцом в той же лавке.

Сайт — место в Интернете, где можно почитать свежие новости, узнать что-то полезное, скопировать картинки, музыку, программы. Если представить Интернет в виде большой библиотеки, то сайт — это одна из книг.

Сочельник, или *Сочевник* — последний день перед Рождеством.

Сударыня — в старину так обращались к женщине, если хотели показать, что очень уважают ее.

Сюртук — длинный пиджак, который носили лет 150–200 назад. Но и сто лет назад он еще пользовался популярностью.

Швейцар — человек, который стоит перед дверьми и открывает их перед входящими и выходящими людьми. Сегодня швейцары остались только в дорогих ресторанах и гостиницах. А раньше они были и у богатых людей.